ВПЕРВЫЕ В РОССИИ

АНДРЕА БОЧЕЛЛИ

Музыка тишины

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Андреа Бочелли – всемирно известный тенор, живая легенда третьего тысячелетия. На страницах этой книги тосканский гений дарит нам музыку. Музыку тишины…

В этой книге – правдивая история о человеке, который совершал ошибки, мучился сомнениями, переживал маленькие и большие горести, о его необычной судьбе и удивительном даре. Со страстной искренностью и обезоруживающей нежностью Бочелли берет читателя за руку и уводит в свой мир – богатый, сложный и хрупкий.

- Андреа Бочелли
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
  - XIII
  - XIV
  - XV
  - XVI
  - XVII
  - XVIII
  - XIX
  - XX
  - XXI
  - XXII
  - XXIII
  - XXIV
  - XXV
  - XXVI
  - XXVII
  - XXVIII
  - XXXIX
  - XXX

- XXXI
- XXXII
- XXXIII
- XXXIV
- XXXV
- XXXVI
- XXXVII
- Заключение

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Андреа Бочелли
Музыка тишины

I

Я чувствую некоторую неловкость, легкую, но искреннюю, при мысли о том, что спустя долгие годы мне снова приходится брать в руки перо. А ведь я посвятил этому много приятнейших часов своей юности.

Неловкость моя объясняется, пожалуй, отсутствием определенной мотивации или предлога: тогда я писал, преимущественно выполняя школьные задания; иногда сочинял письма своим далеким друзьям, писал стишки или предавался прочим подростковым слабостям творчества.

Моя цель – если это вообще может быть достаточным основанием для человека моего возраста, который внезапно вообразит себя писателем, – лишь с пользой занять свободное время, избежать праздности, а заодно рассказать простую жизненную историю.

Признаюсь, главное, что меня беспокоит, – вовсе не то, что случайный читатель вдруг начнет зевать от скуки над моими жалкими каракулями; ведь, в конце концов, он вправе в любой момент отложить эту книгу и забыть о ней. Но дело в том, что я постоянно ощущаю, будто за мной, пока я пишу, наблюдают проницательные глаза, читающие мои мысли. Это глаза старика, старика с добрым лицом, хранящим сочувственное выражение, с едва заметной улыбкой человека, великолепно знакомого с фарсом под названием «жизнь» – знакомого настолько, что это уже не вызывает у него ничего, кроме скуки и отвращения. На лице старика уже не найти и следа земных страстей, навсегда стертых неумолимой силой времени и упорством мысли. И все же этот светлый лик, озаренный огнем неведомых мне идей, строго судит меня: под этим взглядом я чувствую себя смешным, робким, мне то и дело кажется, что я ни на что не способен; а ведь еще секунду назад я воображал, будто мне известно все, как те школяры, что прочитали пару философских высказываний за партой лицея и считают, будто уже познали абсолютную истину. Иногда мне чудится, что на лице старика появляется ироническое выражение. И тогда я задаю себе вопрос: почему он не снисходителен ко мне в той же мере, что к остальным? Почему относится ко мне так строго?

Добрый читатель, вероятно уже понявший, кто такой этот милый старец-наблюдатель, знай же, что его неусыпный взгляд всегда направлен мне в спину и во всякое мгновение дня и ночи он руководит всеми моими действиями и решениями.

II

Я вижу себя в одной из многочисленных комнаток, в которых мне приходилось проводить время: это помещение три на три, с двумя креслами, умывальником, зеркалом, столиком и стенным шкафом. Свет сюда попадает из единственного окна, выходящего на улицу. Два часа дня, и мне придется торчать здесь допоздна. Скоро за мной придут, чтобы позвать на репетицию, а потом и на грим; будут приносить мне воду и кофе – в общем, все как обычно. Так что, дабы скоротать время, я начну свой рассказ. Компьютер включен. Дело за сюжетом.

Я ощущаю необходимость уйти, но это невозможно. Меряю комнату шагами, хожу взад-вперед в поисках воспоминаний, былой печали и давно ушедших чувств к почти позабытым людям и событиям; и внезапно мне вспоминается мальчишка в коротких штанишках, тоненький, словно прутик, с вечно беспокойными ножками, немного кривыми и сплошь покрытыми синяками и ушибами. Волосы у него черные как смоль, личико – умненькое, с правильными чертами, и принимает то очаровательное, то малосимпатичное выражение, в зависимости от того, кто на него смотрит.

Если не возражаете, я расскажу вам о нем: ведь я хорошо с ним знаком и легко могу выносить суждения о его жизни, его мыслях, принятых им решениях, – ведь, что называется, каждый из нас задним умом крепок.

Я бы назвал его самым что ни на есть нормальным мальчишкой, хотя в некотором смысле не совсем обычным, поскольку жизнь его выбивалась из общей схемы по причинам, сейчас известным многим. Когда я говорю «нормальный», то имею в виду, что у него в равной мере имелись и достоинства, и недостатки; я считаю его нормальным, даже несмотря на довольно серьезный физический недостаток, который мне впредь придется учитывать в своем повествовании. Я опишу его, но сначала дам имя главному герою этой истории.

Поскольку имя по сути не имеет значения, я назову его Амос. Так звали человека, к которому я испытываю глубокую и непреходящую благодарность: ему я обязан теми знаниями, которые у меня есть, и пониманием жизни, которое он мне привил. Кроме того, это имя одного из юных пророков: может быть, именно поэтому оно так нравится мне и кажется подходящим для мальчишки, у которого, как я уже начал рассказывать, было плохое зрение, а в двенадцать лет он потерял его совсем в результате несчастного случая. После этого он целый

час плакал от страха и растерянности и неделю с лишним привыкал к сложившейся ситуации. Впоследствии Амосу удалось все забыть, а заодно и помочь забыть своим родственникам и друзьям. Вот все, что я могу сказать по этому поводу.

А вот в том, что касается характера Амоса, мне следует быть очень точным, чтобы читатели смогли понять, в какой степени этот характер повлиял на его судьбу.

Его мать часто и подробно рассказывает о тысячах проблем, которые сопровождали ее, пока она растила своего первенца, такого живого и непредсказуемого. «Невозможно было отвлечься даже на секунду, – говорит она, – он тут же что-нибудь учинял! Он всегда любил риск и опасность. Однажды я ищу его повсюду, а его нет; зову – он не откликается; вдруг поднимаю глаза и вижу: он стоит на подоконнике в моей комнате. Мы жили на первом этаже, но ему еще не было четырех. Но чтобы вам стало понятно, что я пережила, расскажу еще одну вещь».

Она продолжает говорить с тосканским акцентом, сопровождая свою речь бурной и возбужденной жестикуляцией:

«Однажды утром, в Турине, иду я, держа ребенка за руку, по одному из центральных проспектов в поисках трамвайной остановки. Останавливаюсь на первой попавшейся и на мгновение отвлекаюсь, чтобы взглянуть на витрину магазина; обернувшись, понимаю, что кровь стынет в жилах: ребенка нет. В отчаянии я озираюсь по сторонам… его нет. Зову его: тишина! Не знаю, что вдруг заставило меня поднять взгляд, – видно, я уж не знала, куда смотреть, – и что же я вижу: он наверху! Взобрался на самую верхушку столба со знаком трамвайной остановки…»

«Погодите! Это еще не все! – продолжает она, прерывая изумленные восклицания собеседника. – У него с самого начала не было никакого аппетита, и я вынуждена была повсюду бегать за ним с кастрюлей в руке, чтобы засунуть ему в рот хотя бы ложку супа… Повсюду: за трактором, за мотороллером – везде!»

Если собеседник проявляет интерес к ее рассказу, тогда синьора Эди, заметно польщенная, без устали расцвечивает свой монолог множеством деталей, порой не слишком полезных с точки зрения экономии времени и не всегда правдоподобных, учитывая ее чрезмерную и ненасытную любовь ко всему яркому и парадоксальному.

В этом смысле мне вспоминается изумление и искреннее потрясение одной пожилой дамы, которой мать рассказывала о тяжелом детстве маленького Амоса. «Ему было всего несколько месяцев, – без устали продолжала она, – когда мы заметили, что он страдает от сильной боли в глазах. У него были такие красивые голубые глаза… Вскоре мы узнали вещь, которая

подействовала на нас как ледяной душ: врачи нашли у ребенка врожденную двустороннюю глаукому, злокачественное образование, которое приводит к полной потере зрения. Мы начали бегать от одного доктора к другому, от традиционных специалистов к всевозможным целителям, и я нисколько не стыжусь того, что пыталась достичь чего-то и такими способами. Наш скорбный путь привел нас в Турин, к светилу медицины – профессору Галленге. В этой больнице мы провели несколько недель: ребенка надо было срочно оперировать, чтобы попытаться спасти хотя бы остатки зрения. Мы приехали туда, изнуренные долгим путешествием, полные страха и неуверенности, раздавленные собственным бессилием перед лицом несправедливой судьбы, обрушившейся на бедное, беззащитное создание… Муж должен был уехать на следующее утро, а я оставалась с ребенком. Профессор отнесся к нам с пониманием: предоставил палату с двумя кроватями, так что я быстро смогла наладить отношения с медицинским персоналом, что оказалось весьма полезным, в особенности в последующие годы, когда резвость сынишки стала поистине безудержной. Мне даже разрешили принести самокат, чтобы ребенок немного развлекся».

Неожиданно пожилая слушательница, заметно растроганная рассказом, прервала ее восклицанием: «Синьора, вы даже не представляете себе, как я вас понимаю! Простите меня за любопытство: ребенок долго страдал от этих сильных болей в глазах?»

«О, моя дорогая, знали бы вы… Нам не удавалось его успокоить! Однажды утром, после чудовищной ночи, проведенной в тщетных поисках лекарств, малыш внезапно замолкает. То, что испытываешь в такой момент, словами не описать: это своего рода благодарность ко всем и вся, благость неожиданного затишья среди страшной бури… Я силюсь понять причину этого внезапного покоя и с жаром надеюсь, что таковая существует и я смогу догадаться, в чем она заключается. Я наблюдаю, размышляю, думаю обо всем, но не могу прийти ни к какому заключению. Вдруг я вижу, как ребенок поворачивается на бочок и нажимает пальчиками на стенку, возле которой стоит его кроватка. Проходит немного времени, и я замечаю, как тихо стало в комнате. И тут вдруг ребенок снова начинает плакать. Что же случилось? Что произошло? Может статься, эта внезапная тишина встревожила моего сына? Меня опять охватывает тревога, но вскоре малыш вновь успокаивается. Как и незадолго до этого, он продолжает давить пальчиками на стенку. Несмотря на переполняющее меня напряжение, я начинаю прислушиваться, и из соседней палаты до меня доносится музыка. Я замираю, вся во

внимании: это незнакомая мелодия, возможно, классическая или, как ее еще называют, камерная музыка… Я не могу понять, я в этом не разбираюсь… Но тем не менее чувствую, что именно от этих звуков и зависит спокойствие моего малыша. Эта маленькая надежда принесла мне большую радость, такую же огромную, как и мои страдания, радость, какую я, наверное, больше никогда не испытывала, которую получаешь как награду за сильную боль. Я бросилась к соседской двери и без колебания постучалась. Голос, пригласивший меня войти, принадлежал человеку, говорившему с иностранным акцентом. Я набралась смелости, вошла на цыпочках и увидела пациента, сидящего на постели, откинувшись на подушки, удобно разложенные под его широкой спиной. Помню его мускулистые и натруженные руки, руки рабочего человека; помню его открытое, улыбающееся лицо, глаза, скрытые под бинтами. Это был русский рабочий: из-за несчастного случая на работе он едва не ослеп. Маленького проигрывателя было достаточно, чтобы он чувствовал себя счастливым. У меня горло перехватило от глубокого волнения.

Я не помню, какие усилия потребовались от меня в тот момент, чтобы взять себя в руки, но помню, что долго рассказывала этому доброму человеку все, что произошло, а потом попросила у него разрешения принести сына к нему в палату. Его доброжелательное гостеприимство, его стремление быть полезным и удивительное чувство человеческой солидарности – все это, моя дорогая, мне не забыть никогда! Не знаю, много ли этот человек понял со своим скудным итальянским, но ему захотелось быть полезным, и он подарил нам все свое гостеприимство».

Вот с таким восторгом синьора Эди часто вспоминает, как обнаружила у своего сына страсть к музыке.

III

Меня частенько посещало огромное желание дать новое определение музыке, сказать об этом благородном искусстве нечто отличающееся от привычных суждений: ведь оно подарило мне, с одной стороны, бесконечное счастье, а с другой – самую настоящую пытку.

Бессонными ночами я довольно-таки часто пытаюсь придать отчетливую форму своим беспорядочным мыслям, родившимся в течение тяжелого учебного или рабочего дня. И я думаю, размышляю подолгу, но единственный результат моих размышлений – это то, что я в конце концов засыпаю, а вовсе не формулирую нечто существенное с философской или художественной точки зрения. Музыка и без моего определения богата тем, что уже было сказано и написано о ней до меня. И мне остается лишь доверить своему дневнику самое банальное, самое смешное высказывание в мире, которое люди уже тысячи раз возносили к небесам: «Музыка для меня необходима, как любовь; она – моя судьба, неизбежная, словно само течение времени».

Я нашел эту запись в коротком дневнике Амоса, дневнике, чьи страницы хранят стишки, которые он писал время от времени, начиная с самого детства, перемежающиеся со странными, ничего не значащими наблюдениями, вроде того, что я привел выше – привел только по той причине, что оно может некоторым образом послужить цели моего рассказа. С другой стороны, именно такие вот случайные, незначительные записи, начертанные в рассеянности, почти что невольно, лучше всего способны поведать о характере их автора, ибо они, подобно фотоаппарату, запечатлевают его истинную душу.

Рассказ матери о том, как она обнаружила у Амоса любовь к музыке, побудил его родственников то и дело преподносить ему различные предметы, так или иначе связанные с миром звуков. Малышу подарили игрушки, наигрывающие простые мелодии, затем карильон, а потом и чудесный проигрыватель с его первой пластинкой, сборником песен, конечно заинтересовавшим ребенка, но не вызвавшим в нем особого восторга.

Однажды Амос, выслушав страстный рассказ своего старого дяди о жизни и вокальном искусстве одного, незадолго до этого скончавшегося, прославленного тенора, живо изъявил желание послушать пластинку своего нового героя – легендарного певца Беньямино Джильи. Услышав его голос, Амос так разволновался, что дядя вынужден был продолжать свой рассказ до бесконечности и даже придумывать какие-то подробности, чтобы

утолить ненасытную детскую фантазию племянника. Понадобилось еще несколько пластинок несравненного тенора, чтобы удовлетворить это любопытство, эту внезапно разгоревшуюся страсть, а затем еще рассказы о все новых и новых персонажах из мира музыки.

Амос требовал, чтобы каждого очередного его любимца описывали как самого лучшего; как часто бывает с детьми, он проникался глубокой любовью к каждому своему герою.

Так в доме появились первые пластинки Джузеппе Ди Стефано, Марио Дель Монако, Аурелиано Пертиле, Ферруччо Тальявини. Потом дядя рассказал Амосу про Карузо. Он вложил в этот рассказ все свое красноречие, всю свою страсть, заверив племянника, что это действительно был потрясающий певец, с самым сильным, звонким и чистым голосом, который обожали все любители оперы. Вскоре появилась и первая пластинка Энрико Карузо, а вместе с ней – первое разочарование Амоса: ребенку, мало что понимавшему в развитии техники звукозаписи, совсем не понравился этот голос, который, казалось, шел будто из глиняного кувшина – тембр, перекроенный современными средствами. Он посчитал, что голос Карузо не идет в сравнение ни с благородным и величественным вокалом Дель Монако, ни с нежным и страстным голосом Джильи, столь впечатлившим его в свое время.

Маленький Амос еще поменяет свое мнение о Карузо, но лишь спустя много лет и вследствие многочисленных интересных событий, о которых мы и ведем наш рассказ.

Однажды утром Амос прогуливался один-одинешенек во дворе и думал о чем-то своем. Он шагал взад-вперед от дверей гаража до въездных ворот и время от времени напевал мелодии из любимых оперных арий. Внезапно он остановился, безошибочно определив звук шагов няни – так Амос звал Ориану, девушку, которая присутствовала при его рождении; она помогала по хозяйству в их доме, и мальчик был искренне привязан к ней.

Ориана возвращалась из магазина, куда ходила за какими-то мелкими покупками. Отворив калитку, она увидела направляющегося к ней Амоса и с материнской улыбкой подозвала его к себе, сказав, что должна прочитать ему нечто важное. Она только что увидела эту новость в газете, купленной для отца Амоса. Она быстро разложила покупки и вышла во двор с развернутой газетой.

«Слушай внимательно, – сказала она, прежде чем начать читать, отчетливо выговаривая каждую букву. – „Восторг и изумление в миланском театре «Ла Скала»: Франко Корелли“».

Амосу в ту пору уже исполнилось восемь лет, он прекрасно знал, что такое «Ла Скала» в Милане, но никто, даже дядя, никогда не рассказывал ему об этом гениальном певце.

«Кто такой Корелли, няня?» – поспешно спросил Амос, устремляясь за ней. Добрая девушка принялась читать ему статью, рассказывающую о премьере «Гугенотов», во время которой этот знаменитый тенор продемонстрировал потрясающий вокал, мощнейший, полный музыкальной гармонии. В особенности публику поразила его изумительная способность брать самые высокие ноты. Журналист рассказывал, как весь театр буквально взорвался бурными аплодисментами, которые перемежались истерическими криками восторга и требованиями выйти на бис…

Закончив читать, няня еще некоторое время сидела неподвижно с газетой в руках; мальчику показалось, что она погружена в какие-то тайные мысли; потом она закрыла газету, наклонилась к нему и прошептала: «К тому же он очень красивый!» А потом добавила: «Попроси, чтобы тебе подарили его пластинку, мне бы тоже было интересно услышать его голос».

Так, спустя несколько дней, в доме появилась первая пластинка Корелли. Ориана по собственной инициативе купила ее и подарила Амосу, помимо всего прочего проявив искренний интерес к мнению ребенка.

Он немедленно бросился к старенькому проирывателю, включил его и аккуратно опустил иглу на пластинку в сорок пять оборотов. И вот грянул оркестр, и зазвучал речитатив из арии «Внезапность» в опере «Андре Шенье» Умберто Джордано. Затем оркестр ненадолго умолк, и до слуха мальчика донесся прекрасный вокал. Слова «Меня вы ранили» прозвучали в исполнении великолепного голоса, не похожего ни на чей, до крайности сильного, вибрирующего, полного эмоций и невысказанного страдания, проникающего в самое сердце. Голос летел легко, свободно и спонтанно, то нежный, то рокочущий, но всегда властный и гордый. «Внезапность» – потрясающая ария, но исполнять ее должен тот, кто в состоянии по-настоящему ощутить себя Андре Шенье, поэтом, чья драма разворачивается в сложные времена Французской революции. Исполнение должно быть элегантным, но в то же время решительным и убедительным.

Поэт Шенье затрагивал тему любви в широком смысле, а Корелли на этой пластинке, казалось, выразил любовь к самому искусству: искусству оперы, способному завлечь, растрогать, растопить сердца, зачерствевшие в жестоких перипетиях судьбы.

Ориана и Амос слушали, буквально онемев от восторга, в плену нового невероятного чувства, и мальчик увидел, как его

няня прикрыла глаза в тот момент, когда тенор с неописуемой нежностью спел фразу: «О, милая девушка, затронувшая сердце поэта, не презирайте слова, вслушайтесь, знакома ли вам любовь? Любовь!» Это последнее слово звучало, словно благородный крик страсти, на высочайшей ноте, в нем смешались сила и красота великолепного голоса, от которого захватывало дух.

Амос и поныне любит рассказывать об этом важном для себя моменте, и делает это с таким воодушевлением, что не остается доли сомнения в его искренности. Он не в силах забыть и волнение Орианы, которой звук этого голоса, вероятно, дарил мечты и надежды, пробуждая в ней новые порывы и силы и облегчая ее непростую жизнь. Возможно, именно в тот самый момент Ориана почувствовала себя как никогда счастливой, ведь этот голос поистине был способен творить чудеса, и ее душа обогащалась чем-то новым и благородным, когда она слышала, что «любовь – это душа и жизнь мира».

IV

Я лишь сейчас понял, что до сих пор не дал Амосу фамилии: отныне будем считать, что он принадлежит к семейству Барди; мне не приходит в голову ничего более подходящего. Впрочем, я торжественно клянусь терпеливому читателю, который сумеет дойти до самой последней страницы этого повествования, что объясню, какие мотивы двигали мной, когда я давал вымышленное имя вполне реальному персонажу. Думаю, пора уже рассказать и о членах семьи Амоса, о его доме, об окружавших его людях; ведь если каждый из нас есть лишь квинтэссенция собственного опыта и собственных знаний, а также, разумеется, собственной природы, то мне уж точно не избежать рассказа о тех, кто жил рядом с нашим маленьким героем, любил его, помогал и был сопричастен его борьбе и страданиям.

Если бы я был настоящим писателем, то наверняка не удержался бы от подробного описания тех мест, где Амос провел годы юности, ведь места эти действительно прекрасны своей чисто тосканской красотой, сдержанной и естественной, – по крайней мере, именно так я представляю ее. Но не стану утомлять вас бесполезными географическими экскурсами. Скажу лишь, что Амос родился в сентябре 1958 года в Ла Стерца, местечке в области Лайатико, неподалеку от Пизы, на полпути между городами Вольтерра и Понтедера.

Странным образом, когда я принимаюсь рассказывать о его доме, на ум мне приходит чудесное стихотворение Гуидо Гоццано «Девушка по имени Счастье», в котором поэт удивительно описывает большой деревенский дом, утопающий в зелени. Речь идет о доме девушки по имени Счастье, старинном доме с «покосившейся неровной крышей», с огромными комнатами с высокими порогами, заполненными тысячью ненужных предметов. Но этот дом живой – живой благодаря простоте и трудолюбию его обитателей: служанки, вечно занятой своими кастрюлями; девушки с вязальными спицами и лежащим на коленях шитьем; ее милого отца, который по вечерам частенько собирает вокруг себя друзей «из местного политического общества»…

Даже не знаю отчего, но дом Амоса, стоящий посреди деревни, прямо на дороге, связывающей Сарцанезе и Вальдеру, дом в форме огромной буквы «Г», размером двадцать на двадцать пять метров, с большой площадью перед ним, по бокам которой растут тенистые сосны, а в изгибе «Г» расположился сад и торчит

башенка, приспособленная под голубятню, – вся эта солидная конструкция, выстроенная, вероятно, в конце девятнадцатого столетия, вызывает у меня ассоциации со знаменитым стихотворением Гоццано.

Попадая в дом через центральный вход, ты оказывался в небольшой прихожей, из которой две боковые двери вели на кухню – направо, и в кладовку – налево; а впереди стеклянная дверь приглашала в более просторный холл с другими боковыми дверями, через которые можно было пройти либо направо, в гостиную, по праздникам используемую в качестве столовой и где Амос слушал свои пластинки, без устали прохаживаясь вокруг стола и останавливаясь лишь для того, чтобы переставить иглу, либо налево – в подсобные помещения и комнаты для прислуги. Самую первую из них Амос называл «темной комнатой»: это и в самом деле было помещение без окон, в котором стояли вешалка для верхней одежды и старый гардероб, самое настоящее *refugium peccatorum.* Напротив же находилась лестница, которая вела на верхний этаж, где располагались спальни, ванные и другие практически неиспользуемые комнаты, две из которых стали хранилищем для зерна.

В некоторые помещения на первом этаже было невозможно проникнуть изнутри. В этих огромных помещениях семья Барди держала большую часть своей сельскохозяйственной техники: два трактора («Ландини» и «Орси») и громадный комбайн для жатвы. Амосу очень нравилось пробираться в этот ангар, крутить большие колеса комбайна и представлять себе, при помощи каких механизмов он приходит в движение. Там была и масса мелких инструментов: разнообразные лопаты, грабли, вилы, – и все это пробуждало в Амосе любопытство и желание поиграть.

Бабушке Леде, любимой учительнице по меньшей мере двух поколений жителей Лайатико, оставившей работу в школе вскоре после рождения внука, и доброй Ориане с большим трудом удавалось держать в узде Амоса и его младшего братика Альберто: вместе с соседскими мальчишками, неразлучными спутниками их детских игр, они представляли собой орду варваров, как в приступе отчаяния называла их та же бабушка Леда. Бедная женщина не могла вынести, когда заботливо высаженные ею цветы погибали под ударами мяча; непросто было сносить и постоянные жалобы прохожих, в которых с площади перед домом Барди летело буквально все: и камни, и игрушечные пули, и мощные потоки воды из шланга, из которого отец Амоса поливал клумбы и мыл двор перед домом, где можно было ужинать летними вечерами. Когда взрослых не было дома, шланг направлялся на проезжающие мимо машины или – того хуже – на

двухколесные транспортные средства… Каждый вечер, после восьми, родители Амоса, его дедушка, синьор Альчиде, и старая тетушка, работавшая вместе с шурином, дабы позволить своей сестре преподавать в начальных классах, подводили итоги хулиганским выходкам ребятни под предводительством Амоса, самого старшего из мальчишек, подстрекателя и вдохновителя самых невероятных проделок. В эти моменты всем обещали страшные наказания, если тот или иной факт повторится, но, как известно, озорство у ребятишек иной раз гораздо сильнее страха перед гневом взрослых.

Синьор Компарини, в прошлом руководитель одного из департаментов министерства финансов, а также полковник итальянских войск в войне 1915–1918 гг., ныне пенсионер, был любимым дядей Амоса. Именно этот человек разжигал в нем интерес своими порой излишне романтическими рассказами о жизни и творчестве самых популярных лирических исполнителей этого столетия. Каждое лето синьора Леда и Амос уезжали на несколько дней в Антиньяно, небольшой городок на море в провинции Ливорно, где обитало семейство Компарини: дядя Джованни и тетя Ольга. Эти родственники, которые вообще-то были дядей и тетей отца Амоса, так как Ольга и Леда приходились друг другу сестрами, горячо любили семью Барди: в годы Второй мировой войны они приютили у себя на весь период учебы их милого Сандро, в ту пору защищавшего диплом по геометрии.

Во время кратковременных поездок к Компарини по утрам Амос наслаждался купанием в море вместе с бабушкой, которая ни на секунду не сводила с него внимательных глаз; но самыми счастливыми он считал часы во второй половине дня, когда дядя окликал его со второго этажа и звал подняться в свой кабинет, полный интересных и таинственных вещей. В этой комнате, в идеальном порядке, хранилось более пяти тысяч книг и разнообразных любопытных предметов, дорогих сердцу обитателей дома и самого Амоса. Там мальчик словно попадал в волшебный плен, предаваясь фантазиям возле старого минометного снаряда – разумеется, обезвреженного – или коврика из шкуры кабана с великолепной грозной головой, искусно превращенной в чучело. Именно там дядюшка ставил племяннику пластинки и именно там рассказывал ему свои длинные истории или подолгу читал вслух. Амос обожал слушать его, он сидел будто зачарованный, не произнося ни единого слова и оставляя на самый конец все вопросы. Порой туда звали и женщин, и тогда эти традиционные семейные сборища, во время которых дядя что-то читал или объяснял, а женщины изредка

бросали короткие реплики или умилялись по поводу прочитанного, пробуждали в сердце мальчика бесконечную, невыразимую нежность, воспоминания о которой он хранит и сегодня. Иногда дядя рассказывал Амосу о войне, в которой участвовал в первых рядах, и эти рассказы настолько разжигали фантазию Амоса, что он принимался мечтать о том, как станет служить в итальянской армии.

Тогда дядюшка «завербовал» его в солдаты, конечно же пообещав повышение, которое будет зависеть от его хорошего поведения и успехов в самых разных областях. Вскоре Амос получил звание капрала, а затем и старшего ефрейтора. По случаю рождественского визита семейства Барди дядя повысил его до сержанта. Через некоторое время, когда Амос выучил первые буквы алфавита, которые бабушка рисовала ему толстым синим фломастером, дядя возвел его в майоры, а научившись расписываться, Амос получил звание маршала.

Тем временем приближался момент отъезда в колледж. Родителям Амоса пришлось смириться с необходимостью отправить его учиться сначала в специализированное заведение, работающее по системе Брайля, чтобы потом он смог посещать обычную школу вместе с нормальными, полностью здоровыми детьми.

Неминуемый отъезд в колледж смягчил сердце дяди, и Амос был произведен в фельдмаршалы. А в день расставания Амоса с родным домом от дяди Джованни пришло письмо, в котором сообщалось, что он назначен адъютантом. С этим Амос и уехал из дома, храня в сердце надежду, что в скором времени вернется сюда уже в звании настоящего капитана: им он был провозглашен в связи с первыми школьными успехами.

V

Утром 20 марта 1965 года на площади перед домом Барди стояла готовая к отправлению машина; туда уже загрузили все необходимое, и вскоре она должна была выехать в направлении Реджо Эмилии, где маленькому Амосу предстояло пробыть до июня. После тысячи колебаний и сомнений, стоивших Амосу целого потерянного года обучения, был выбран колледж именно в этом городе. Расставание с близкими будет очень болезненным, но посещение этой специализированной школы крайне важно для Амоса: ведь там незрячие дети учатся читать и писать по системе Брайля, изучают географию по рельефным картам, не говоря уже о том, что их обеспечивают всеми необходимыми устройствами и аппаратурой, всячески облегчающей обучение.

Как родители ни пытались успокоить мальчика, подстегивая его фантазию рассказами о новых друзьях, играх, которым он впоследствии сможет научить братика, атмосфера на протяжении всего путешествия была тяжелее некуда. Синьор Сандро сам никак не мог смириться с мыслью, что придется оставить ребенка в двухстах пятидесяти километрах от дома. Жена его бодрилась: она знала, что они поступают так исключительно в интересах сына, и ничто, даже огромная материнская любовь, сейчас не удержало бы ее от действий, необходимых, чтобы ее ребенок наравне со всеми остальными постигал премудрости жизни.

Когда они подъехали к Колледжу имени Джузеппе Гарибальди, что на виа Маццини, синьор Барди высадил жену и стал парковать машину. Потом он вылез сам, выгрузил из багажника чемодан сына, взял ребенка за руку и перешагнул порог ветхого здания.

Портье сразу же проводил их в гардероб, где был оставлен багаж, а потом и в спальню, где предстояло отдыхать новому маленькому ученику. Это была комната с десятью койками: по мнению супругов Барди, слишком много. Тогда портье отвел их еще в одну спальню, где синьор Барди с изумлением насчитал шестьдесят четыре железные кровати и соответствующее количество прикроватных тумбочек, тоже железных, покрашенных такой же, как и кровати, краской. Он с трудом сдержал рвущиеся наружу критические замечания относительно гигиены такого жилища; но он должен был позаботиться об образовании своего сына: это превыше всего. Он подумал, что дети ко всему привыкают. Но стоило ему только зайти в ванные комнаты, как он увидел туалеты в виде отверстий в полу, три маленькие, грязные и вонючие кабинки, а рядом с ними рукомойники в два ряда с

единственным краном с холодной водой. Подобное зрелище заставило его содрогнуться, сердце сжалось от мысли, что придется возвращаться в уют родного дома без своего малыша, вынужденного остаться в этом ужасном интернате, вдали от близких и родных людей. Сердце и разум в нем вступили в непримиримую борьбу; но синьор Сандро проглотил подступающие к горлу слезы и, преодолев волнение и боль, заставил себя двинуться дальше.

Затем портье представил супругам Барди встреченную в коридоре уборщицу и перепоручил их ее заботам, попросив ее проводить их во все прочие помещения колледжа, а сам удалился, выразив надежду, что новичок из Тосканы в самое ближайшее время удачно впишется в здешнее общество.

Добрая женщина, которую звали Этмея, провела посетителей в просторную залу, которую назвала «рекреацией». Супруги Барди окинули взглядом пустое помещение, освещенное огромными прямоугольными окнами, снабженное фортепиано и настенным телевизором. Прямо перед собой они заметили небольшие деревянные подмостки. «Это для выступлений детишек, а также для награждений в конце учебного года», – объяснила синьора Этмея, заметив любопытство гостей; затем она пригласила их следовать за ней по широкой лестнице. Одолев два пролета, они оказались в длинном коридоре, по обеим сторонам которого шли деревянные двери, совершенно одинаковые по виду, одна напротив другой. «Это школьные аудитории, – объяснила уборщица, – есть и другие, поменьше, вон там…» Тут она показала в сторону маленькой лесенки и узкой дверцы за ней, ведущей в тесный коридорчик. Затем повернулась и вновь повела их вниз по лестнице до самого первого этажа, откуда проводила все семейство в три двора. Первый из них, справа от главного входа, звался «маленьким двориком». Это было и в самом деле небольшое пространство с цементным полом в самом центре: оно выглядело как идеальный квадрат, и именно на него смотрели окна, через которые в комнаты верхних этажей проникали свет и воздух. Напротив «маленького дворика», слева от главного входа, располагался «средний двор», похожий на первый, но чуть более просторный и украшенный аркадой с колоннами, стоящими на цементной основе квадратной формы. Аркада эта обещала быть чрезвычайно полезной во время местной дождливой зимы. В глубине аркады была огромная дверь, которая вела на широкую площадь с глинобитной поверхностью, разделенную на две почти равные части платановой аллеей. Сухие листья, опадающие с платанов по осени, приятно шелестели под подошвами прохожих. С краю этого громадного пространства, которое называли

«большим двором», находилось поле для игры в бочче. Эта часть колледжа немного смягчила сердце синьора Сандро, то и дело посматривавшего на часы, а затем бросавшего выразительные взгляды на жену.

Во второй половине дня семейство Барди покинуло колледж. Родители, которые собирались задержаться здесь вплоть до завтрашнего дня, забрали с собой ребенка, чтобы психологически подготовить его к расставанию. Они поужинали вместе в маленькой таверне в центре города, а потом отправились ночевать в отель «Ла Стория». Амос спал в одной постели с родителями, как бывало и раньше, когда он жил дома, и не подозревал о том, что его ждет дальше и как в скором времени поменяется вся его жизнь.

Наутро его проводили в колледж, и мать оставила его с учительницей, пообещав, что вновь придет за ним в конце учебного дня. Учительница отвела его в одну из аудиторий, где за партами уже сидели другие ребятишки из младшей группы. Амосу предстояло проводить с ними время до самого конца учебного года.

Он сел, и учительница представила ему соседа по парте: его звали Давиде Пишотта, он приехал из Равенны и был старшим из одиннадцати детей. Затем Амосу принесли брикет пластилина весом граммов в пятьдесят: такой материал впервые попал ему в руки, и мальчик не сразу понял, что от него хотела учительница, велев отломить кусочек и слепить палочку.

В комнате было довольно прохладно, и пластилин показался ему слишком твердым. Уже спустя пару минут Амос почувствовал усталость, но, робея под взглядом наблюдавшей за ним учительницы, все-таки не останавливался, пока не выполнил свое первое задание до конца. Впрочем, учительница была не особо довольна: палочка получилась не слишком гладкой и правильной. Мальчик обиделся, но молча продолжал работать.

В конце каждого часа звенел звонок, а в полдень детям велели встать и следовать за ассистенткой, которая должна была проводить их на обед.

Приблизился самый тяжелый для Амоса момент – расставание с родителями. Они встретились в коридоре, отделявшем аудиторию от столовой, и Амос остановился, в то время как остальные дети, подгоняемые голодом, пошли дальше. Папа и мама дали ему несколько советов, потом принялись обнимать и целовать его, а когда они стали уходить, мальчик разрыдался. Тогда его мать сказала мужу, чтобы тот шел в машину, а сама проводила сына в столовую, усадила на место и снова попрощалась с ним. Амос ухватился за мамину руку и сжал

ее изо всех сил. Вдруг он почувствовал, как чья-то крепкая рука берет его за локоть и тянет назад, кто-то обращается к нему, а мамина рука медленно ускользает. Ему удалось ухватить ее за палец, но ручонки у него так вспотели, что он не сумел удержать его. Контакт с мамой был прерван, и Амос впервые в жизни почувствовал себя одиноким среди чужих людей, брошенным на произвол судьбы. В отчаянии он начал громко звать маму, словно потерявшийся жеребенок, но потом успокоился, сел и даже проглотил несколько ложек супа. Затем официантка принесла ему вареное мясо с салатом: блюдо это было ему совершенно не по вкусу. Он поднял руку, как ему велели делать при всякой необходимости. «Я не хочу это мясо», – сказал Амос робко. Тот же голос, что и раньше, тут же ответил: «Нет, хочешь, и ты его съешь; ну-ка, давай».

С комом в горле, мать Амоса попрощалась с дежурными ассистентами, проводившими ее к выходу, и побежала к мужу. Тот поджидал ее, сидя за рулем, с развернутой газетой в руках. Открыв жене дверцу, он увидел, что она горько плачет. Они обнялись и принялись утешать друг друга. Синьор Барди, который мальчиком тоже был отправлен в интернат, всегда говорил, что хотел бы, чтобы его собственные дети избежали подобного опыта, но не вышло. Ведь только так их малыш сможет научиться читать и писать, как все остальные, и только так он станет сильным человеком, способным справляться с жизненными трудностями.

На обратном пути к родителям Амоса постепенно начало возвращаться спокойствие – или, по крайней мере, чувство примирения со сложившимися обстоятельствами. Тревожная пустота, образовавшаяся после расставания с сыном, начала мало-помалу заполняться смутными надеждами и оптимистическими ожиданиями; в сущности, они были довольны тем, как решительно сделали то, что принесет пользу сыну, и на их лицах даже появилась легкая улыбка нежности.

VI

Первого октября следующего года Амос сидел за партой рядом с Давиде. Он наконец стал первоклассником.

Перед тем как покинуть родной дом по окончании летних каникул, Амос получил очередное повышение в звании от дядюшки Компарини и теперь с гордостью рассказывал об этом своим одноклассникам.

Его учительница, синьорина Джамприни, была дамой лет сорока. Она так и не вышла замуж, полностью посвятив себя работе и заботам о престарелой матери. Несмотря на то что она сама была незрячей, ее горячо рекомендовали семье Барди как человека в высшей мере способного и ревностно относящегося к преподаванию; она легко держала весь класс в кулаке, и было маловероятно, что кто-то натворит что-либо у нее под носом. С восьми утра, когда дети входили в аудиторию, и до самого последнего звонка она ходила между партами, проверяя, достаточно ли внимательно слушают ее объяснения, и следила, чтобы никто не уснул, положив голову на парту.

В этом году Амос с товарищами начали изучать шрифт Брайля. Им вручили деревянный ящичек прямоугольной формы, в ячейки которого вставлялись маленькие параллелепипеды, тоже из дерева, которые изображали, в зависимости от своего расположения, различные буквы. Впоследствии детям предстояло научиться узнавать те же самые буквы, изображенные в виде маленьких точечек при помощи перфорации на бумаге.

Учительница была неутомима и заражала своих учеников энергией и неповторимым энтузиазмом. Частенько она организовывала самые настоящие соревнования, которые вовлекали всех и каждого и повышали общую успеваемость в классе. В то же время она никогда не забывала об отстающих, уделяя им повышенное внимание и порой даже давая небольшую фору в соревнованиях – ведь иначе им бы никогда не выиграть.

Синьорина Джамприни была очень религиозна. Ее вера была нерушима, уникальна и кому-то могла, конечно, казаться немного ханжеской. Каждое утро перед началом занятий она предлагала детям вместе прочитать молитву, и перед обедом тоже. Уже в первом классе она рассказывала им о Святом Писании, разъясняла его суть, и делала это с такой страстью, что дети слушали ее с открытым ртом, периодически задавая заинтересованные вопросы.

Амос и много лет спустя полагал, что знание Ветхого Завета является фундаментальным для формирования личности

молодого человека, и дело не только в его религиозном значении, а прежде всего в том, что он помогает лучше понимать жизнь, ближних, постигать историю народов и их обычаи. Человек, хорошо знающий Библию, ничему не удивляется, и в нем поселяются невиданная сила и уверенность.

Той зимой было очень холодно, часто шел снег. Амос выходил во двор вместе с одноклассниками, и они весело играли в снежки. Может быть, именно поэтому он часто простужался, и тогда его клали в маленький школьный лазарет, где за ним, как и за всеми прочими больными, круглосуточно заботливо ухаживала синьора Эва. Амос обожал болеть, ведь он попадал в теплое гнездышко, где мог вдволь поиграть и поболтать с соседями, вдали от строгих правил колледжа и школьных обязанностей. Рано утром медсестра вставала и включала большой радиоприемник, который передавал нежную, расслабляющую музыку. Дети тут же просыпались, но, разумеется, оставались в постелях в ожидании лекарств. И еда там была лучше, чем в столовой. Поэтому маленьким больным совсем не хотелось выздоравливать и возвращаться к учебе.

Весной жилось веселее: мягкий климат позволял подолгу находиться на свежем воздухе, и в маленьком дворике организовывали настоящие матчи в так называемую деревяшку, игру, захватившую всех без исключения мальчишек, которые чувствовали себя героями-футболистами, о которых знали по воскресным трансляциям по транзисторным радиоприемникам. С «деревяшкой» обращались в точности как с футбольным мячом – даже если речь шла просто о пустом пакете из-под молока или куске доски. Периодически у старшеклассников появлялась особая «деревяшка», умело изготовленная собственными руками на манер футбольного мяча: это был настоящий шик – баночка из-под гуталина, куда вставлялся кусок круглой деревяшки. Этому нехитрому развлечению дети посвящали все перемены.

Время от времени синьорина Джамприни организовывала выезды за город, чтобы ее ученики могли соприкоснуться с живой природой, и объясняла им то, что невозможно показать или дать потрогать своими руками в классе. В таких случаях они обычно отправлялись в гости к Орацио, близкому другу учительницы, святому человеку, которому взрывом и последовавшим за ним пожаром изуродовало лицо. Он потерял обе руки, но, невзирая на это, был для всех образцом если не счастья, то спокойствия; это был простой, чистый человек, тоже глубоко религиозный, который в нерушимой вере черпал свою силу и мужество. В обществе детей с его губ не сходила улыбка; он показывал им гимнастическое упражнение – стоял на голове, ногами кверху.

Было в нем что-то привлекательное и обескураживающее одновременно: везучий и невезучий, он относился к жизни и маленьким повседневным проблемам с легкой иронией, а к ближним – с теплым состраданием. Словом, Орацио был из тех, кого непросто забыть.

Во второй половине дня, перед возвращением в колледж, семья Орацио приглашала весь класс к себе в гости, где все располагались в маленькой кухоньке и угощались домашней выпечкой и напитками. Затем наступал момент прощания и обещаний скорого возвращения.

Следующее утро всегда посвящалось обмену мнениями о вчерашнем дне: в классе обсуждались цветы, животные и орудия труда, причем обсуждение велось таким образом, чтобы дети не просто запомнили это, но и впитали в себя, пропустив через фильтр собственного интеллекта.

В начале весны учительница объявила, что пришла пора учиться писать по-настоящему: однажды утром вместо привычного деревянного ящичка дети обнаружили на своих партах металлический предмет прямоугольной формы, ручку из того же материала и пробойник с деревянной рукояткой. Синьорина Джамприни научила их закреплять лист бумаги на специальной доске и размещать ручку наверху, а также обратила их внимание на двойной ряд клеточек, объяснив, что в каждой из них можно отметить до шести точечек. Потом попросила всех попробовать поставить точечку сначала в первой клетке справа, а затем сверху. «Это и есть буква „А“», – сказала она.

Таким образом, дети начали писать справа налево, чтобы потом, сняв лист бумаги с доски и перевернув его на другую сторону, прочитать слева направо.

Когда настало время цифр, ученикам вручили небольшой пластмассовый ящичек и жестяную коробку с маленькими кубиками: на гранях кубиков располагались выпуклые цифры, каждую из которых – по системе Брайля – предваряла одна из десяти первых букв алфавита: от А, обозначающей единицу, до И, обозначающей ноль. Кроме того, одна из сторон кубика была гладкой – это обозначало запятую, используемую в десятичных дробях.

Четыре арифметических действия представляли собой серьезную проблему для Амоса. В особенности трудным было сложение: он никак не мог постичь, что означает понятие «в уме». Для него было проще про себя сложить два числа, чем считать так, как объясняла учительница. Но матери Амоса удалось устранить это мысленное препятствие, которое заблокировало мальчику вход в мир счета: как-то он лежал, выздоравливая после

высокой температуры, и делился с мамой своими переживаниями по поводу возвращения в школу, где ему опять придется столкнуться с проблемой счета, который уже освоили все, кроме него. В этот момент синьоре Эди, почувствовавшей – благодаря невидимой таинственной нити, связующей мать и дитя, – страх, волнение и стыд своего сына, удалось сотворить настоящее чудо: после терпеливых объяснений и массы приведенных примеров Амос наконец понял. С тех пор арифметика стала одним из его самых любимых предметов.

VII

В третьем классе Амос обнаружил способности к географии и в особенности к истории, и его фантазия буквально пустилась в галоп. Он частенько уединялся во время перемены; прогуливаясь по рекреации или в одном из трех двориков, он мечтал о свободной и полной приключений жизни доисторических людей и представлял себе, как живет в палафитах, вроде тех, что он слепил из пластилина под чутким руководством учительницы; или воображал, будто управляет повозкой ахейцев, точно такой, какую он подарил родителям по случаю пасхальных каникул. Он самостоятельно смастерил ее из картона и пенопласта при помощи лобзика, а затем покрыл волокном рафии: это была непростая работа, потребовавшая от мальчика большого терпения, и он немало гордился сделанным.

Прекрасные то были времена! В начале мая всем ребятам вручили красивые яркие майки с короткими рукавами и короткие штанишки, и в школьных двориках, под теплым весенним солнышком, уже царила атмосфера приближающихся каникул. Скорое возвращение в родную семью наполняло сердца детей радостью, такой сильной, что ею заражались даже учителя и ассистенты, которые с каждым днем становились все уступчивее.

Амос к тому времени уже научился обратному счету. Совсем скоро ему предстояло вновь обнять родителей, бабушек, дедушек и братика, а также увидеться с друзьями, которые с нетерпением ждали его, чтобы рассказать все, что он пропустил, пока был в колледже, и в свою очередь услышать от него истории о той странной жизни, которую он вел так далеко от родительского дома, – жизни, столь непохожей на их собственную. В преддверии этих моментов Амос чувствовал бесконечную нежность, чистую радость, на которую способны лишь те дети, которые пережили жестокую боль расставания со своими близкими.

Май в колледже – месяц особенный, ведь благодаря девятидневному молитвенному обету и песнопениям, посвященным Богоматери, ребята могли подольше побыть друг с другом вечерами и даже выкроить лишних полчаса во время перемены.

К тому времени одноклассники и преподаватели уже заметили, что у Амоса хороший голос. Поэтому в песнопениях ему всегда доставалась роль солиста, да и в хоре он выкладывался по полной, наслаждаясь тем, как его голос звучит вместе с другими голосами. Кому-то пришло в голову попросить его спеть на празднике, посвященном окончанию учебного года,

сразу после спектакля, который поставили ученики средних классов. Амосу впервые предстояло выступать перед самой настоящей публикой; он должен был петь без аккомпанемента фортепиано или какого-либо другого музыкального инструмента, один на сцене в рекреации, где по торжественным случаям расставлялись в несколько рядов складные стулья, – и на них усаживались рядышком и ученики, и учителя, и ассистенты, и обслуживающий персонал – всего около двухсот человек.

Праздник, посвященный окончанию учебного года, был, безусловно, самым волнующим и долгожданным событием в жизни интерната. Мероприятия начинались с самого утра награждением лучших учеников и тех, кто особо отличился в той или иной области. Во время обеда дозволялось выпить бокал вина и съесть сладкое – чаще всего шоколадный пудинг. Во второй половине дня начинались приготовления к вечернему празднеству, представлявшему из себя кульминационный момент, в который было вложено максимальное количество времени и сил.

Актеров, исполняющих главные роли, тщательно выбирали из наиболее способных учеников, поэтому сам факт выхода на сцену считался огромной честью, которой добивались с особым рвением.

Амос в этот раз не был в числе награжденных и испытывал чувство глубокого унижения: участие в выступлениях он рассматривал как риск для себя, но, с другой стороны, он понимал, что это могло стать его реваншем.

Спектакль в этом году получился не ахти какой; актеры, которым было поручено поведать историю одной бедной семьи – с отцом-пьяницей, матерью, тщетно пытающейся привести его в чувство, и четырьмя детьми, постоянно ругающимися друг с другом, – не вызвали восторга у зрителей, которые следили за постановкой без всякого интереса, болтали и сопровождали действие на сцене лишь жидкими хлопками.

Наконец настал черед Амоса, который, полон тревоги и волнения, ждал своего выхода за кулисами. До него донесся голос, призывающий к тишине, отдельные смешки в зале, затем он услышал свое имя, и крепкая рука опустилась на его плечо, решительно подтолкнув в небольшой проход, ведущий на сцену.

Непрекращающийся шепоток среди публики ясно свидетельствовал, что его выступление в действительности мало кого интересует. Этот факт, с одной стороны, расстроил его, а с другой – придал смелости. Он собрался с духом и запел.

Его чистый голос взлетел под своды зала. «Как ярко светит после бури солнце…» – на одном дыхании спел он первую

строчку известной песни, а когда вновь набрал воздуха, не без удивления заметил, что все вокруг умолкли; на мгновение ему даже показалось, что он позабыл слова, но потом он глубоко вздохнул и продолжил петь. Когда он запел припев «Я знаю солнце ярче и светлей…», взрыв аплодисментов буквально заглушил его голос, придав Амосу новые силы. Теперь его сердце, которое только что едва билось от страха, затрепетало от радости… Это была его первая овация. Амос спел финал песни, вложив в него всю силу своего вокала и мощь дыхания, и еще до того, как его голос затих, бурные и оглушительные аплодисменты чуть не сбили его с ног. Это был настоящий триумф: как мне кажется, возможно, даже своеобразный знак судьбы.

VIII

Лето в том году было необычайно жарким. Амос и его друзья играли в мяч на площади перед домом и буквально обливались потом. Они по очереди освежались под краном на углу дома Барди и дружно защищались от выпадов бабушки и няни Орианы, которые вечно беспокоились о здоровье ребят и о сохранности своих цветов, то и дело страдавших от удара мяча, если, конечно, тот не попадал прямиком в зеркальную дверь или в ворота, выходящие на дорогу. По окончании матча мальчишки усаживались в тени оплетенной вьюнком старой беседки, с крыши которой свисали ароматные плети, и каждый комментировал по-своему победу или поражение.

Но однажды Амос вдруг принялся рассказывать историю, которая немедленно захватила всех без исключения. За несколько месяцев до этого он познакомился в колледже с очаровательной девочкой, приехавшей навестить своего брата Гуидо; звали ее Элеонора. Всем она показалась очень симпатичной. «Я отходил от нее, чтобы она могла поговорить то с одним, то с другим, – рассказывал Амос, – но она все время возвращалась ко мне. Потом я начал напевать, а она тихонько слушала. Наконец она представилась, и мы весь день проговорили, рассказывая друг другу о наших семьях, о наших увлечениях. Она была очень застенчивая, но я старался подбодрить ее!..»

Амос был так увлечен собственным рассказом, что даже не заметил, как стал прибавлять к нему вымышленные подробности, подсказанные ему детской фантазией впервые влюбленного мальчишки. Первая влюбленность. Элеонора, сестра Гуидо, действительно приезжала навестить брата и действительно понравилась всем без исключения, и в особенности Амосу, но – то ли потому, что он был слишком робок, то ли потому, что внимание девочки было направлено на ребят постарше, – так или иначе, Элеонора заметила его лишь единожды, когда Амосу, стоявшему в окружении друзей, вздумалось вдруг запеть какой-то мотивчик. Все остальное было плодом его воображения. Он долго фантазировал и мечтал о том, как берет ее за руку, уводит ото всех и похищает ее сердце. Но поскольку этого не произошло, сейчас ему хотелось поверить в это самому и убедить братишку и друзей, которые слушали его с любопытством и жадным вниманием. Никто не перебивал, никто не задавал вопросов, ведь для всех это была совершенно новая, таинственная тема. У каждого сформировался свой образ: девичье лицо с нежными чертами, голубыми глазами и милой, доброй улыбкой. По мере

того как продолжался рассказ Амоса, обраставший все новыми и новыми подробностями, этот образ становился все четче, пока не превратился в идеальный. Теперь всем этим мальчишкам хотелось познакомиться с Элеонорой; им казалось, что они уже любят ее и готовы быть с ней любезными, смелыми, искренними, обучаться искусству ухаживания, которое, в сущности, заключается в том, чтобы демонстрировать свои лучшие черты и тщательно скрывать худшие.

А в доме тем временем шли приготовления к торжественному ужину, посвященному концу жатвы. К восьми вечера должны были приехать все мужчины, бок о бок с синьором Барди срезавшие колосья, вязавшие их в снопы, укладывавшие в скирды и отправлявшие сноп за снопом в пасть огромной молотилки. Из второй пасти, находящейся на небольшой высоте от земли, высыпалось крупное зерно, которое прямиком отправлялось в зернохранилище или на мельницу. Амос несколько раз тоже принимал участие в работах, предварительно натянув майку и короткие штанишки – одежду, словно специально предназначенную для того, чтобы как можно быстрее отбить охоту делать что-либо, ведь на него мгновенно нападали чудовищные приступы чесотки, вызванной потом, пылью и насекомыми. Этим вечером за ужином будут подводить итоги прошедшего трудового года на полях; все станут громко разговаривать, шутить, смеяться, а Амосу явно придется что-то спеть: такова цена, которую надо заплатить, чтобы его не отправили в постель слишком рано. Ужинать будут на улице, в беседке, как раз как ему нравится; может быть, удастся даже выпросить немножко разбавленного вина.

Во время пауз между рассказами, пока он концентрировался на все новых и новых воспоминаниях и дарил жизнь очередным фантазиям, до Амоса доносились из дома голоса женщин, которые суетились, обсуждали, кто где будет сидеть и какую еду надо подавать.

О, эти сладкие воспоминания детства, пусть трудного, но все равно прекрасного, полного того, что более всего важно для любого ребенка: любви…

Этим вечером юному певцу вновь пришлось оказаться в центре всеобщего внимания: каждый хотел о чем-то расспросить его и что-то ему рассказать, о чем-то вместе вспомнить, чтобы доставить ему удовольствие. Ведь деревенские – народ простой и душевный; будучи привязанными к собственной земле и собственным корням, они инстинктивно испытывали нежность к этому парнишке, вынужденному большую часть года жить вдали от родных. К концу ужина случился момент общего смятения,

когда кому-то вдруг вспомнился синьор Альчиде, дедушка Амоса, умерший в ноябре прошлого года. Так что это был первый урожай, собранный без него, а ведь он называл себя поэтом земли. Бабушка Леда окончательно расстроилась, да и у синьора Барди глаза повлажнели, но лишь на мгновение: синьора Эди деликатно перевела разговор на другую тему, и все дружно решили, что на этот вечер грустных воспоминаний достаточно и пора захлопнуть книгу прошлого.

Когда Амос отправился спать, абсолютно счастливый и довольный прошедшим вечером, он даже не ожидал, что кое-кто приготовил ему грандиозный сюрприз, который ждал его наутро. Дедушка Альчиде покинул их чуть больше семи месяцев назад: он скончался на рассвете 4 ноября 1966 года, как раз в тот момент, когда разлившаяся река Арно затопила Флоренцию и другие населенные пункты. Но за несколько дней до кончины, попросив, чтобы внук приехал из колледжа домой, дабы увидеться с ним в последний раз, дед изъявил желание подарить Амосу коня, который мог бы катать ребенка по деревне. Синьор Сандро, присутствовавший при этом трогательном прощании, поклялся себе, что исполнит мечту умирающего отца; и за несколько дней до приезда мальчика из колледжа он отправился в Миемо, маленький город на холме, в лесах неподалеку от Лайатико. Там, в имении Бальдаччи, которое охраняли конные стражники, он выбрал красивую и спокойную кобылку авелинской породы и приобрел седло и стремена небольшого размера. Затем лошадку доставили в поместье Барди, где она немедленно получила свою порцию пищи и ласки. Синьор Барди, который теперь не находил себе места, умолял всех окружающих держать язык за зубами, чтобы не испортить сыну сюрприз.

После ужина с крестьянами синьор Сандро решил провести все утро со своим маленьким школьником и повел его знакомиться с лошадкой, которую уже успел назвать Стеллой. Амос еще крепко спал рядом с братиком, когда вдруг услышал голос папы, зовущий его с радостным возбуждением. Удивленный таким непривычным пробуждением, мальчик быстро оделся, поспешно позавтракал и вместе с отцом отправился в сторону Поджончино. Он был там за несколько дней до этого, но провел все время в ангаре с крестьянами, суетившимися вокруг молотилки. Когда они пришли, его поразил царивший в деревне покой, столь далекий от хаоса, в который все было погружено всего несколько дней тому назад. В Поджончино у них не было никого, кроме деда по линии матери, синьора Ило: они встретили его позади хозяйского дома, где предки семьи Барди поселились еще два века назад, после того как покинули ферму князей

Корсини и сумели купить благодаря некоторым сбережениям эту недвижимость. Амос бросился к старику на шею и поцеловал его. Он был счастлив видеть деда, ведь он питал к нему особую симпатию и глубокую привязанность, которую тот поддерживал в мальчике рассказами о войне, охоте, лошадях, собаках и автомобилях – словом, обо всем, что занимало воображение внука. Спустя годы именно он впервые заговорил с ним о политике и женщинах.

Шагая между отцом и дедом, Амос направился к углу дома, где стояла маленькая конюшня, которую долго использовали в качестве кладовки для хранения инструментов. За несколько дней до этого синьор Сандро освободил ее, чтобы вернуть конюшне ее истинное предназначение, и поселил туда купленную лошадку. Когда они подошли к двери, дедушка зашел внутрь и, к невероятному изумлению Амоса, вывел оттуда за поводья кобылу.

«Это Стелла, – сказал он очарованному мальчику. – Она добрая, можешь ее погладить». Потом начал давать всяческие советы, как делают все знатоки лошадей: «Никогда не подходи к ней сзади, она может испугаться и лягнуть тебя. К лошадкам всегда подходят с левой стороны – вот так, видишь?»

Стелла тем временем опустила голову и принялась пощипывать травку, тут и там проросшую среди камней. Затем дедушка понизил голос и тоном истинного знатока заявил, что эта кобылка – самая что ни на есть подходящая для ребенка. Авелинская порода получена путем скрещивания восточных жеребцов и пони, выращенных в Авелине; от этого получились метисы, хоть и небольшого размера, но при этом чрезвычайно выносливые в работе, легко адаптирующиеся к разным климатическим условиям и – что самое главное – с великолепным характером. Именно синьор Ило посоветовал зятю купить лошадь этой породы и теперь был невероятно горд своим выбором.

Вскоре приехал Беппе, работник, который жил в Поджончино, и вместе с ним все забегали вокруг Стеллы, которую сперва выкупали, а затем запрягли в тележку. Седло и сбруя были в полном порядке; дедушка скрупулезно изучил их, похвалил синьора Сандро за покупку и принялся прилаживать их к лошади, которая спокойно позволяла проделывать с собой всевозможные манипуляции, периодически отвлекаясь лишь на то, чтобы пощипать травку. Когда спустя полчаса кобылка была готова, дедушка Ило забрался в тележку, посадил рядом с собой внука и, наконец, щелкнул хлыстом. Стелла тут же пошла рысью. Тележка пересекла подъездную тропу к имению Поджончино, свернула налево и устремилась по сельской дороге, ведущей туда, где Эра граничит со Стерцей. Стелла появилась на свет как раз в тех

краях, поэтому ей, должно быть, уже пришлось проделать этот же самый путь несколькими днями раньше, когда она переходила от старого хозяина к новому.

Работники и крестьяне, с любопытством наблюдавшие с полей за новым приобретением, не могли не заметить два счастливых лица: это радостное мгновение напрочь стерло с черт старика воспоминания о пережитых бедах, боли и треволнениях, а на лице ребенка начертало выражение пылкой надежды и веры в прекрасное будущее.

IX

Как и все дедушки на этой земле, Ило просто обожал своих внуков; их было у него семеро, и каждый души в нем не чаял, ведь дедушка постоянно был рядом – в роли то товарища по играм, то руководителя, то оракула, то советчика. К Амосу он испытывал особую слабость, поскольку очень любил бельканто и всякий раз давал волю чувствам, когда старший внук начинал петь. Когда Амос приезжал навестить деда, тот ставил его на верхнюю ступеньку печурки, стоящей у окна в кухне, и просил спеть что-нибудь специально для него. Амос почти всегда соглашался и, будучи хорошо знаком со вкусами дедушки, частенько исполнял знаменитую арию «Мама, это доброе вино» из «Сельской чести».

Ориана тоже была в восторге от этих необычных выступлений и оказывала деду серьезную поддержку в деле убеждения начинающего певца в том, что пора оставить детские игры и войти в образ театрального артиста.

По мере того как выступления Амоса становились все уверенней и убедительней, запросы у публики росли, а количество зрителей все увеличивалось. Часто бывало так, что в самом конце ужина все члены дружной семьи, прежде чем отправиться спать, настойчиво просили мальчика исполнить какую-нибудь кантату. Это был прекрасный способ закончить тяжелый трудовой день. Дедушка Ило даже стал приводить с собой особо недоверчивых друзей, которые потом возвращались домой заметно потрясенными.

В Лайатико все либо знали, либо были наслышаны о голосе маленького Барди, мальчишки, у которого, как говорили кругом, «природа в одном месте отняла, а в другом наградила». Кое-кто даже робко просил его спеть в церкви по окончании святой мессы, а то и на свадьбе. Так что вскоре Амос пел в местном приходе, где во время венчания ему довелось исполнить знаменитую «Аве Марию» Шуберта, и его с наслаждением слушали и молодые, и приглашенные гости, и просто зеваки. По окончании этого совершенно детского, дилетантского выступления на глазах у слушателей появились слезы: так их растревожил резкий контраст между голосом и картинкой, между природными данными и явным физическим недостатком Амоса…

Шло время, и Амос с каждым днем все больше укреплялся во мнении: чтобы завоевать симпатии окружающих, ему необходимо петь; пение становилось для него своего рода необходимостью, неумолимой неизбежностью, неотъемлемой частью реальности,

как собственное отражение в зеркале или тень в солнечный день.

Как бы то ни было, детям всегда по душе внимание публики. Амос ничем не отличался от других, и ему нисколько не сложно было потакать просьбам и похвалам родственников и друзей. Выступать и тем самым вызывать всеобщий восторг было для него лишь очередной игрой. Он слышал, как родители говорили о том, что его просто необходимо как можно быстрее записать на музыкальные курсы. Эта идея ему тоже нравилась, поскольку до сих пор ему был закрыт доступ к прекрасному фортепиано в колледже, на котором во второй половине дня играли старшие ученики, а ему лишь единожды удалось тайком подкрасться к нему и прикоснуться к клавишам на несколько минут.

Вернувшись в колледж после летних каникул, Амос вместе с некоторыми другими учениками был неожиданно вызван к маэстро Карлини, преподавателю игры на фортепиано, о котором он уже был наслышан от своих товарищей, и после короткого знакомства сразу же начался урок музыки.

Очень скоро Амос со товарищи освоили нотную грамоту и сольфеджио. Честно говоря, ему было немного скучно, но он утешал себя тем, что в один прекрасный момент все-таки сядет за пианино и начнет играть. Так и произошло спустя несколько дней. Под присмотром учителя ему наконец было позволено опустить руки на клавиатуру и сыграть своими пальчиками первые пять нот – сначала в прямом, а затем и в обратном направлении: до, ре, ми, фа, соль, фа, ми, ре, до…

Уже через несколько минут он почувствовал, как у него заболели запястья и верхняя часть кисти, но он терпел, опасаясь разозлить учителя, который тем временем делал какие-то пометки, не обращая на него ровным счетом никакого внимания; наконец преподаватель остановил мальчика, позволил передохнуть несколько секунд и дал новое задание. Амос хотел играть по-своему, как играл обычно на органе в родной деревне по окончании воскресной мессы, но, разумеется, делать это было нельзя, поэтому он строго следовал указаниям учителя.

Невзирая на то что особого желания учиться у него не было, Амос все же испытал определенный трепет, когда у него в первый раз получилось сыграть небольшое упражненьице по методу Бейера. Он сыграл десять раз подряд, мечтая о том, как однажды исполнит его перед своими родителями, а возможно, и перед друзьями из Ла Стерца, которые наверняка ни разу не видели фортепиано вблизи.

Однажды утром синьорина Джамприни объявила своим ученикам, что их ждет сюрприз. После перемены она достала из ящика футляры, в которых хранились флейты, и вручила каждому

по одной. Потом она научила детей, как собирать их и как правильно держать в руках. Ученикам по классу фортепиано она посоветовала обратиться за помощью к маэстро Карлини и сказала, что надеется, что каждый сможет сыграть хоть что-нибудь, ведь у этого инструмента столь приятное звучание; а кроме того, уточнила она, это поможет им справиться с ленью.

Через пару дней Амос уже играл на своей флейте несколько простых мелодий, зарекомендовав себя в качестве одного из самых способных к занятиям музыкой учеников во всем колледже.

Он хранил флейту в ящике своей тумбочки и, ложась вечером в постель, доставал ее и принимался изучать, словно тревожась, что не до конца понял ее устройство. Этот инструмент необъяснимым образом очаровывал его, будто обладал какими-то волшебными свойствами. В тишине спальни играть, конечно, было нельзя, но он все равно брал флейту и изображал, будто играет на ней, до тех пор, пока не приходилось класть ее на место; после чего «Морфей забирал его в свои объятия», как говорили его бабушка и тетя.

Засыпая, Амос любил держать в руке и поглаживать какой-нибудь предмет – это словно помогало ему изгонять тоску по семье, которая была так далеко от него.

В тот период Амосу становилось все труднее засыпать: в спальне то и дело раздавались шепот и приглушенные голоса мальчишек, поверяющих друг другу свои секреты, рассказывающих истории, делящихся опытом и тайными помыслами. Изредка раздавался безуспешно сдерживаемый смех. Периодически с подозрительным видом заглядывал дежурный ассистент, который быстро хватал кого-нибудь, и на несколько минут комната погружалась в полную тишину.

Во время одного из таких ночных разговоров Амос узнал от своего соседа по спальне, мальчика постарше по имени Этторе, что детей вовсе не приносит аист, их не находят в капусте и они не появляются прямиком из живота матери.

Когда синьорина Джамприни со своей потрясающей интуицией стала вдруг беспокоиться о том, как бы чье-нибудь неправильное объяснение не нарушило невинности ее любимых учеников, она ввела в классе самые настоящие уроки сексуального воспитания.

Дойдя до объяснения шестой заповеди, учительница перевела разговор на сугубо научный аспект проблемы: рассказав в высшей мере деликатно и романтично о том, что такое близкие отношения между мужчиной и женщиной, она перешла к тому, как самый удачливый из сперматозоидов встречается с яйцеклеткой, как происходит оплодотворение, потом рассказала о

хромосомах, их бесконечных вариациях, описала этапы созревания плода до самого рождения. Этим рассказом она вызвала невероятный энтузиазм и интерес у своих учеников. Прошло немало дней, прежде чем учительница убедилась, что полностью выполнила свой христианский долг, наголову разбив все грешные домыслы, царившие в головах детей, а убедившись, забыла об этой проблеме.

Амос счел настоящей победой то, что ему удалось захватить родителей врасплох и поделиться с ними приобретенными знаниями, ведь мама с папой высказывались на данную тему весьма расплывчато и неточно, если не сказать – вообще избегали ее. Теперь он знал все, знал так же хорошо, как и они, и настала пора воспринимать его как взрослого человека и разговаривать с ним как с настоящим мужчиной.

Амос всегда хотел, чтобы его считали старше, чем он есть на самом деле. Ему хотелось делать все, что делают взрослые, и наравне участвовать в их разговорах. Когда с ним обращались как с ребенком, его сразу охватывало чувство неполноценности, ведь он вовсе не считал себя маленьким.

X

Наконец и в этом году наступил час прощания с колледжем, любимой учительницей, ассистентами и строгой дисциплиной, а вместе с ним пришел долгожданный момент возвращения в семьи, расставание с которыми у некоторых учеников длилось аж с октября прошлого года – ведь их родные жили слишком далеко, а финансовое положение оставляло желать лучшего.

Амос, с уже собранным чемоданом, в нетерпении ждал возле своей кровати, когда зазвенит колокольчик и раздастся громогласный голос дежурного портье: «Амоса Барди просят пройти в холл». Всякий раз, как раздавался звон колокольчика, сердце ребенка начинало бешено колотиться; однако ему пришлось ждать дольше, чем он предполагал, потому что родители застряли в пробке на автостраде между Флоренцией и Болоньей. Приехали они к обеду. Но желание мальчика поскорее вернуться домой победило голод, и они немедленно отправились в обратный путь. Амосу хотелось приехать пораньше, чтобы успеть встретиться со своими товарищами, прокатиться на велосипеде, навестить Стеллу и вывести ее из стойла: пусть пощиплет травку на свежем воздухе. Словом, чтобы реализовать хотя бы половину его плана, понадобился бы день, состоящий не из двадцати четырех, а из сорока восьми часов.

Но дома он обнаружил лишь бабушку с дедушкой и младшего братика, с нетерпением ожидавших его. Все его друзья были на полях, где помогали родителям. Что ж, ничего не поделаешь, они увидятся на следующий день. Настроение у Амоса все равно было великолепным. Сложно описать состояние ребенка, вернувшегося домой после долгих месяцев пребывания в колледже: оно похоже на сладкий мед, какой не под силу сделать даже самим пчелам; неописуемый покой, бесконечная, необъяснимая детская радость, способная превратить в ничто боль разлуки и легко заставить забыть глубокую грусть, строгость, царившую в школьных стенах, зависть однокашников, непонимание учителей… Спору нет, радость возвращения покрывает жестокую цену, которую платит ребенок, вынужденный уехать из семьи.

Лето в этом году было очень жарким, и Амос никак не мог дождаться, когда они всей семьей поедут на море. Их пригласила в гости тетушка отца, синьора Эуджения, у которой была скромная квартирка в Лидо Ди Камайоре; но для этой райской поездки следовало ждать августа, а на дворе был всего лишь июнь. А пока предстояло организовать себе интересную жизнь в деревне.

Однажды утром Серджио, близкий друг Амоса, живший по соседству, зашел за ним, чтобы показать свое последнее творение: новую рогатку, явно куда более мощную и меткую в сравнении с прочими. Отыскав ветку правильно изогнутой формы, Серджио еще больше выгнул ее и подогнал под нужный размер, а затем отправился искать старую шину. Ножницами он вырезал из нее две тонкие полоски примерно в сорок сантиметров длиной, закрепил их с одной стороны на двух краях рогатки, а с другой – на небольшом овальном кусочке кожи, протянув их через два проделанных в овале боковых разреза, и наконец связал между собой тонкой и прочной ниткой. Закончив работу, он бегом бросился к другу, только что вернувшемуся из колледжа, чтобы подарить ему этот драгоценный предмет в знак сохранения прежнего уважения и дружбы. Затем они начали соревноваться. Мальчишки вставали в центр круга, начертанного камнем посреди двора перед домом Барди; каждый прицеливался из собственной рогатки и выстреливал камнем в сторону дупла в стволе одной из сосен, что росли на площади, безмолвно бросая тень на поле битвы и терпеливо взирая на невинные ребячьи забавы.

Первого августа семья Барди наконец-то отправилась на море. Квартира тети Эуджении оказалась просторной, но, поскольку теперь в ней жили две семьи, там стало довольно людно. Амоса поселили в одной комнате с тетей Вандой, кузиной отца; он с уважением и любовью звал ее «тетушкой», как было принято в их семье. К этой родственнице мальчик питал особую симпатию – возможно, потому, что вечерами перед сном она удовлетворяла его ненасытное любопытство по очень многим вопросам. Иногда она рассказывала ему про животный мир: например, описывала невероятную прожорливость пираний или жестокость мурен; от этих рассказов у Амоса по-настоящему разыгрывалась фантазия. В другой раз синьора Ванда, преподававшая литературу в младших классах, пересказывала ему новеллу Верги или читала стихи, по ходу объясняя значение некоторых слов, которых еще не было в лексиконе Амоса. Амосу вскоре предстояло перейти в пятый класс начальной школы; поэтому он частенько задавал ей разные вопросы: о том, насколько сложны экзамены, в чем заключаются задания, какое количество баллов нужно набрать, чтобы перейти в следующий класс, и так далее. Будучи хорошим педагогом, тетя терпеливо отвечала на все вопросы племянника, а заодно, пользуясь случаем, занималась с ним грамматикой и логическим анализом, чтобы дать ему хотя бы элементарные основы этих предметов. Амос, который обычно учебе предпочитал игры с друзьями на

свежем воздухе, в этот раз зачарованно слушал тетушку Ванду, чьи рассказы иной раз длились до поздней ночи, пока на них обоих не нападал сон и их голоса постепенно не сменялись тихим бормотанием морских волн.

Утром он просыпался в полном одиночестве: тетя к моменту его пробуждения уже уходила. Тогда он звал маму, просил ее принести ему в постель кофе с молоком, но та неизменно отказывала сыну в этом удовольствии, чтобы заставить его подняться; потом, позавтракав, он отправлялся на пляж под названием «Добрые друзья», который в особенности нравился ему, так как там были некоторые спортивные сооружения – кольца, трапеция и даже качели, которыми, впрочем, были снабжены практически все пляжи этого замечательного курорта. Амосу необычайно нравилось хвататься за кольца обеими руками и повисать головой вниз с выпрямленными кверху ногами. Каким же счастливым он чувствовал себя в такие моменты! Старая тетушка Эуджения и другие родственники, разумеется, боялись, что он упадет и расшибется, но это лишь сильнее заводило его, потому что – надо признать, – как и многие другие дети в его возрасте, Амос был немножко эксгибиционистом.

Частенько он бежал искать Раффаэле, местного спасателя, а тот дарил ему очередную огромную ракушку, приставлял ее к уху мальчика и говорил: «Послушай, как шумит море!» У Раффаэле были крепкие руки с накачанными мышцами, словно у штангиста. Мальчик был просто очарован его мужественностью и силой; ему нравилось прикасаться своими ручонками к его бицепсам, задумываться о том, какие же сильные спортсмены, и мечтать, как в один прекрасный день он сам станет боксером, борцом или чемпионом по карате. Так что в тот период Раффаэле был его любимчиком, живым символом силы, смелости и мужества. Кроме того, именно тем летом он научил Амоса плавать. Однажды, предварительно договорившись с синьором Барди, он дождался мальчика на причале в семь часов утра, затем посадил его в лодку и, мощно работая веслами, поплыл прочь от берега. Возле буйка он остановился, сложил весла и привязал лодку за один конец каната. Другим концом он обвязал Амоса вокруг пояса и велел ему прыгать в воду, но тот в ужасе отказался. Тогда, после нескольких бесплодных попыток, Раффаэле решил поступить иначе: он схатил мальчика под мышки и без всяких объяснений бросил в море. Спустя мгновение Амос обнаружил, что тот плывет рядом с ним, и, поскольку лить слезы от страха не было никакой возможности, он занялся тем, что стал следить за своими движениями. Раффаэле спокойным тоном давал ему весьма полезные советы, и вскоре Амос почувствовал, как

удовольствие постепенно вытесняет страх. Его отец тем временем с довольным видом управлял катамараном и периодически подбадривал сына. Совсем скоро Амос активно задвигал руками и ногами так, как его учили, – словом, поплыл. Миссия была выполнена. За короткое время он научился плавать по-собачьи, а потом – чуть позже – и на спине.

В тот год на пляже то и дело устраивали соревнования по плаванию, поэтому Амосу было просто необходимо совершенствоваться в своем умении. Раффаэле был всегда тут как тут, он давал ему всяческие полезные рекомендации и обучал профессиональным трюкам. Ведь Амосу вовсе не нравилось проигрывать в соревнованиях; стоило ему проиграть, как от унижения он разражался слезами и даже переставал спать по ночам.

Возвращение с моря было намечено на восемнадцатое августа. По большому счету, Амосу хотелось домой, где его ждали интересные новости: на месте старой дровницы и так называемой темной комнаты строили новый коридор, который вел в небольшой кабинет. Ремонтники к тому времени уже почти закончили. Коридор был готов, а в кабинете шли малярные работы и укладка пола.

К первому сентября новые комнаты уже полностью обставили мебелью. Амос обнаружил для себя новое приятное занятие: ему нравилось сидеть в кабинете, за письменным столом, среди множества книг, письменных принадлежностей и тетрадок, – там он вдруг понял, что ему даже нравится учиться, а ведь раньше это не доставляло ему особого удовольствия.

Отъезд в колледж, назначенный на первое октября, знаменовал собой последнее расставание с близкими – ведь Амос шел в заключительный класс, и поэтому ему не было так уж грустно. На будущий год его образ жизни резко поменяется: ему предстояло покинуть колледж и перебраться поближе к дому, где будет больше свободы передвижения и больше времени для личных дел. Так что он оставил своих родных с сердцем, полным надежд, и отправился в пятый, заключительный класс начальной школы.

XI

«Господи, я раскаиваюсь в совершенных мною грехах, ибо, согрешив, я заслужил Твою кару…»

С такого покаяния начался для Амоса и его товарищей новый учебный год; они читали эту молитву все вместе, стоя со сложенными руками, каждый на своем месте, и синьорина Джамприни тоже молилась, шагая между партами. Затем последовали приветствия, объятия и немного неоднозначное веселье, окрашенное воспоминаниями об ушедшем лете и волнениями по поводу очередного учебного года.

Как только все уселись, милая учительница принялась рассказывать о Священном Писании. Начала она с Книги Бытия, и ее повествование, полное любви, продолжалось до тех пор, пока не дошло до сотворения Адама и Евы. Признаться, детям очень нравился ее эмоциональный рассказ и то, с какой страстью учительница преподносила им эти удивительные истории, и они внимательно слушали в полном молчании, лишь иногда прерывая ее каким-нибудь робким вопросом. Потом учительница подробно остановилась на жизни Авраама, его сына Исаака, а заодно мимолетно поведала и об Измаиле, старшем из сыновей, рожденном от Агари, рабыни жены Авраама Сарры, которая не могла иметь детей.

Дети остались под впечатлением от приключений Иакова и всем сердцем полюбили Иосифа, чья жизнь была полна одновременно страданий и удивительных эпизодов. Они быстро выучили наизусть названия двенадцати колен Израилевых и на переменках даже соревновались в том, кто лучше помнит различные подробности и имена из Ветхого Завета, который учительница долго и упорно разъясняла во время уроков.

Это был последний год, который синьорине Джамприни предстояло провести со своими учениками, поэтому она старалась передать им все свои знания, работая с удивительным рвением, дабы у детей не возникло никаких особых проблем в старших классах. До конца года она рассчитывала преподать классу основы алгебры и кое-какие базовые элементы логического анализа; кроме того, будучи искренней поклонницей живой природы, она хотела объяснить детям механизм синтеза хлорофилла, чтобы они полюбили растения и животных и на всю жизнь сохранили глубокое уважение и восхищение перед всем, что сотворено рукой Господа.

Пробегая пальчиками по разным континентам на рельефных географических картах, мальчики внимательно слушали

объяснения учительницы, которая ходила между партами, чтобы удостовериться, что все без исключения как следует постигают тайны земного шара.

Она по-прежнему не забывала о поездках в деревню и поддерживала отношения с несколькими немецкими семьями, с которыми обменивалась разными интересными магнитофонными записями. Ее ученики записывали на пленку стихотворения, песни, болтали о том о сем, а от далеких немецких друзей приходили записи на плохом итальянском об их повседневной жизни: дети делились событиями школьной жизни, рассказывали, в какие игры они играют. Несколько раз Амос даже расщедрился на исполнение кантаты, и все его товарищи впоследствии дружно рассказывали о том, как однажды, когда он пел неаполитанскую песню, из-за взятой им слишком высокой ноты сломался микрофон, и им пришлось отправлять незавершенную запись.

В пятом классе ребятам иногда разрешали немного продлевать последнюю, вечернюю перемену – буквально на десять – двадцать минут. Так Амос со товарищи все чаще стали общаться с учениками средней школы.

Именно от них наш маленький герой узнал о необыкновенном напитке, который на несколько часов дарил поразительную физическую силу и необычайную агрессию: получить этот напиток можно было, растворив таблетку аспирина в стакане с кока-колой. Получив такую информацию, Амосу оставалось лишь каким-либо образом раздобыть вожделенный аспирин, не будучи при этом больным даже обыкновенной простудой. Он собрался с духом и отправился в медпункт, где вот уже несколько дней приболевшую синьору Эву заменяла молоденькая медсестричка. Он попросил градусник, пожаловавшись на сильную головную боль. Когда термометр оказался у него под мышкой, а девушка отвлеклась на других пациентов, он принялся осторожно натирать его кончик обеими руками; если температура при этом не повысится, он вернется на следующий день: лучше было не рисковать. Когда медсестра подошла к нему, сердце его бешено застучало. Изучив ртутный столбик, она кивнула: «Да, температура у тебя немного повышена, но ничего страшного – ложись в постель, накройся как следует одеялом, и завтра все будет в полном порядке». – «Но у меня голова болит! – запротестовал Амос. – Дайте хотя бы аспирину!»

Поколебавшись, девушка согласилась, поискала таблетку и вручила ему вместе со стаканом воды, а мальчик сделал вид, что его передергивает от одной мысли, что придется проглотить такую гадость.

«Ну так что, будешь глотать или нет?!» – спросила медсестра, и в этот момент из соседней комнаты ее позвал детский голосок.

Тогда она отошла на несколько секунд, но и этого времени Амосу хватило, чтобы ловко засунуть таблетку в карман; а когда девушка вернулась, он показал ей пустые ладони и выпитый до дна стакан воды. Затем он покинул медпункт и проворно добрался до автомата с напитками, откуда при помощи монетки в сто лир добыл себе бутылку кока-колы.

Выпив полученную смесь, Амос почувствовал легкое головокружение, но, возможно, это был лишь результат самовнушения. Тогда он бросился к одноклассникам, чтобы рассказать о своем приключении, и ему показалось, что его повествование пробудило в слушателях уважение к нему, не говоря уже об изрядной доле любопытства. Потом он разыскал Антонио, одного из старшеклассников, который и открыл ему секрет волшебного напитка, и поведал о происшедшем. Антонио выслушал его, хлопнул по плечу и сказал: «Ну, надо признать, ты оказался хитрым и смелым, но только не повторяй этого слишком часто, потому что ацетилсалициловая кислота, которая содержится в аспирине, когда растворяется в кока-коле, становится практически наркотиком, а это вредно для организма».

Антонио по-отечески отнесся к младшему товарищу, а тот вдруг расстроился, ведь его бравада не принесла ничего, кроме разочарования: никакой особой силы он не ощутил, да еще и, возможно, нанес вред своему здоровью. Он покинул Антонио и отправился в постель, где вскоре обнаружил, что лежит в луже пота, а беспрестанное сильное сердцебиение не дает ему уснуть. Проснувшись следующим утром, Амос чувствовал себя отлично; он быстро собрался и решил вообще не думать о том, что произошло накануне вечером.

Амос придавал большое значение собственной внешности, физическая сила была для него культом, и он очень любил активный образ жизни. Поэтому в колледже он ощущал себя словно запертым в клетке. Может быть, как раз поэтому он с восторгом воспринял новость о приближающейся олимпиаде среди учащихся заведения. Соревноваться предстояло в легкой атлетике, гимнастике, футболе и прочих дисциплинах. Все кругом были счастливы и с нетерпением ждали наступления этого момента.

Начало игр совпало с великолепным майским днем, подарившим Паданской равнине почти тосканское солнце. Этим воскресным утром все мальчишки вместе с ассистентами собрались в «большом дворе» на церемонию открытия

олимпиады, которая началась с выступления директора, синьора Маркуччо. В своей речи он сказал, что доволен новой инициативой, поскольку спорт является необычайно важной частью жизни; затем он попросил всех бороться честно, как настоящие спортсмены, и наконец попрощался, пожелав детям приятного времяпрепровождения. И олимпиада началась.

Амос принял участие практически во всех соревнованиях и даже получил несколько медалей, но ему не удались прыжки в высоту, и он сошел с дистанции во время марафона, который проходил по периметру двора.

В следующее воскресенье состоялся футбольный матч. Амос должен был выполнять роль центрального защитника, но вместо этого встал на ворота, потому что именно в этот день заболел вратарь.

Счет был равным, один-один, когда Амосу пришлось выдержать невероятную атаку центрального нападающего команды противника. Последний изо всех сил ударил ногой по мячу, и тот попал Амосу прямо в правый глаз – единственный, различавший свет и цветовую гамму.

Поднявшись с земли, невезучий вратарь обнаружил, что зрение затуманилось, и почувствовал все усиливающуюся боль, которая заставила его покинуть поле и отправиться прямиком в медпункт, где ему немедленно закапали в глаз. Спустя несколько часов боль и покраснение в глазу стали по-настоящему беспокоить юную медсестру, и она, предварительно посоветовавшись с дежурными ассистентами, решилась позвонить мальчику домой.

На следующий день синьора Эди приехала первым же поездом и спешно повела сына в больницу Реджо, к доктору Бруно. Этого врача ей порекомендовал профессор Галленга, с которым ей удалось связаться перед отъездом.

После непродолжительного осмотра Амоса попросили лечь на кушетку. Врач объяснил его матери, что необходимо срочно остановить кровотечение, вызванное ударом мяча; затем он подошел к мальчику, ласково утешил его, погладив по голове, и позвал медсестру, которая, встав с противоположной стороны кушетки, помогла доктору поставить между виском и глазом маленького пациента крошечных пиявок. Отсасывая кровь в этих точках, пиявки должны были нормализовать внутриглазное давление.

Вскоре пиявки раздулись до невероятных размеров, и их пришлось заменить на новых. Амос не чувствовал никакой боли – только легкий зуд, в то время как его мать едва сдерживала отвращение при этом зрелище. Покидая палату, доктор сказал,

что все-таки надеется спасти остатки зрения ребенка, однако не скрывал ни своих опасений, ни беспокойства.

В школу Амос вернулся с повязкой на глазу, которая мешала ему видеть что-либо. Новое положение вещей заставило его задуматься: ведь он мог окончательно потерять зрение, и ему следовало привыкнуть к этой мысли. В этом случае по школьной градации он переходил из категории видящих в категорию слепых. Это вызывало в нем определенную тревогу – ощущение, с которым раньше он не был знаком. Он попробовал поговорить об этом кое с кем из товарищей и понял, что беседы прибавили ему смелости. С тех пор он стал пытаться привыкнуть к такой перспективе, как свыкаются с присутствием неприятного человека в своем окружении.

Когда сняли повязку, бедный ребенок обнаружил, что зрение практически исчезло. Он едва мог различить свет настольной лампы и испытывал огромную растерянность. Его не покидала надежда, что со временем ситуация улучшится, но все было напрасно.

Тем временем учебный год подошел к концу, и дети разъехались на каникулы. Амос, несмотря ни на что, был счастлив и не знал, что его ожидает впереди. Однажды утром он поднял глаза к небу, глядя на солнце, которое напекало ему голову, и обнаружил, что ничего не видит. Его охватили страх и отчаяние; глаза наполнились слезами, и, зарыдав, он стал звать маму. Бедная женщина тут же подбежала к нему – она уже давно ждала этого ужасного момента. Она крепко обняла сына в попытке облегчить его страдания в этот чудовищный миг, но не выдержала и расплакалась сама. Амос никогда раньше не видел слез матери, и это глубоко тронуло его; ему так хотелось сделать для нее что-нибудь, утешить ее, но он чувствовал себя бессильным и потерянным. В любящих руках отчаявшейся матери он ощущал лишь глубокое одиночество и смятение.

Ему едва исполнилось двенадцать лет, и позади осталась начальная школа. Летние каникулы только начались. Что же он будет делать на море? Как ему теперь вести себя и играть с друзьями? Как они будут относиться к нему в его новом положении?

В доме воцарилась атмосфера тяжелой депрессии. Семья в полном составе собралась за обеденным столом, но все старались говорить на посторонние темы. То и дело повисало неловкое молчание, и было слышно, как в тишине жужжат мухи, которые спасались от уличного зноя в помещении, где было достаточно свежо, благодаря массивным каменным стенам.

После еды Амос пошел немножко полежать, и мама, не желая

оставлять его одного, пошла вместе с ним. Растянувшись рядом на постели братишки, синьора Эди хотела задать сыну вопрос, но не хватало смелости сформулировать его: ей во что бы то ни стало хотелось выяснить, что сейчас видят его глаза – пришла ли на смену свету полная тьма, пугающая и отвратительная, тьма, с которой они так долго сражались? Мысль, что все многочисленные жертвы и надежды, все поездки в Турин были бесполезны и теперь ее сын приговорен к жизни в темноте, сводила ее с ума. Она уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

– Мама, почему ты плачешь? – вскрикнул Амос, которого охватило невыносимое беспокойство.

Мать, которую душили слезы, ответила не сразу. Собравшись с духом, она быстро спросила его:

– У тебя теперь темно перед глазами?

– Нет, мама, – робко ответил мальчик.

– А что же ты видишь?

– Все и ничего, – ответил он. Потом помолчал и добавил: – Я вижу то, что хочу видеть. Вижу мою комнату: шкаф, кровати, – но вижу их потому, что просто знаю, что они есть.

Мать не совсем поняла смысл этих слов. Потом ей пришла в голову ее первая встреча с директором колледжа, синьором Маркуччо, который сам потерял зрение в результате несчастного случая, и она вспомнила, как он говорил, что темнота – это визуальное ощущение и прерогатива тех, кому даровано зрение.

«Слепые, – объяснял он оживленно, – не могут видеть темноту, как не могут глухие слышать тишину, так как она есть не что иное, как слуховое ощущение, противоположность шума. Вот так-то». Тогда синьора Эди как-то не задумывалась над тем, что так лаконично выразил директор, ведь глаза Амоса в ту пору еще были зрячи, и в глубине души она надеялась, что так будет всегда. Но теперь эти слова отчетливо всплыли в ее памяти, став для нее своеобразным утешением. В то же время она знала, что единственная вещь, которую она может сделать, – это смотреть с надеждой в будущее и помогать сыну, что, впрочем, она и так постоянно делала. Теперь ей предстояло, больше, чем когда-либо, поддерживать его всеми своими силами – душевными и физическими, – подбадривать и внушать мысль, что, возможно, не все еще потеряно.

А вот для Амоса растерянность матери была невыносима – он никогда раньше не видел ее в таком состоянии, он буквально не узнавал ее. Он вскочил с постели и бросился в родительскую спальню, где обнаружил своего отца лежащим на постели, но без обычной газеты. Он лег рядом, обнял папу и вскоре крепко уснул.

XII

Амос целый день просидел дома, вечером поужинал без всякого аппетита и сразу пошел спать. Он практически ничего не делал на протяжении всего дня, но при этом чувствовал себя очень усталым; он устал от собственных мыслей, от глубокой грусти, владевшей им, от всех нерешенных проблем, которые вставали перед его мысленным взором в течение этих часов, от деланой легкости, с которой окружающие теперь обращались с ним, от их повышенного внимания, ласки, нежности – словом, от всего. Ему хотелось, чтобы все вокруг воспринимали его прежним, но он уже начал понимать, что для этого ему сперва необходимо убедить самого себя в том, что ничего не изменилось и никогда не изменится.

Это было лето знаменательных решений и не менее знаменательных событий.

На следующий день родители заговорили с ним о возможности перейти учиться в другой колледж, а именно – перевестись в Институт Кавацца в Болонье, где он сможет посещать обычную городскую среднюю школу вместе с обыкновенными, зрячими детьми и одновременно пользоваться дидактической поддержкой института с его специализированными структурами и специально обученными преподавателями, способными удовлетворять все без исключения особенные требования своих учеников. Кроме того, там у него появится возможность учиться в школьной консерватории, адаптированной под нужды слепых.

Но такое решение принять было довольно сложно из-за студенческих волнений, еще с прошлого года создавших массу проблем в Институте Кавацца. Там имели место серьезные бунты, а однажды утром директор института был найден повесившимся в собственной квартире. Поговаривали, он просто не выдержал психологического напряжения, вызванного этими тяжелыми и совершенно непредсказуемыми событиями. Средняя школа в предыдущем колледже, конечно, оставляла желать лучшего в профессиональном смысле, но как можно было со спокойной душой оставлять ребенка в таком сомнительном месте, как Кавацца?

Амосу впервые после того, как он потерял зрение, представилась возможность доказать самому себе и всем окружающим, что он сильный, смелый и ответственный мальчик. Он не замедлил воспользоваться ею и в один прекрасный день за обедом решительно заявил, что намерен перевестись в Болонью,

где он будет чувствовать себя более свободным, научится передвигаться по городу без посторонней помощи – одним словом, где у него начнется новая жизнь. Это своеобразное приключение, этот новый мир, возможно опасный, по крайней мере, если судить по рассуждениям родителей, – все это лишь разжигало воображение Амоса, и таинственные мысли вытесняли страх, неуверенность и стеснение: что-то непривычное пробуждалось в нем.

Когда закончилась молотьба, синьор Барди принял приглашение шурина и вместе с семьей отправился в Лидо Ди Камайоре, где у дяди и тети Амоса была прекрасная квартира в нескольких сотнях метров от моря. Мальчик сперва волновался, как поведут себя с ним двоюродные братья, и был немало удивлен, когда с облегчением обнаружил, что они относятся к нему так, словно ничего не произошло. Три его кузена, в особенности старший, были симпатичными мальчишками, самостоятельными, веселыми и добрыми, и Амосу очень нравилось проводить с ними время. Особенно по душе ему пришлись долгие и интересные разговоры в спальне, которые продолжались до тех пор, пока от сна у ребят не начинали закрываться глаза.

Однажды утром дядя Франко вернулся домой с пляжа, громко обсуждая с женой возможность участия племянника в песенном конкурсе, что проходил в кафе «Маргаритка» в городе Виареджо. Победа в нем открыла бы Амосу двери на музыкальный фестиваль в Кастрокаро Терме.

Амос услышал, как дядя возбужденно говорил супруге: «Я сам провожу его на сцену, а в конце заберу оттуда. Представь себе, что будет твориться с людьми, когда они услышат, как он поет!» Дядя с нетерпением ждал, когда сестра с мужем вернутся к обеду, и стоило им только появиться на пороге, как он кинулся к ним и стал рассказывать обо всем, что сперва вычитал в газете, а потом выяснил у самого владельца кафе «Маргаритка», так как лично ездил узнать о правилах конкурса и регистрации участников. Обо всем этом он с редким энтузиазмом рассказал собравшейся вместе семье. Амос внимательно слушал и по мере того, как дядя рассказывал о количестве зрителей и оркестре, все больше волновался. Ведь дирижером должен быть маэстро Маравилья, персональный учитель Лучано Тайоли.

Таким образом, в один прекрасный и жаркий августовский день, ровно в пять часов вечера, маленький певец оказался на репетиции с самим маэстро. Если пробы пройдут удачно, он примет участие в первом этапе, победитель которого получит право выйти в финал.

«Что будешь петь?» – спросил его маэстро, слегка удивленный юным возрастом претендента. Амос ответил, что полностью знает только «О соле мио» и «О, прекрасная кампаньола». Последнюю песню он хорошо знал потому, что ее очень любил его дедушка и частенько просил мальчика спеть ее.

Маленький Амос не привык петь под аккомпанемент и поначалу растерялся, в каком месте и когда ему вступать. Не сразу он сумел и адаптироваться под слишком быстрый темп, взятый маэстро. Тем не менее спустя полчаса он был допущен к конкурсу, и его попросили приехать следующим вечером.

Когда они с отцом, обнимавшим Амоса за плечи, пешком шли к кафе «Маргаритка», мальчику внезапно стало дурно: он задумался об ответственности, которой требовало от него участие в конкурсе; от волнения у него заледенели ладони и прошиб холодный пот. Вслед за ним шли все его родственники, такие возбужденные, словно им предстояло присутствовать на футбольном матче. Амос вдруг ощутил себя героем, а ведь его никто так и не успел подготовить к происходящему. Он сжал кулаки, подумав, что теперь уже нет дороги назад: надо было петь и во что бы то ни стало завоевывать победу, чтобы не было мучительно стыдно за свой провал, который разочарует всех окружающих и, прежде всего, его самого.

Он сел за столик и стал ждать своей очереди.

Исход конкурса должны были решать посетители кафе, которые с заказанным блюдом получали специальную карточку с именами конкурсантов и их порядковыми номерами.

Амос был глубоко погружен в собственные мысли, когда вдруг услышал, как кто-то произносит в микрофон его имя. Он собрался с духом, встал и в сопровождении дяди, с плохо скрываемым нетерпением ожидавшего этого торжественного момента, поднялся на сцену, задев по ходу музыкальные инструменты, микрофонные стойки, подставки для нот и потоптав некоторое количество электрических проводов. Наконец он добрался до нужной точки, и ассистент поставил на удобную высоту стойку для микрофона, которая перед этим была поднята слишком высоко для детского росточка Амоса. Спустя несколько секунд оркестр грянул вступление к «О, прекрасная кампаньола».

Тенор Амоса, неожиданно сильный и вибрирующий, поразил публику, которая после первой же спетой строки наградила мальчика бурными овациями. Амос довольно и с облегчением улыбнулся и запел с еще большей силой, вложив в финал песни всю мощь своих легких. Его худенькие ножки и хрупкое тельце с тонкой шейкой настолько контрастировали с невиданной силой и глубиной его голоса, что зрители буквально впали в истерику и

продолжали восторженно вопить даже тогда, когда он уже шел по проходу между столиками, возвращаясь на свое место. Он был несколько смущен, но выглядел довольным. Поддержка публики придала ему сил, а симпатия окружающих заставила его гордиться собой и почувствовать уверенность в будущем.

В конце вечера, когда были собраны все карточки и подсчитаны голоса, Амоса объявили победителем. Ему вручили серебряную маргаритку – приз, который давал право доступа на финал, намеченный на последнюю субботу августа.

В последующие дни на пляже и дома все только и говорили, что об этом; каждый высказывал свое мнение, вспоминал, что было сказано за соседними столиками, а также, конечно, гадал, каким будет финал конкурса. Маленькому певцу купили новенький костюм и красивые ботинки, его как следует подстригли; и вот, волею Божьей, наступила долгожданная суббота. Мама проводила Амоса на дневную репетицию, после которой настояла на том, чтобы сын немного отдохнул в постели. Потом настало время ужина, проглоченного впопыхах, и все бросились собираться, переворачивая вверх дном комнаты и ванные.

К десяти вечера Амос с отцом уже были возле кафе «Маргаритка», перед которым собралась внушительная толпа любопытных и тех, кто опоздал и не смог найти свободные места.

Владелец кафе, увидев Амоса, поспешил к нему навстречу и отвел на зарезервированное специально для него место.

Спустя примерно пятнадцать минут на сцену поднялся первый конкурсант. Это был белокурый восемнадцатилетний юноша, вполне раскованный, который немедленно завоевал симпатии прекрасного пола. Потом настал черед уверенной в себе девочки лет тринадцати или четырнадцати, с очень темпераментным и хорошим голосом; она тоже понравилась зрителям, которые тепло приняли ее выступление.

Амос с волнением поджидал своей очереди, то и дело повторяя про себя слова песни. Этим вечером ему предстояло петь «О соле мио» – это был его конек, но он все равно очень нервничал. Кроме того, у него вдруг ужасно заболела шея, каждое резкое движение причиняло неудобство.

Он почувствовал, как руки у него похолодели, а сердце бешено заколотилось. Приближался его черед, а ему вовсе не хотелось подниматься на сцену и участвовать в конкурсе, хотя все кругом предсказывали ему победу. Как ему справиться с собственным разочарованием и разбитыми надеждами окружающих, если он все-таки проиграет? Нет, он просто обязан был победить, и ему ничего не оставалось, как надеяться на это.

Он витал мыслями где-то далеко, когда услышал, что его вызывают, и почувствовал, как дядя берет его за руку и, подбадривая, провожает к лесенке, ведущей на сцену. Их путь лежал между столиками, за которыми сидели громко аплодировавшие Амосу зрители.

Когда оркестр заиграл эту, вероятно, самую популярную в мире песню, Амос вдохнул полной грудью, сжал кулаки и, борясь с сильным сердцебиением, от которого перехватывало дыхание, запел во весь голос.

Внезапно все кругом замолчали и застыли в неподвижности: тот, кто пил, поставил на стол свой бокал, кто лакомился мороженым, отодвинул от себя вазочку, и даже официанты на мгновение остановились и обернулись, чтобы удостовериться, в самом ли деле этот голос принадлежит ребенку, действительно ли он доносится из этого хрупкого тельца с тоненькой шеей. Тем временем мальчик, закончив первый куплет, глубоко вздохнул и необыкновенно высоко и чисто запел строчку *Ma ‘n’atu sole.* И сразу же ураган криков и оваций заглушил его.

С этого момента маленький певец окончательно приободрился, взял себя в руки, перестал нервничать и совершенно расслабился. Ему удалось завоевать сердца зрителей, которые буквально не давали ему петь, постоянно истерически хлопая. Когда он дошел до финала песни, ему пришлось снова сжать кулаки, и, со вздувающимися от усилий венами на шее, он обрушил на неистовствовавшую публику свой последний, неповторимый крик души, страсти, надежды, гордости, освобождения, а может быть, даже и ярости. Буквально оглушенные восторгом, зрители, с бегущими по коже мурашками, ответили ему громогласным воплем, подобным тому, которым обычно разражается целый стадион во время футбольных матчей, когда мяч влетает в ворота.

Амос скромно поблагодарил зрителей и, спустившись со сцены, оказался в кольце людей, каждый из которых желал пожать ему руку и похвалить. Некоторые женщины даже расцеловали его, но маленькому певцу решительно не понравилось, что его щеки повлажнели то ли от слез, то ли от пота, то ли бог знает от чего еще. Ему очень хотелось вытереться, но он постеснялся. Он попытался добраться до своего столика, и с грехом пополам ему это удалось. Он обнялся с родителями, сел и подумал, что в общем и целом не упал в грязь лицом; даже если он не победит, его честь спасена.

Конкурс продолжался еще пару часов. В конце состоялось награждение: ведущий вечера с листком в руке подошел к микрофону и принялся зачитывать результаты. Он со спокойным

видом назвал имя конкурсанта, занявшего пятое место, затем четвертое. Третье место заняла девочка из Сиены, которая показалась Амосу очень талантливой. Назвав второе место, ведущий ненадолго умолк, чтобы вызвать интерес и напряжение у зрителей, заговорил о чем-то, не имеющем отношение к конкурсу, и только потом вызвал на сцену маленького Амоса Барди, чтобы вручить ему заслуженную золотую маргаритку. Хорошенькая помощница ведущего вышла ему навстречу, пожала руку и прицепила драгоценное украшение к лацкану его пиджака. Затем она улыбнулась, пожелала Амосу огромных успехов и удалилась.

Так Амос выиграл свой первый певческий конкурс, чем имел полное право гордиться. И с этого момента, сам того не осознавая, он попал во власть иллюзий и мечтаний, которые роились в его юном воображении, во многом определив его будущее. Прочие факторы, такие как везение, были полностью во власти мудрой Судьбы этого ребенка, уже в двенадцать лет привыкшего петь соло и во всех отношениях не желавшего быть «в стаде».

XIII

Первого октября того же года Амос, которому завоевание золотой маргаритки подарило новый мир, полный надежд, воспоминаний и грез, впервые перешагнул порог Института Кавацца в Болонье, где он обнаружил ситуацию, весьма далекую от той, что представлял себе все это время.

Родители помогли сыну разложить вещи в шкафчике, стоявшем возле его кровати. Потом они все вместе спустились по лестнице, что вела из спальни в холл, и стали прощаться. Пришло время обеда, и Амос сразу же отправился в столовую, где с большим удивлением обнаружил рядом со своим стаканом маленькую бутылочку вина; он выпил его, а точнее, опрокинул залпом, даже не доев тарелку бульона.

В этом учебном заведении он был самым юным, если не сказать – самым маленьким. Чтобы принять его в институт, пришлось сделать исключение, ведь самый низкий возрастной порог для поступления туда ограничивался четырнадцатью годами.

Мальчику кратко объяснили правила пребывания в колледже, дали всю необходимую информацию и подсказки. На следующий день он вышел прогуляться вместе с двумя товарищами, с которыми он учился на протяжении пяти лет в одном колледже и которые тоже оказались в Болонье, в том же классе, что и Амос. Трое мальчишек без всякого сопровождения отправились вниз по виа Кастильоне, через портики, в сторону средней школы Святого Доменико, что на площади Кальдерини; эту школу все активно советовали их родителям.

Возбужденные и взволнованные этим маленьким приключением, мальчики тщательно изучили рельефную карту города и с осторожностью двинулись по узеньким улочкам, периодически сшибая запаркованные под портиками мопеды студентов индустриально-технического училища, и наконец добрались до виа Фарини, где свернули налево; затем им пришлось пройти еще примерно двести метров, вновь повернуть налево, и вот они перед входом в школу. Перед подъездом уже толпились мальчишки, и то и дело подходили другие.

Школьный ассистент вышел навстречу Амосу и его друзьям и заботливо проводил их в аудиторию. Три товарища впервые сидели за партой в обычной школе, вместе с ребятами, у которых не было никаких проблем со зрением.

Институт Кавацца недавно принял решение закрыть свою собственную школу, чтобы незрячие могли учиться в обычных

городских школах. Это произошло в период так называемых студенческих волнений, после серьезного давления учащихся на администрацию института.

Разумеется, эта инициатива встретила довольно серьезное противостояние, ведь с закрытием внутренней школы для слепых преподаватели рисковали потерять свои рабочие места; но желание сплотившихся в едином порыве незрячих учеников быть частью нормального общества уже со средней школы оказалось сильнее, ведь все понимали, что это откроет им путь к профессиональной деятельности в самых разных областях, которые раньше были для них недоступны. В результате ученики победили, ведь закрытие внутренней школы, а вместе с ней и музыкальной консерватории для слепых позволяло администрации сэкономить приличные деньги, не говоря уже о том, что это сильно упрощало многие организационные вопросы.

В 1971 году, когда Амос приехал в Болонью, битва уже была выиграна. В течение двух лет студенты колледжа посещали обычные городские государственные школы Болоньи, и все уже привыкли, что по улицам расхаживают ребята из Института Кавацца, которым местные жители то и дело предлагали помощь, чтобы перейти улицу, или любезно останавливали свои машины, чтобы слепые могли спокойно перебраться на другую сторону дороги.

Так что Амос с друзьями вовсю бродили по городу, уходя все дальше и дальше с каждым днем. В субботу после обеда они уходили на прогулку и возвращались лишь к ужину. А по воскресеньям они порой отсутствовали целый день, взяв с собой лишь бутерброды, или шли обедать к кому-нибудь из одноклассников.

Это был совсем иной образ жизни, нежели тот, к которому они привыкли в спокойном колледже в Реджо Эмилии, где все было заранее просчитано, предсказуемо, где никогда не случалось ничего выходящего за рамки обыденного. В Болонье же невозможно было спрогнозировать жизнь даже на день вперед. Юные учащиеся Института Кавацца великолепно вписывались в студенческое движение, боровшееся в ту пору за революционные изменения школьного мира.

Амосу частенько приходилось присутствовать на долгих собраниях, которые обычно происходили после ужина, или на студенческих ассамблеях, где он с удовольствием слушал речи, посвященные политике, и узнавал абсолютно новые, доселе неизвестные ему имена и события. Порой, вспоминая своих домашних или друзей, он ощущал, словно живет в совершенно другом мире. Потом он приходил в чувство, встряхивался и изо

всех сил старался влиться в этот новый образ жизни, стать его частью. Это не было для него таким уж трудным предприятием, благодаря его способности адаптироваться к любой ситуации и любопытству, свойственному любому юному существу.

В начале декабря произошли события, навсегда оставившие неизгладимый отпечаток в памяти Амоса; события, которые потрясли его и пошатнули многие из его прежних представлений.

По причине вопиющих противоречий с администрацией Института Кавацца, которая, как обычно, и не думала уступать определенным требованиям учащихся относительно изменений правил внутреннего распорядка, все чаще стали собираться ассамблеи, происходившие теперь даже по утрам, вместо уроков; а спустя три или четыре дня, по окончании длительного общего собрания с участием всех учащихся института и даже их друзей, университетских студентов, к полуночи было принято решение захватить колледж на неопределенное время. Весь персонал силой удалили из здания, сформировали пикеты и перекрыли все входы и выходы. Так Амос, в восторге от происходящего и от руководителей студенческого движения, провел свою первую в жизни бессонную ночь. Его поставили в пикет, который защищал заднюю дверь – ту, что вела изнутри во двор. Стоял чудовищный холод, и все закутались кто во что горазд. Дежурство длилось полтора часа, и Амосу они показались вечностью. Когда его сменили, какой-то студент предложил ему стаканчик граппы. По правде говоря, ему не нравилось пить, но то ли от холода, то ли просто от бравады он залпом выпил и отправился к своим товарищам в аудиторию, где все долго обсуждали возможный исход этих удивительных событий.

В четыре утра его сосед по спальне достал из шкафчика маленький кассетный магнитофон, и все принялись слушать песни Фабрицио Де Андре, барда, который очень нравился Амосу своим необычайно теплым голосом и ярчайшим лексиконом, смелым и остроумным по тем временам.

«Оккупация» продлилась три дня, и это было время полной анархии: кто хотел спать – спал, кто хотел гулять – гулял, в любое время дня и ночи…

Амос выходил, чтобы пополнить запас сигарет: он собирался также купить тосканские сигары и трубочный табак. Ему не слишком нравилось курить, но не хотелось выделяться, поэтому он не вдыхал дым, а просто с наслаждением держал в руке сигарету или сигару – это придавало ему уверенности. Время от времени он покупал и вино; это ему действительно нравилось, и в те дни он даже позволял себе лишнего.

По окончании «оккупации» жизнь вернулась в прежнее русло.

Учащимся не удалось добиться всего того, что они требовали, но достигнутый компромисс все-таки на время успокоил поднявшиеся волнения.

В следующее воскресенье синьора Барди отправилась навестить сына и нашла его несколько изменившимся: он казался каким-то более отстраненным, словно не так уж и рад был видеть ее. Она стала внимательно присматриваться к нему и вдруг обнаружила, что на внутренней и тыльной стороне ладоней Амоса что-то написано. Она взяла его за руку и увидела имена: Карл Маркс, Мао Цзэдун, Хо Ши Мин… Испугавшись, женщина потребовала у мальчика объяснений.

С серьезным видом, свойственным всем подросткам, которые напускают на себя безразличный вид, пытаясь при этом выражать свои мысли таким образом, чтобы выказать собственное превосходство, Амос объяснил, что за первые месяцы пребывания в Болонье он узнал много такого, что раньше тщательно от него скрывалось. «Вы с папой, – сказал он, – а точнее, мы – буржуазия, богатые люди, ну, или достаточно богатые для того, чтобы жить за счет пролетариата, чей труд мы эксплуатируем, чтобы расхаживать в мехах и драгоценностях, разъезжать на лучших автомобилях и позволять себе любую роскошь. Я не считаю это правильным».

Мать Амоса почувствовала себя задетой и отреагировала бурно: «Знай, что лично я встаю по утрам гораздо раньше, чем рабочие твоего отца, тружусь больше, чем они, и обязательств у меня больше, и проблем; и потом, не такие уж мы богатые, как ты думаешь! К тому же мы с папой всегда честно работали, ни одной лиры не украли… Запомни это!»

Амос на мгновение задумался: наверное, мама в чем-то права. Он сам слышал, как она поднималась на рассвете, а возвращалась поздней ночью, тяжело работала, заботилась обо всех и вся вместе со своим мужем. Но где же тогда истина? Кому верить? И он впервые в жизни ощутил растерянность, как человек, который ищет четкие ответы на свои вопросы, чтобы смело предъявить их окружающим, но не находит; который пытается обнаружить истину, а ее не существует; обращается к вере, а она ложна… Лавина мыслей, воспоминаний, эмоций, страстей и беспорядочных концепций захлестнула Амоса, и он почувствовал себя неуверенно. Ему не удалось найти убедительного ответа на свой немой вопрос, и тогда он просто предпочел замять тему, чтобы мамины аргументы окончательно не сбили его с ног.

Они пошли ужинать в маленькую таверну, потом немного прогулялись по центру города, но между ними внезапно повисло

нечто, что странным образом отдаляло их друг от друга, разрушая союз, то единство матери и сына, которое всегда связывало их; что-то теперь шло не так. В душу Амоса закрались нечто похожее на недоверие к собственной семье – и одновременно своеобразная ненависть к товарищам по колледжу, которым он раскрыл свое сердце под влиянием их прогрессивных идей. И теперь он чувствовал себя одиноко и неуверенно, как никогда раньше.

Ох уж эта юношеская пора, годы бездумного счастья и бессознательного покоя, которые необъяснимым образом могут вдруг вызвать ощущение растерянности, одиночества, печали!

В последующие дни, проводя время с товарищами по колледжу, Амос начал чувствовать себя непохожим на других, – или же остальные были непохожими на него? Он перестал ощущать по отношению к ним то приятное, вселяющее уверенность сообщничество, которое раньше придавало ему столько сил и смелости. Теперь ему казалось, что друзья отдалились от него, иногда ему чудилось, что они интригуют у него за спиной, скрывая от него тайны, которые он не достоин знать. И тогда его охватывала сильнейшая всеобъемлющая тоска, мучившая его с утра до самого вечера.

Некоторые ребята даже стали бросать ему оскорбления в лицо: мол, буржуй, папенькин сынок, реакционер, рядящийся в пролетария из чистого оппортунизма…

Однажды вечером в маленькой комнатке, где Амос и двое его товарищей делали уроки, разгорелась жестокая ссора, которая переросла в драку. Когда Амос почувствовал, как чей-то кулак влетел ему прямо в солнечное сплетение, он сначала согнулся пополам, пытаясь продохнуть, а потом головой протаранил стоявшего ближе всех одноклассника, попав тому в лицо. Он упал, Амос повалился сверху, в то время как их третий товарищ молотил Амоса по спине. Тогда Амос вцепился зубами в ухо противника и сжимал их до тех пор, пока не почувствовал во рту тошнотворный вкус крови; только после этого он ослабил хватку. Драка длилась несколько минут; затем кто-то вошел в комнату и бросился разнимать мальчишек.

После этого эпизода между Амосом и его одноклассниками пролегла непреодолимая пропасть, встала настоящая стена, которая усилила его одиночество, сомнения, его ностальгию по тому миру, который никогда не предавал его и от которого он сам попытался дистанцироваться, – далекому миру, такому любящему и преданному, что терпеливо дожидался его в прекрасной Тоскане, полный нежности и любви.

В такие моменты он ощущал насущную необходимость

поделиться с кем-нибудь своими чувствами, но ему не хватало смелости, и вечерами перед сном он шагал взад-вперед по длинным школьным коридорам, куря одну сигарету за другой и считая дни и часы, отделявшие его от конца учебного года.

Между тем его табель не обещал ничего хорошего, в особенности беспокоила математика. Он сильно отставал и не мог отыскать стимулов для того, чтобы догонять остальных.

В любом случае, Амос принял решение покинуть колледж. На следующий учебный год он собирался поступить в школу в своей провинции, чтобы, как и большинство ребят его возраста, жить в родной семье. По телефону он сообщил родителям о своем намерении, которое было встречено весьма благосклонно, ибо ситуация, царившая в колледже, с каждым днем вызывала у них все больше беспокойства.

Впрочем, и выбор Амоса заключал в себе массу неизвестных моментов: сможет ли мальчик справиться с проблемами, которые принесет с собой самая обыкновенная школа, лишенная специальной инфраструктуры – инструкторов, преподавателей, оборудования, способных облегчить жизнь незрячим, которые не в состоянии воспринимать окружающий мир посредством визуальных образов? Этим вопросом прежде всего задавались члены семьи Барди, которые опасались совершить непоправимую ошибку, упустив из виду те проблемы, которые могут встать на пути Амоса. Но упрямец оказался непреклонным в своем решении. Упорный, как обычно, он не сдался бы ни за что на свете.

Ко всему этому стоит добавить, что в те дни в Болонье, как раз в Институте Кавацца, назревала очередная волна студенческих волнений, которая грозила перерасти и впоследствии переросла в длительное пикетирование колледжа.

Амос присутствовал на общей ассамблее, где было принято единогласное решение вновь захватить институт, и, несмотря ни на что, пережил это новое приключение с прежним возбуждением, с прежним энтузиазмом, да еще и с тем жадным любопытством, что присуще всем без исключения подросткам перед лицом новых, рискованных ситуаций, в которых они могут почувствовать себя храбрыми героями, рыцарями без страха и упрека.

В час ночи весь персонал был удален из здания, а у каждой двери поставлен пикет. Амос ходил вверх-вниз по лестницам колледжа, полной грудью вдыхая атмосферу бунта и свободы; в руке он держал «Национальные» без фильтра и коробок спичек и периодически закуривал сигарету, которую не тушил до тех пор, пока она не начинала обжигать ему пальцы.

В течение двух дней он даже не ходил в школу: сейчас его

занимала лишь борьба за окончательное закрытие институтской консерватории и расширение свобод учащихся. Однажды вечером Амоса вместе с пятью другими студентами поставили в центральный пикет – тот, что охранял главный вход. Он уселся за столик портье и принялся болтать со своими товарищами: незадолго до этого на бунтарей пыталась надавить администрация, грозя, что вызовет полицию, если в течение ближайшего времени «оккупация» не будет снята, и кто-то уже видел в окрестностях нескольких полицейских. Поэтому пикетчики волновались больше обычного и строили догадки.

В десять вечера в дверь позвонили, и один из ребят приоткрыл квадратное окошко, через которое ночной портье выглядывал наружу, прежде чем открыть кому-либо. Решительный и жесткий голос произнес:

– Я из полиции. У меня приказ немедленно остановить студенческие волнения.

– И что? – ответил юноша нахально.

– А то, распускайте пикеты, иначе мы прекратим все это силой.

– Я передам, – ответил молодой человек и быстро захлопнул окошко.

Один из пикетчиков вскочил и бросился к лестнице, чтобы предупредить центральный оккупационный комитет, заседавший в зале для игр на втором этаже, в то время как все остальные не двигались со своих мест в ожидании инструкций. Кто-то надеялся, что вскоре пикет распустят, а кто-то – вроде Амоса, – наоборот, рассчитывал остаться в центре событий.

Спустя некоторое время зазвонил внутренний телефон; один из ребят поднял трубку.

– Ладно, – ответил он через мгновение и опустил трубку обратно на рычаг. – Главный велел никому не открывать.

«Прекрасно», – подумал Амос.

– Значит, скоро нам предстоит битва, – сказал он громко, потом уселся на стул портье вместо парня, ответившего на звонок, и стал ждать с задумчивым видом.

В течение двух последующих часов полиция четырежды звонила в дверь и через окошко безапелляционным тоном требовала прекратить «оккупацию».

Около часа ночи в дверь вновь позвонили. Пьеро, один из пикетчиков, который тоже сидел за столиком портье, громогласно осведомился:

– Ну кто там еще?!

– Полиция, – прозвучало в ответ.

– Что надо? – поинтересовался Пьеро.

– У нас приказ войти внутрь. Открывайте, а не то мы вынуждены будем высадить входную дверь!

Наступила тишина. «Ну вот, начинается!» – взволнованно подумал Амос. Он схватил трубку внутреннего телефона левой рукой, а правой одновременно нажал на все кнопки и объявил решительным тоном:

– Спускайтесь все вниз, полиция предъявила нам ультиматум. – И в его юной груди бурно заколотилось сердце революционера, чистое и невинное.

По главной лестнице в холл ринулась большая шумная толпа, и спустя несколько секунд все главные зачинщики студенческих волнений собрались перед входом. Амос поднялся и встал рядом с двумя своими товарищами в первых рядах.

Шум голосов и шагов и грохот бросаемых и с силой пинаемых предметов становились все громче, и в это время первый мощный удар врезался в дверь, заставив всех буквально подскочить на месте. Повисла ледяная тишина, и тут от сильнейшего удара в дверь затрясся весь холл колледжа. Раздались крики и ругательства, а затем последовал третий решительный удар, и входная дверь слетела с петель, впустив в здание полицейских. Те немедленно вступили в схватку с несколькими известными своей политической деятельностью университетскими студентами, которые пришли поддержать товарищей по борьбе и партии.

Воцарилась неразбериха, и Амос тут же потерял ориентацию в пространстве: ему так хотелось драться, кусаться, бороться, показать всю свою смелость. Но только вот каким образом? Ведь он не мог различить нападающих в этой неописуемой куче-мале, да и потом, по правде говоря, что он мог сделать взрослым, которые были раза в два больше него и натренированы для подобных стычек?! Он как раз подумал об этом, когда чей-то удар в живот коленом заставил его задохнуться. Он согнулся пополам, и тут его ударили по спине. Амоса затрясло, от беспомощности и страха на его глазах выступили слезы. Он собрался с силами и попытался пробраться через дерущуюся толпу к лестнице, но это было непросто. Наконец, заглушая все вокруг, громогласно прозвучал мегафон: «Не сопротивляйтесь, идите все в актовый зал, на заседание генеральной ассамблеи!»

После этого шум сразу же начал стихать, до Амоса доносилось лишь бормотание, и все учащиеся довольно быстро стали расходиться, направляясь к месту собрания.

Амос, на дрожащих ногах и с каждой минутой увеличивающейся болью в спине, добрался до лестницы, мотаясь между ринувшимися туда товарищами, и, схватившись за перила, словно утопающий, который держится за брошенную ему веревку,

быстро дошел до своей комнаты и упал на постель. Спустя несколько минут он почувствовал, что его сильно знобит; тогда он поднялся, снял с себя одежду и забрался с головой под одеяло. Он почти сразу уснул, но спокойно отдохнуть ему так и не удалось: боль в спине то и дело заставляла его беспокойно просыпаться, и он крутился с боку на бок, во власти тревожных снов.

Утром, когда звук звонка разбудил его, он решил весь день пролежать в постели, потому что сильная боль не отпускала его. Дежурный ассистент задрал на нем пижаму и обнаружил, что вся спина Амоса покрыта огромными гематомами. Тогда он позвал врача, и тот официально позволил мальчику остаться в постели.

«Такие гематомы причиняют сильную боль, в особенности противопоказано прислоняться к спинке стула», – с улыбкой сказал добрый доктор Дедонатис, которому нравился Амос, ведь им нередко доводилось вести увлекательнейшие разговоры об опере и лирических исполнителях.

Амос сразу успокоился и принялся мысленно строить планы на будущее – как он покинет институт, в новом учебном году поступит в школу в своей родной провинции; и эти благостные мысли помогли ему снова уснуть.

Он проснулся во второй половине дня с диким аппетитом и сильной болью в спине. Стараясь двигаться с крайней осторожностью, он сел, спустил ноги с постели и медленно оделся. Когда Амос спустился вниз, то обнаружил, что жизнь института вернулась в прежнюю колею. Приключение подошло к концу, оставив в его душе неизгладимый след: смутное ощущение тоски и разочарования, а также определенного смирения, которое по прошествии короткого времени стало переходить в надежду на лучшее. Словно выздоравливающий после тяжелой болезни, который с каждым часом чувствует, как в нем прибывают и прибывают силы, в душе Амоса стремительно расцветал оптимизм, трансформирующий надежду в мечты, а мечты – в самую настоящую радость. Радость состояла в том, что он представлял себе, как возвращается домой, чтобы стать полноправным хозяином своей собственной жизни – новой жизни.

Как раз в таком состоянии души и застал Амоса неожиданно приехавший навестить его отец. Он возвращался из деловой поездки в городок под названием Тревильо, где находился тракторный завод, представителем которого в своей провинции он являлся, и в последний момент решил заскочить к сыну, чтобы узнать, как идут дела. Он вызвал Амоса в холл и повел ужинать в отдаленную таверну. Когда они уселись за столик, отец начал рассказывать жадному до новостей Амосу о его брате и друзьях.

Внезапно его тон изменился, и он произнес почти торжественно:

– А знаешь, рабочие устроили забастовку!

– Почему? – взволнованно осведомился Амос.

– Они требовали значительного повышения зарплаты и сокращения рабочего дня; у меня в офисе прошло длительное собрание, во время которого Марио – ты его прекрасно знаешь – обозвал меня эксплуататором.

– А ты не мог повысить им зарплату?

– Ну уж точно не настолько. Ты же понимаешь, что наши доходы с фабрики не назвать роскошными.

– И что было дальше? – спросил Амос с нетерпением.

– Тогда я предложил им всем вступить со мной в долю, так никто не станет чувствовать, что его используют, и будет работать на себя, отдавая максимум усилий работе и имея при этом выгоду.

Отец умолк, поднял свой бокал и отпил из него глоток «Ламбруско».

– А они что? – вскричал Амос, взмахнув руками от жгучего нетерпения узнать продолжение.

– А они взяли два дня на размышление, думали, спорили, ругались, а потом решили ничего не делать!

– Но почему же, пап?

– Наверное, чтобы работать меньше меня, рисковать меньше меня, но зато иметь возможность жаловаться больше, чем я.

Затем синьор Барди перевел разговор на другую тему – вероятно, для того, чтобы сын ненароком не подумал, что он придает этому большое значение. Но рассказ уже прочно осел в памяти Амоса, словно высеченный умелой рукой камень, оказав серьезное влияние на его идеи.

Провожая сына в колледж, отец почувствовал, будто между ними установилось нечто новое, некое глубокое понимание, которое делало обоих счастливыми. В их прощании сквозил дух солидарности, который заставил отца почувствовать себя моложе, а сыну позволил ощутить непривычную зрелость, на мгновение перечеркнувшую то чувство подчинения, что естественным образом связывает детей с родителями.

Но на обратном пути синьора Барди внезапно охватила смутная тревога: он с болью думал о том, как рискует его сын, учась в этом колледже, и одновременно его беспокоили неизбежные проблемы, с которыми им придется столкнуться, когда Амос вернется домой и поступит в обыкновенную городскую школу, где не будет специальной инфраструктуры для незрячих. Над автострадой повис густой туман, и путешествие казалось ему нескончаемым. В Альтопашо он автоматически

вручил контролеру въездной талон, заплатил и вновь погрузился в туман Падулы. В Бьентине видимость стала лучше, а в Понтедере наконец-то туман растаял совсем. До дома оставалось совсем немного, знакомая дорога придала ему бодрости, а когда, приехав, он обнаружил, что жена не спит, дожидаясь новостей о сыне, его охватила радость.

XIV

Стояла поздняя весна. Синьора Барди просыпалась рано, сразу же подходила к окну в своей спальне, открывала его и пристально всматривалась в колосья, с каждым днем постепенно подраставшие в поле по ту сторону дороги. Как-то утром муж застал ее за подобным наблюдением и полюбопытствовал, о чем она думает. Вздрогнув, она отошла от подоконника и с улыбкой ответила:

– Когда зерно созреет, наш мальчик приедет домой, и во время жатвы мы наконец будем уже все вместе.

– Сдается мне, что в этом году ему придется догонять остальных по нескольким предметам.

Выражение лица женщины посуровело.

– Как бы то ни было, никто и пальцем не дотронется до зерна, пока Амос не вернется.

Потом она улыбнулась мужу и принялась собираться.

Синьор Барди дождался, пока супруга спустится в кухню, чтобы позавтракать вместе, а потом они отправились на работу.

Тем временем в Болонье Амос готовил уроки. Этим утром ему, как обычно, приходилось бороться со сном, и он то и дело норовил упасть головой на парту. Накануне вечером ему удалось исчезнуть после ужина; он отправился в бар «У Чиро», выпил пару бокалов вина, купил пачку сигарет и коробку тосканских сигар, потом вернулся и в полном одиночестве слушал музыку на своем новеньком кассетном магнитофоне.

К тому времени одноклассники практически перестали общаться с ним, продолжая считать его папенькиным сынком и буржуем, слишком далеким от их забот пролетариев, увлеченных политикой и погруженных в классовую борьбу, которой они слепо вверяли все свои надежды.

Амос старался подогнать собственные поведение и речь под привычные для его товарищей, но ни курение, ни алкоголь, ни крепкие словечки ничуть не сближали его с коллективом, и ночью, лежа в постели, он осенял себя крестным знамением и просил прощения у Господа за свои грехи, обещая стать лучше уже следующим утром. Ему было всего тринадцать лет, и он чувствовал себя таким одиноким. Но, что самое страшное, в нем не было покоя. Ему не хватало той уверенности, что способна сделать счастливой жизнь любого подростка. Его существование, в ту пору еще такое короткое, было жестоко омрачено многочисленными противоречиями идей и понятий, настолько далеких друг от друга, что найти точку равновесия между ними

просто не представлялось возможным. Поэтому он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке, но для себя объяснял это лишь желанием поскорее очутиться дома, в своей родной среде, в лоне семьи, которая любила его, защищала и возвращала потерянные силы. Там его ждали люди, которые обладали драгоценным богатством: прочными неоспоримыми убеждениями, которые каждый проверил собственными надеждами и теперь черпал в них спокойствие и мужество. Но странной волею судьбы именно Амос должен был подвергнуть их сомнению, размышлять над ними, порой пропуская через горнило своего недоверия даже самое очевидное. Это утомляло и расстраивало его, по сути являясь насилием над импульсивной природой подростка.

С другой стороны, Амос пока не был знаком с трудами Сенеки, не читал его «О счастливой жизни» и, следовательно, не знал, что «люди предпочитают верить другим, нежели выносить собственные суждения». По прошествии многих лет, прочитав этот отрывок, он поймет, что переживания тех дней, его беспокойство и плохое самочувствие стали фундаментом, на котором впоследствии выросло здание его жизни, и лишь это было основой той силы характера, которую он продемонстрировал впоследствии, одолевая тяжелые жизненные испытания.

Тем временем Амос буквально считал дни, отделявшие его от конца учебного года. Результаты его не волновали – он понимал, что ничего хорошего ждать не приходится. Ничего не поделаешь, придется догонять упущенный материал во время летних каникул, но зато вскоре все изменится, и еще как.

И вот наконец настал июнь, учеба закончилась. Амос провалился по математике. Это была его первая школьная неудача, но дома никто не стал делать из этого трагедию. Со свойственной им практичностью родители сразу же позаботились о том, чтобы мальчик дополнительно занимался летом, готовясь к пересдаче экзаменов, дабы в новой школе у него не возникло особых проблем в грядущем учебном году.

Прежде всего, предстояло найти человека, который позанимался бы с Амосом. Как-то утром синьора Барди привела в дом девушку и представила ее сыну, объяснив, что та будет помогать ему в учебе на протяжении всего года и с этого дня им предстоит вместе пройти весь упущенный им курс математики. Манола жила в одной с ними деревне, это была милая, хорошо воспитанная девушка, но с довольно твердым характером; она училась в университете и посещала магистратуру во Флоренции, где ей вскоре предстояло защищать диплом.

Они начали заниматься сразу, не откладывая в долгий ящик,

в кабинете дома Барди. Лето было в разгаре, в окна влетали дуновения жаркого воздуха, сладкий аромат злаков, щебет птиц, далекий шум сельскохозяйственной техники и – время от времени – голоса людей, работающих в поле. Эта нежная атмосфера частенько отвлекала Амоса от главного дела. Время бежало стремительно и приятно, а по окончании двухчасовых занятий он выбегал к своим друзьям, седлал велосипед и долго катался по пыльным деревенским дорогам, возвращаясь домой перепачканным в грязи и потным. «Посмотри, во что ты превратился! – кричала ему бабушка. – Грязный, как насест в курятнике!» Но он даже не слышал ее, полной грудью вдыхая запах мокрой пыли, идущий с площади перед домом, которую его отец только что закончил поливать. Потом бежал прямиком на кухню – там женщины суетились, готовя ужин.

Амос ни секунды не стоял на месте, и бабушки с дедушками всерьез беспокоились за его здоровье. «Ты так вспотел – смотри не подхвати воспаление легких! Да посиди же спокойно хоть минуточку! Посмотри, как хорошо себя ведет твой брат!»

И в самом деле, его братик, которого родственники прозвали Священный Покой, чтобы подчеркнуть вопиющую разницу в характерах, существующую между ним и ураганом-Амосом, сидел себе спокойненько за столом, склонившись над тетрадкой, с карандашом и ластиком в руках. Чтобы зазвать Амоса за стол, приходилось кричать ему по несколько раз кряду. Альберто имел склонность к учебе и делал большие успехи в школе. С этой точки зрения он был настоящей гордостью своей семьи. Альберто был замкнутым мальчиком, тихим, щепетильным до педантизма, но тем не менее ему удавалось отлично ладить с таким непохожим на него старшим братом, импульсивным, горячим, открытым, вечно готовым к спорам и пререканиям. Даже во время ужина Альберто молча сидел над своей тарелкой и ел чрезвычайно медленно, потому что всякая еда была слишком горячей для него: когда все переходили к десерту, он обычно лишь доедал первое. После ужина он частенько засыпал перед телевизором, и отцу приходилось на руках относить его в постель. Что же до Амоса, он вечерами вообще не хотел спать, и уложить его в кровать невозможно было ни уговорами, ни посулами.

В августе семейство Барди в полном составе отправилось на море. В тот год все были приятно взволнованы: синьора Барди купила прекрасную квартирку, и теперь им предстояло впервые провести в ней каникулы. Синьора Барди, не скрывая гордости, поведала вернувшемуся из колледжа сыну, что потратила на эту квартиру целых десять миллионов лир – все сбережения, которые ей удалось скопить за долгие годы тяжелого труда и лишений. Но

она не сомневалась, что это правильная инвестиция, и потому была совершенно довольна.

Амосу нужно было много заниматься, чтобы не завалить пересдачу экзаменов в сентябре, поэтому учительница по математике каждое утро ждала его на пляже. Звали ее Эуджения, она была старой девой и жила вместе с сестрой, у которой было двое детей, одного возраста с Амосом и Альберто, и вдобавок – весьма необычный супруг: благородного происхождения, и при этом умный и симпатичный. По крайней мере, именно так его описали Амосу, который в скором времени получил возможность убедиться в справедливости этих слов. Синьор Делла Роббья вскоре заменил свояченицу и с пылом и рвением стал посвящать свое свободное время тому, чтобы познакомить Амоса с основами евклидовой геометрии. Ему удалось пробудить в мальчике настоящую страсть к занятиям, которые, поскольку происходили на пляже, превращались в своего рода игру. Когда синьор Делла Роббья замечал, что мальчик немного устал, он прерывал занятия и принимался учить его играть в шахматы. В университетские времена он выиграл региональный чемпионат и теперь заразил своей страстью нового ученика, успехи которого росли с каждым днем. Амос с наслаждением чередовал эту увлекательную игру с изучением геометрических фигур, которые учитель чертил для него на чистом пляжном песке.

Амос испытывал по отношению к своему новому наставнику безграничное восхищение и закрывал глаза даже на его самолюбование, свойственное успешным людям, к которым окружающие относятся с симпатией и доверием – впрочем, не слишком глубоко вникая в причины их успеха.

Амос слушал его с раскрытым ртом, а тот с блеском выигрывал в дискуссиях и спорах на любую тему; мальчик старался запомнить как можно больше, ему очень хотелось понравиться учителю, поэтому он вовсю демонстрировал усердие, живость и любознательность. Делла Роббья отличался и недюжинной физической силой: он отлично плавал, с юности занимался восточными боевыми искусствами, – словом, был тем человеком, к которому можно смело применить выражение «в здоровом теле – здоровый дух». Соревновательный дух в его ученике рос на глазах, перечеркивая даже усталость от занятий, которым он отдавался с максимальным рвением, чтобы не разочаровать учителя и не ударить лицом в грязь во время пересдачи.

С каникул Амос вернулся другим человеком: в его лексиконе появились новые слова, латинские выражения, которые он, правда, произносил не всегда к месту, остренькие выраженьица в

адрес присутствующих и отсутствующих близких; а также он обрел непоколебимую самоуверенность, которая, возможно, и делала его не слишком симпатичным, но зато помогала выйти из той прострации, что окутывала его долгое время перед этим. Но главное – он отлично подготовился к экзаменам и сдал их просто блестяще, к радости родных и гордости учителя, который принял предложение семейства Барди приехать к ним ненадолго в деревню вместе с детьми, Джонато и Франческо-Марией, а также женой Джузеппиной, после долгих лет брака обожавшей мужа так, словно он все еще был ее женихом.

Делла Роббья приехали в четверг вечером, быстро разобрали чемоданы в предназначенных им комнатах, освежились и спустились к праздничному ужину в честь успешной сдачи Амосом экзаменов и его окончательного расставания с колледжем. По этому случаю синьор Барди распечатал несколько бутылок лучшего вина, которое гости нахваливали весь вечер, доставляя несказанное удовольствие гордому хозяину дома – ведь он занимался им лично. Детям тоже разрешили выпить пару глотков, и к концу ужина за столом воцарилась благостная атмосфера, где каждый радовался жизни, позабыв обо всех своих тревогах.

На следующее утро дети спали допоздна, и никто из них не завтракал. После обеда синьор Делла Роббья предложил всем сыграть партию в шахматы; на столах были разложены шахматные доски, расставлены фигуры, и вскоре начался настоящий маленький турнир.

На закате дети спросили, можно ли им сходить в поместье на конюшню, посмотреть лошадей Амоса, и им разрешили. Они отправились туда самым причудливым и коротким путем, в обход провинциальной дороги. Остановившись у подножия склона, они увидели наверху пасущуюся Стеллу, привязанную длинной веревкой. Несколькими месяцами ранее эта замечательная кобылка произвела на свет симпатичного вороного жеребенка, которого назвали Молнией. Он пасся рядышком.

Амосу не терпелось поскорее продемонстрировать друзьям свою смелость и ловкость в обхождении с лошадьми. Он решительно приблизился к Стелле, взялся за веревку и пробежался по ней пальцами до самого воткнутого в землю колышка, к которому она была привязана. Затем он с усилием отвязал ее и вернулся к ребятам, ждавшим чуть поодаль. Стелла послушно шла за ним, периодически останавливаясь, чтобы пощипать последние за этот день пучки травы. Жеребенок бежал за ней, радостно подпрыгивая, опьяненный внезапной свободой. Они пошли по дороге, ведущей через все поместье, и постепенно

добрались до домов. Стелла охотно следовала за ними, а жеребенок остался пастись на одном из полей, словно не был уверен, так ли уж обязательно ему нужно идти за мамой или можно остаться в этом раю. Внезапно он решил перебежать дорогу, и тут из-за угла на огромной скорости вылетел автомобиль. Тормозить было бесполезно. На глазах у всех машина сбила Молнию, и его задняя нога оказалась под колесами.

Когда жеребенок с трудом поднялся, все сразу увидели, что нога сломана. А поскольку сломанные кости у лошадей практически не срастаются, судьба бедняжки была предрешена.

Рыдая, Амос вместе с остальными ребятами кинулся звать на помощь. Скоро подошли его родители. Они прежде всего позаботились о том, чтобы отправить детей домой, а потом вызвали грузовик, который должен был отвезти несчастное животное на бойню, где спустя несколько часов выстрел из пистолета прекратил его страдания навсегда.

Вечером за трапезой Амос не мог сдержать слезы, и пока они капали в его тарелку с пастой, он поражался тому, с каким равнодушием отнеслись окружающие к его потере. Его жеребенка больше нет, а никто и думать об этом не желает.

Спустя несколько дней Амос вместе с братом и вызвавшейся в провожатые маминой подругой поехали в Ливорно, в консерваторию Масканьи, чтобы записаться в класс фортепиано. Брат же решил учиться игре на скрипке. Оба должны были пройти конкурсное прослушивание, потому как желающих попасть в консерваторию оказалось шестьсот десять человек, а это было слишком для подобного заведения. После прослушивания Амос оказался первым в списке; Альберто тоже не упал лицом в грязь – он шел девятым, и вскоре с усердием и рвением приступил к учебе, невероятно гордясь своей новенькой скрипкой китайского производства. Что до Амоса, он неожиданно стал проявлять рассеянность и мало интереса; к тому же метод Брайля создавал объективные трудности для него самого и для его учителя, который, будучи уверенным в таланте своего ученика, пытался вытянуть из него блестящие результаты.

В начале учебного года перед Амосом встали две важные задачи: учеба в средней школе в Понтедере и уроки музыки в Ливорно, куда мама провожала их с братом два раза в неделю. Будучи ленивым от природы, парень всякий раз вынужден был учить сольфеджио прямо в машине по дороге в консерваторию, под строгим и изумленным взглядом Альберто, который не одобрял такое преступное отношение к предмету и сам всегда знал все назубок.

XV

В новой школе Амоса царила атмосфера, разительно отличавшаяся от той, что была в колледже в Болонье: никто ни слова не говорил ни о политике, ни о независимости от родителей, ни о наркотиках; здесь все больше беседовали о спорте, каникулах, проблемах, связанных с учебой. Частенько в секретных разговорах обсуждали учителей и придумывали, как избежать опросов или прогулять школу без последствий. Амосу все это казалось младенчески наивным, и ему не сразу удалось вписаться в коллектив, несмотря на искреннюю симпатию, которую с первого дня проявляли к нему одноклассники.

Вот так, в городке под названием Понтедера, известном тем, что там делают скутеры «Пьяджио», Амос стал учиться во втором классе средней школы, впервые не покидая лона семьи, как все нормальные дети. И хотя сперва ему казалось немного забавным уезжать из дома с корзинкой для съестного и мелочью в кармане на горячий шоколад, он быстро привык и не замедлил похоронить все скверные воспоминания о той жизни, что, подвергая его испытаниям, заставила повзрослеть раньше времени, пока он отчаянно искал тепла, истинных ценностей и прочих простых вещей, свойственных его возрасту и воспитанию.

Учителя сразу почувствовали к Амосу расположение и прилагали максимум усилий, чтобы помочь ему побыстрее освоиться. Его соседом по парте был первый ученик в классе, который, благодаря своим рвению и усердию, ставшим притчей во языцех, считал нового друга чуть ли не дополнительным предметом для изучения, понимая, что ему не зря доверили Амоса. Амос, в свою очередь, делал все, чтобы лучше адаптироваться; он видел это своей основной целью, достижение которой обеспечит ему уважение и хорошее отношение преподавателей, что для него было крайне важно.

Так что мальчишки практически все время проводили вместе – и на переменках, и на занятиях физкультурой или музыкой, и на уроках рисования, во время которых Амос лепил что-нибудь из глины или пластилина. Когда им приходилось делать уроки в школе, Пьетро рылся в словарях и для друга, но никогда не давал ему списать свой перевод из опасения быть разоблаченным и наказанным.

Позади них сидели двое резвых и предприимчивых ребят, которым удалось быстро завоевать симпатию и восхищение Амоса. Одного звали Раффаэле, другого – Эуджению. Последний особенно пришелся новичку по душе: он счел его человеком

общительным и без предрассудков, похожим на него самого характером и образом жизни, вечно готовым шутить и не лишенным определенной хитрости, которая нравилась Амосу; к тому же ему не сиделось на месте, и он постоянно тащил друзей на свежий воздух.

За весьма короткий срок Амос настолько привык к школе, что уже чувствовал себя там как дома. Учитель музыки буквально обожал его и старался не отпускать от себя, частенько избавляя мальчика от необходимости посещать другие уроки, чему тот был несказанно рад. Профессор Капони даже написал для него песню, которую Амос исполнил на новогоднем празднике, устроенном директором. Там же Амос поразил всю школьную братию, спев арию Радамеса из «Аиды» Верди под фортепианный аккомпанемент самого профессора Капони, который был чрезвычайно горд своим учеником: выступление Амоса перед директором и всем преподавательским составом оказалось настолько удивительным, что профессор не находил себе места от счастья.

В конце выступления Амоса плотным кольцом окружили сверстники; множество рук пожимали его руку, обнимали за плечи или дергали за пиджак, а Эудженио, стоявший рядышком, тем временем пользовался удобным случаем, чтобы завязать знакомство с самыми хорошенькими девчонками, которые, распихивая всех, подходили поближе.

Спустя несколько дней учебный год закончился, и Амос был переведен в следующий класс с хорошими оценками. Благодаря занятиям с добрым другом Делла Роббья, по математике он тоже добился неплохих результатов.

Начавшиеся вслед за этим каникулы стали одними из тех, что не забываются никогда, но не из-за каких-либо ярких событий, а скорее из-за их полного отсутствия, что для Амоса было весьма необычным опытом.

Отец затеял в доме очередной ремонт и переоборудовал помещение, в котором хранились сельскохозяйственные инструменты, под кабинет для старшего сына. Разделив огромный ангар на несколько частей, он устроил в одном углу котельную центрального отопления, в другом – гладильную, в третьем – чулан, а в четвертом – как раз комнату для Амоса. В ней было большое окно, которое выходило в сад, на беседку, оплетенную прекрасным вьюнком. Уже в августе ветви вьюнка начинали так благоухать, что приманивали птиц, которые частенько садились на подоконник, склевывали какую-нибудь крошку и улетали прочь, радостно щебеча.

Амос обожал свое новое убежище. Там он усаживался за

пианино, наигрывал что-нибудь, а потом принимался вслушиваться в звуки деревни за окном, долетавшие до его ушей нежной мелодией волшебной симфонии. Порой он настолько погружался в магию прекрасных звуков природы, что собственные аккорды начинали раздражать его – они словно разрушали эти чары.

В этой комнате, куда тень от беседки приносила приятную прохладу, Амос проводил много времени. Там он читал книжки, иногда пописывал что-то, играл на пианино, слушал диски и просто ходил взад-вперед со сцепленными за спиной руками, когда мелодия настолько захватывала его, что он терял чувство реальности.

Периодически к нему захаживали друзья. Чаще всего – Эудженио, которому невероятно нравилось тренироваться на полупустых деревенских дорогах, и он тащил за собой Амоса. По правде говоря, тому были не слишком по душе спортивные забавы друга, то и дело доводившие его до крайнего утомления. Амосу были дороги те часы, которые они проводили вдвоем в его кабинете. Эудженио очень любил читать и с удовольствием делал это вслух: рассказы, стихи, краткие биографии знаменитых людей. Кроме того, он с удовольствием обнаружил некоторые запретные книжки – в этих случаях Амос запирал дверь, а Эудженио, читая, понижал голос.

В августе семейство Барди вновь отправилось на море, в свою недавно купленную квартирку, которая приносила всем невероятную радость. Эта квартира, находившаяся на последнем, третьем этаже нового здания, примерно в трехстах метрах от моря, в одном из переулков виа Дель Секко в Лидо Ди Камайоре, была достаточно просторной: у мальчиков была собственная комната с террасой и видом на море; в родительской спальне тоже была терраска, выходившая на юг; еще там были большая столовая, кухонька и ванная. Словом, это была роскошь, о которой еще несколько лет назад Барди и мечтать не могли.

Их бизнес расцвел пышным цветом, благодаря как невиданному экономическому подъему тех лет, так и заслуживающему восхищения духу жертвенности, который объединял супругов Барди, бок о бок работавших без устали от рассвета до заката. Синьор Барди слыл человеком осторожным, прозорливым и компетентным, клиенты и коллеги уважали его, а его жена была женщиной смелой и волевой, одаренной мощной деловой хваткой, необычайной общительностью и даром убеждения. За несколько лет они вместе преобразовали маленькую механическую мастерскую бедного Альчиде в настоящий коммерческий центр, где можно было купить или

починить абсолютно любой сельскохозяйственный инвентарь. Теперь они могли позволить себе проводить в своей новой квартирке на море весь август, наслаждаясь общением с детьми, которые, будучи уже подростками, дарили родителям последние ощущения целостности семьи, перед тем как вылететь из гнезда.

Амос стал снова играть в шахматы со своим учителем и другими ребятами с пляжа, которые тоже подхватили шахматный вирус. В качестве разминки он нырял вместе с сыновьями Делла Роббья и доплывал с ними до буйков; вылезая из воды, он принимал прохладный душ, чтобы смыть с себя морскую соль.

Изо дня в день он чувствовал, как его тело наполняется силой – силой, которая дарила ему уверенность и даже пробуждала в нем нарциссизм, заставляя все чаще мериться силами с другими ребятами и порой глупо рисковать жизнью, словно это могло придать ей больший смысл.

Однажды днем он встретился на пляже с детьми Делла Роббья, которые вместе с остальными мальчишками любовались на море, штормившее уже три дня. Волны докатывались почти до первой линии солнцезащитных зонтиков. Амосу немедленно захотелось прыгнуть в воду и поплавать в волнах. Он подал эту идею ребятам, и, немного поколебавшись, сыновья Делла Роббья приняли его вызов; все остальные отказались. Трое мальчиков стали заходить в море, прыгая в волнах, а потом, когда вода дошла им до груди, с трудом поплыли. Вдруг Амос услышал, как старший из братьев зовет его, крича во все горло, что младшему нужна помощь… Наверное, мальчика понесло течением; он не чувствовал дна под ногами и в отчаянии барахтался. Ему никак не удавалось ни вернуться на берег, ни доплыть до своих друзей. Амос поплыл так быстро, как только мог, а когда добрался до мальчугана, рука младшего Делла Роббья судорожно вцепилась ему в плечо. Амос ушел под воду, но тут же вынырнул. Он устремился в сторону берега, то и дело ища ногами дно, но тщетно. Силы его постепенно таяли, но при этом им практически не удавалось сдвинуться с места. Амоса охватила паника, и он услышал, как кто-то из его друзей кричит: «На помощь!» Тогда он попытался успокоиться, остановился, стараясь только держать голову над водой, а потом окликнул самого старшего из компании, слывшего прекрасным пловцом. Тот сказал ему, что спасатель уже спускает на воду катамаран. Амос ощутил смущение и стыд и в последней отчаянной попытке добраться до берега стал нащупывать ногами дно, и спустя десять секунд все-таки чудом нашел его; тогда он уцепился за песок пальцами ног и поднялся. От радости на глазах у него выступили слезы. Он повернулся, чтобы окликнуть остальных – теперь и они были в

безопасности; возможно, течение вытолкнуло их из водоворота, и они спаслись.

Этот случай заставил Амоса чуть больше уважать море; кроме того, в нем наконец пустила корни определенная осторожность, появившаяся на фоне его взрывного и гордого характера, который вечно толкал его на рискованные поступки, совершая которые он хотел лишний раз проверить свои силы, пусть даже порой приходилось выглядеть при этом самонадеянным нарциссом. Амос не выносил, что окружающие постоянно волновались за него и пытались защитить, как защищают слабых; он не мог смириться с мыслью, что еще столько людей не считают его нормальным и притворяются по отношению к нему заботливыми альтруистами, только чтобы потешить самих себя и заслужить одобрение близких. Он чувствовал в себе силы вести себя точно так же, как и его сверстники, он не хотел поблажек и был готов на все, чтобы завоевать право быть наравне со всеми остальными, без каких-либо исключений. «Осторожно, это слишком опасно для тебя, погоди-ка, я тебе сейчас помогу» – эти слова вселяли в него ужас и буквально высекали слезы у него из глаз. В таких случаях он окончательно терял чувство осторожности, и риск становился его единственным спасением. Тогда он назло всем с головой окунался в то, что ему так рьяно пытались отсоветовать. Именно поэтому его так привлекали лошади, бушующее море, головокружительный спуск с горы на велосипеде, оружие и все то, что являлось своеобразным вызовом слепоте, которая вполне устраивала его до тех пор, пока окружающие не начинали жалеть его.

«Не следует подавать милостыню тому, кто ее не просит, – порой думал Амос в ярости и отчаянии. – Почему бы им не следить за собой, а то они собираются на верховую прогулку вместе со мной, а через десять метров сваливаются с лошади, идут со мной купаться, а потом начинают бояться и возвращаются на берег – под предлогом, что делают это ради меня, а все кругом их поддерживают и сочувствуют мне».

Так говорил Амос своим самым близким друзьям. Потом он замыкался в себе и бессознательно воспитывал в себе невероятную силу воли, которая и позволяла ему смело окунаться во все предприятия, ведь он был убежден, что, делая что-то лучше всех, он добьется, чтобы его считали таким же, как все остальные. Эта жажда знаний, жажда самоусовершенствования со временем укрепила его во мнении, что нет худа без добра; тем временем оптимизм становился одной из главных черт его натуры, и это был осознанный процесс, происходивший день ото дня, по мере преодоления разнообразных препятствий и достижения

очередных целей.

Годы отрочества, которые он проживал с такой интенсивностью, убедили Амоса в том, что жизнь – таинственный путь, полная очарования дорога, вдоль которой встречаешь разные идеи, прикипаешь к ним сердцем, они смешиваются друг с другом и тонут в море жизненного опыта, из которого, в свою очередь, рождаются новые идеи, создающие новый опыт, и так далее. Спустя год человек становится иным, непохожим на того, кем был за год до этого, порой совершенно неузнаваемым, потому что каждый, даже самый незначительный эпизод влиял на него и приводил к изменениям. Следовательно, мы есть не что иное, как совокупность нашего опыта и знаний.

Амос оставил далеко позади период учебы в колледже и с тех пор очень изменился. Ничто из прошлого опыта не прошло для него даром; он словно архивировал собственное прошлое, но лишь после того, как привел его в полный порядок с тщательностью человека, который хочет, чтобы даже самая малость не затерялась и могла стать полезной в будущем.

XVI

В начале октября того года Амос и его одноклассники начали учиться в третьем классе средней школы; по окончании их ждали экзамены, а затем должен был наступить момент большого выбора. Возможно, кто-то из них захочет пойти работать, но большинство разойдется по окрестным школам. Амос тем временем принял серьезное решение оставить консерваторию, клятвенно пообещав родителям, что станет брать частные уроки музыки. Но откровенно говоря, он не в силах был смириться с мыслью, что, как незрячему, ему предстояло стать либо массажистом, либо телефонистом, либо – как подсказывала ему судьба – музыкантом. Ну уж нет! Он займется чем-то другим, докажет, что слепому все под силу, по крайней мере ему – точно.

В свое время Амоса поразила фраза, произнесенная одним одноклассником, изучавшим английский: *Where there is a will there is a way*[1]. Это был куда более точный и элегантный способ выразить, что, мол, когда захочу, так и пень сворочу. Амосу казалось возможным все то, чего он страстно желал, в особенности если окружающие считали это недоступным для него.

Так, однажды он потребовал у отца купить самую быструю лошадь, более резвую, чем авелинцы, на которых он ездил до этого, и тот, посопротивлявшись, решил все-таки купить сыну вороную кобылку среднего роста с белой полоской на лбу. Он уступил, потому что опасался, что Амос может позабыть свою страсть к лошадям, которую дедушка пожелал привить ему перед самой смертью.

Беппе, человека, ухаживавшего за животными на семейной ферме, синьор Сандро умолял быть максимально внимательным и проявлять осторожность. «Никогда не оставляй его наедине с лошадью и первое время держи ее за поводья, когда он будет взбираться в седло; мне не хотелось бы, чтобы она сыграла с ним злую шутку», – сказал он тоном человека, который уже понял, что совершил ошибку, но исправлять ее слишком поздно. Кобылку звали Андрис, и Амос каждый божий день приходил навещать ее; несмотря на то что ее чрезмерная резвость внушала ему некоторые опасения, он, тем не менее, решительно подходил к ней и с помощью Беппе садился на нее верхом. Правда, верхом на Андрис он начинал ощущать собственное бессилие, и у него не получалось навязать лошади требуемые направление движения и скорость; он чувствовал, что кобылка всего лишь терпит его, а порой и крайне недовольна тем, как он всаживает пятки ей в

бока. На попытки своего маленького наездника придать ей скорость она отвечала тем, что угрожающе задирала голову, а иногда даже принималась брыкаться. Амос в таких случаях очень пугался, хватался за гриву и пытался уговорами вернуть мятежной Андрис спокойствие, пока та, остановившись у обочины дороги, щипала травку.

С каждым днем отношения с Андрис становились все важнее для Амоса. Они помогали ему расти, обретать уверенность и спокойствие, учили его бросать вызов самому себе и достигать поставленных целей. Можно сказать, лошадь положительно повлияла и на его характер, и на образ жизни, который он вел.

Кроме того, Амос становился все ближе к природе, и он замечал, что начинает любить свою деревню глубже и сознательней: далекий шум сельскохозяйственных машин в полях, пение птиц и тишина погружали его в состояние, близкое к забытью, и он приходил в себя, охваченный мистическим ощущением покоя. Казалось, все вокруг создано специально для него, для его спокойствия и радости. Он полной грудью вдыхал ароматы растущих повсюду целебных трав, созревших фруктов и овощей, удобрений, молодого, еще не перебродившего вина; все эти запахи и звуки проникали внутрь, питали его, преобразуясь в сладкое чувство опьянения, благости и физической силы. Он испытывал благодарность, сам не зная к кому, за этот удивительный дар жизни.

В школу он тоже ходил с удовольствием; теперь он чувствовал себя абсолютно в своей тарелке рядом с одноклассниками, которые, будучи весьма далекими от политических, а точнее, псевдополитических вопросов, искренне дарили ему свою дружбу и совершенно естественно и спонтанно помогали ему во всем.

Учителя, в свою очередь, гордились тем, что среди учеников есть парень, дающий им возможность обрести дидактический опыт, который потом можно вдоволь обсуждать с коллегами, друзьями и семьей. Помимо преподавателя музыки, который питал к Амосу особую симпатию и поставил ему оценку «десять» в табеле, его полюбила и учительница по литературе, обнаружившая в мальчишке странную склонность к поэзии и довольно редкий интерес к художественной прозе. Синьора Бонини, преподававшая французский, часто рассказывала подружкам про этого ученика, что поначалу он доставил ей немало беспокойства, но потом оказался настоящим сокровищем, с явной способностью к изучению иностранных языков. «У него феноменальный музыкальный слух, – говорила она оживленно, – поэтому он крайне легко усваивает правильное произношение!» С

другой стороны, Амос, хорошо знавший и очень любивший многие оперные произведения на французском языке, такие как «Фауст» или «Вертер», в свободное время баловался тем, что учил наизусть тексты знаменитых арий: *Salut, demeure chaste et pure* или *Pourquoi me reveiller*. Когда в один прекрасный день учительница заговорила об «Андре Шенье», на Амоса волной накатили фантазии и воспоминания, и его охватило поистине юношеское нетерпение поскорее ознакомиться с оригинальным текстом, который французский автор собственной кровью записал на манжетах своей рубашки за несколько часов до смерти.

Вернувшись домой, за обедом он прочитал родителям несколько стихов. В его тоне сквозило чувство удовлетворения: он считал, что лишь ему доступно правильное произношение оригинального текста, потому что весь остальной класс на уроке зевал, в нетерпении ожидая, когда прозвенит звонок. Во власти далеких воспоминаний, ощущений, которые отныне станут сопровождать его повсюду, он вслушивался в эти строки, судорожно повторял их про себя, чтобы не забыть; по окончании урока французского языка он записал их и теперь, за обеденным столом, принялся читать печальным и тихим голосом, будто бы самому себе: *Comme un dernier rayon, comme un dernier sourire animent la fi n d'un beau jour, au pied de l'echafaud j'essaye encore ma lyre: peut-etre est-ce bientot mon tour*.

Амос сделал небольшую паузу, а потом стал переводить. Он уловил восхищение родных, но на самом деле никто не мог разделить его волнение, такое глубокое и личное, – ведь никто не в состоянии был разглядеть те невидимые, но прочные нити, которые связывали эти стихи с нотами Умберто Джордано и великолепным вокалом Франко Корелли, так затронувшими его душу несколькими годами раньше, когда Ориана подарила ему первые пластинки любимого тенора. Амос произносил стихи по-французски, а в голове у него параллельно звучали музыка Джордано, голос Корелли и сама ария: он все глубже погружался в свой собственный мир, и его бурное воображение изо всех сил старалось представить те эпизоды истории, когда люди воевали и убивали друг друга так безжалостно и легко, а человеческая жизнь не стоила и гроша. Его фантазия расцветала, и он терялся в вопросах. Тогда он начинал расспрашивать всех, чтобы узнать побольше, но ему предлагали лишь отрывочную информацию, слишком несвязную и фрагментарную; мальчику казалось, что ему отвечают, думая о чем-то другом, и это разочаровывало его, разрушая его мечты и заставляя возвращаться к реальности. Тогда Амос вновь становился сорванцом, веселым подростком, готовым шутить и смеяться, неутомимым изобретателем хулиганских

проделок. Дома, описывая его резвый нрав, про проделки Амоса говорили: «Он делает одну, а в это время придумывает еще сотню».

Неумолимо приближалась экзаменационная пора. Достижение хороших результатов стало бы для Амоса гарантией поступления в старшие классы. Время беззаботности, которым он еще не успел полностью насладиться, подходило к концу. Тем не менее он смотрел в будущее с большим оптимизмом и уверенностью в себе и своих близких, и каждое утро, вместе с младшим братом, с сумкой через плечо и пишущей машинкой, он пешком направлялся к автобусной остановке, будто солдатик, и чувствовал себя счастливым, гордым и полным надежд.

Он забирался в автобус и почти всегда проходил в глубь салона, чтобы сесть на задние сиденья, поближе к старшим ребятам. Там он тихонечко вслушивался в их разговоры, немного отстраненно, но без какого-либо презрения или несогласия с их мнением, а лишь с ощущением, что их эмоции и внутренний мир слишком далеки от его собственных, от вселенной его интересов, будто бы в нем было нечто, что не позволяло ему почувствовать себя полноценной частью этой реальности. Да и не сказать, что он особо был в этом заинтересован.

Он вылезал в Понтедере, на остановке «Пьяццоне», и быстрым шагом доходил до школьного двора, где уже собирались его товарищи. Случалось, что он затевал с кем-нибудь короткую схватку или спортивные состязания, в особенности когда стояла влажная и холодная зимняя погода и предстояло просидеть за партой целых пять нескончаемых часов.

С последним звонком, которого все ждали как манны небесной, Амос вместе со своим соседом по парте Эудженио первым оказывался у выхода, но там нужно было задержаться и подождать брата, который обычно появлялся одним из последних, потому что медленнее всех складывал свою школьную сумку, приводил в порядок рабочее место, а заодно слишком долго общался с преподавателем, прежде чем уйти.

К сессии Амос был допущен со скромными результатами; он спокойно выдержал экзамены, получив в основном оценки «отлично», в то время как двое его одноклассников, в том числе Эудженио, сдали их на «превосходно». Это был, в общем-то, неплохой результат, который делал его одним из пяти лучших учеников класса. Амос остался доволен, тем более что домашними его оценки были встречены на ура.

И вот настало время принятия серьезных решений, пришел момент придать нужное направление собственной жизни – направление, которое Амосу предстояло охранять и защищать

заботливо и последовательно.

Однажды утром, за несколько дней до окончания экзаменов, отец Амоса вошел к нему в комнату, когда сын еще спал, и, присев на край постели, заговорил с ним о его обязанностях. «Тебе нужно сделать выбор, нельзя терять время, подумай как следует и прими окончательное решение, а потом можешь вдоволь наслаждаться каникулами», – сказал он спокойным тоном, но серьезно и решительно.

Амос понимал, что чисто теоретически он свободен в выборе той школы, которая наиболее будет соответствовать его наклонностям, но он также знал, что окружающие ожидают от него поступления в гимназию, а через пять лет – получения классического аттестата зрелости. В его семье все считали, что именно такой путь – самый правильный для человека умного и склонного больше к гуманитарным наукам, чем к техническим.

Амос задумался. Но он чувствовал, что судьба сама подталкивает его к тому, чтобы последовать этим советам; он счел это своеобразной миссией – не разочаровывать своих близких, ведь они столького ждали от него. Так что он довольно быстро принял решение и сообщил о нем отцу: он поступит в гимназию при классическом лицее в Понтедере, будет изучать греческий и латинский языки, пусть даже придется на время оставить занятия музыкой. Он станет специалистом по литературе, реализовав те планы, которые строили его родители – впрочем, нисколько не навязывая их сыну.

После чего Амос позабыл обо всем на свете и полностью посвятил себя организации своих каникул; это были понастоящему беззаботные каникулы, половина которых прошла в родной деревне, а вторая половина – на море, как было принято у семейства Барди уже на протяжении долгих лет. Квартирка Барди в Лидо Ди Камайоре была словно шкатулочка – маленькая, уютная, удобная и какая-то… своя. Вечерами, после ужина, Амос любил выходить на террасу и полной грудью вдыхать запахи моря и слушать шум волн, когда оно штормило. Чем сильнее был шторм, тем спокойнее и светлее становилось у Амоса на душе. Это происходило будто вопреки тому волнению, что вместе с кровью бежало по венам, выводя его из оцепенения, беспрестанно внося сумятицу в ночные сны и разжигая в нем мечты при свете дня, когда он слушал музыку и шагал взад-вперед по комнате. Он размышлял, грезил и старался хоть как-то придать конкретные черты собственным фантазиям.

В последнее время воображение дарило ему образ бледного и нежного личика с правильными чертами, личика совсем юной девушки, с длинными светлыми волосами и большими глазами,

сияющими радостью жизни.

Они познакомились на пляже; его друзья только о ней и говорили и ходили за ней повсюду, оказывая всяческие знаки внимания и пожирая ее взглядом. Поэтому Амос в немалой степени идеализировал ее, представляя, что она так же прекрасна внутри, как и снаружи, считая ее чуть ли не ангелом небесным. От нее же не исходило ни малейших сигналов в его сторону, ни особого внимания, ни особой вежливости, которые могли бы дать расцвести его надежде; к Амосу она проявляла лишь уважение, вызванное, возможно, его физическим недостатком. Амос все понимал, но старался не думать об этом. У Алессандры был парень, так что не он один питал напрасные иллюзии; впрочем, положение вещей могло измениться в любую минуту, а тем временем Амос беспрестанно думал о ней, сходя с ума от любви.

Это была его первая любовь, и Амос считал необходимым делать что-то ради нее – что-то, что отличалось бы от действий других парней. Растянувшись на постели за плотно закрытой дверью, он пытался сочинять стихи, чтобы потом втайне вручить их своему белокурому ангелу: «О, девочка моя, со светлыми волосами, смеющимися устами, лучистыми глазами…»

Ему удалось зарифмовать таким образом целых двенадцать строк, и теперь он принялся разрабатывать стратегию, как вручить ей эти стихи. Сперва он подумал, что самое лучшее – прочесть их ей лично, но быстро понял, что не сможет этого сделать; и потом, каково ему будет, если она вдруг поднимет его на смех, станет издеваться?! Нет, лучше перенести стихи на бумагу и передать ей записку. Но кому он продиктует их? Кому расскажет правду о той, кому они предназначались?

В конце концов он решил ничего не предпринимать. Он сохранит стихи в своем сердце, как тайну; подумав об этом своем первом любовном секрете, он почувствовал, как кровь приливает к щекам, порывисто вскочил с постели и бросился к магнитофону. «Лучше отвлекусь, послушаю немного музыку», – подумал он и распахнул дверь, ведущую на террасу, чтобы впустить в помещение свежий воздух и свет. Когда закрутились бобины его старенького магнитофона марки «Саба», он, как обычно, принялся мерить шагами комнату, мгновенно ощутив оптимизм и легкость: пусть с Алессандрой ему не на что надеяться, но в целом жизнь улыбается ему; с каждым днем он чувствовал себя здоровее, сильнее и счастливее, ведь его окружали родные и друзья, и он готов был играть любую роль в этом жизненном спектакле – хоть главную, хоть эпизодическую.

XVII

Август пролетел стремительно, а вместе с ним подошли к концу и летние каникулы; надежды Амоса на ответную любовь Алессандры разбились вдребезги. Пламенное желание заключить ее в объятия, поцеловать в губы, построить с ней отношения, основанные на близости и глубине, – все это так и осталось нереализованными мечтами, нашедшими свое отражение лишь в нескольких робких рифмованных строках.

Он попытался отвлечься мыслями о том, что дома его ждет масса новостей: ремонтные рабочие трудились не покладая рук и должны были уже закончить великолепную просторную гостиную прямоугольной формы, с замечательным маленьким камином в центре комнаты, открытым со всех сторон, с железной дровницей, которую установили на старый жернов от пресса для оливок, вмурованный в стену в полуметре от пола, чтобы сделать удобными операции по розжигу огня и приготовлению пищи. Еще отец обещал купить бильярдный стол и поставить его под большим окном в задней стене дома.

Чтобы построить эту гостиную, пришлось пожертвовать последней частью старого ангара, который раньше использовался как склад. Теперь практически весь дом был перестроен под современные нужды семьи. Отцу невероятно нравилось постепенно переделывать его и наблюдать, как их жилье становится все красивее и функциональнее. Ведь в свое время он учился на строителя-проектировщика, и теперь ему было бесконечно приятно реализовать свои идеи в собственном доме – доме, где родился он сам и его дети, доме, к которому он, по понятным причинам, был привязан всей душой.

Когда Амос впервые вошел в новую гостиную, он был очень взволнован. Он приоткрыл дверь так осторожно и медленно, как игрок в покер открывает последнюю карту. Потом зашел легкой походкой, наклонился, чтобы потрогать пол из терракоты, идеально выровненный и отшлифованный, и приблизился к камину, совершенно очарованный оригинальностью конструкции.

Внезапно он подумал об Алессандре; сердце болезненно сжалось, но в следующую секунду фантазия Амоса подсказала ему, что прямо в этой прекрасной гостиной можно организовать грандиозную вечеринку. Алессандра была бы рядом с ним, и все остальные ребята и девочки тоже, разумеется. Это было просто идеальное место для проведения самых разных праздников, да и папа был бы доволен, если бы его шедевр попал в полное распоряжение к сыновьям.

Погруженный в эти мысли, Амос вышел через боковую дверь в сад; там строители заканчивали работу над небольшой аркадой, которую поддерживали квадратные колонны из армированного цемента, чьи фасады – до тех пор, пока цемент как следует не засохнет, – покрывали прелестные деревянные бруски неправильной формы. Он прислонился к одной из колонн и задумался; впервые их большой деревенский дом показался ему настоящей виллой, к которой он невольно почувствовал уважение. Это чувство теперь примешивалось к любви, всегда испытываемой им по отношению к родному дому. Он был так счастлив, что живет здесь, что все неприятные ощущения мгновенно испарились.

На стройку одну за другой подвозили тачки то с известковым раствором, то с коричнево-красной облицовочной плиткой, и эта активность пробуждала в нем энергию и желание действовать, быть полезным и содействовать тому наслаждению, которое отражалось на лицах окружающих – как самих рабочих, так и членов его семьи.

«Как твой голос? Спой нам что-нибудь!» – попросил один из рабочих, бросив тачку и вытянувшись перед Амосом по стойке «смирно». Амос улыбнулся, прошел несколько шагов по садовому газону, добрался до пальмы, которая росла, бросая тень, в самой середине этого зеленого пространства, и, повернувшись к аркаде, запел знаменитую кантату Леонкавалло «Утро». Голос его лился легко и свободно, а на шее вздувались вены: «Одетая в белое заря уж солнцу открывает путь…»

Рабочие прекратили строительство и стали слушать его с умиротворенным видом, довольные тем, что вместе с развлечением у них есть возможность устроить небольшой перерыв. Даже бригадир, всегда работавший не покладая рук, отложил молоток и мастерок.

Когда Амос спел последнюю строчку, каждый счел нужным сказать ему несколько хвалебных слов и поблагодарить его, после чего все вернулись к работе, между делом обсуждая, как низко пала современная музыка; казалось, все были единодушны во мнении, что нет уж тех прекрасных песен, что сопровождали их во времена далекой юности. «Даже на фестивале, – сказал один из них с сильным тосканским, а точнее, вольтерранским выговором, – не услышишь нормальную песню!» Затем, повернувшись к Амосу, добавил: «Почему бы тебе не отправиться туда и не показать этим безголосым клоунам, как нужно петь?!»

Амосу не впервой было слышать такие разговоры, и всякий раз он наслаждался вниманием, уважением и восхищением, что обрушивались на него с такой щедростью.

Он вернулся в дом через кухню и пошел к центральному входу. Когда он открывал стеклянную дверь, ведущую в один из маленьких коридоров, до его слуха внезапно долетели незнакомые голоса, доносившиеся из столовой, расположенной по правую руку. Он с любопытством остановился, и как раз в этот самый момент дверь в столовую распахнулась, и бабушка пригласила его войти, слегка удивившись, что он уже рядом.

Ему представили двух молодых людей, юношу и девушку. «Через две недели у них свадьба, – объяснила бабушка, – и они очень бы хотели, чтобы ты спел для них во время церемонии венчания в церкви».

Амос улыбнулся и промолчал. Тогда заговорил юноша, поглядывая то на Амоса, то на свою невесту, словно ища у них молчаливой поддержки. «Так вот, – начал он, – мы – твои поклонники, у нас даже есть кассета, где ты поешь; нам подарил ее один земляк, который записал твое выступление в нашем театре; и мы так надеялись, что ты сможешь спеть на нашей свадьбе!»

Амос все не отвечал. Хоть его и не слишком порадовало это приглашение, с другой стороны, он все-таки не находил в себе силы отказаться. Молчание нарушила бабушка, которая попыталась развеять сомнения внука и уговорить его согласиться. Тогда Амос вновь улыбнулся и робко ответил: «Ну, хорошо».

В следующее воскресенье, одетый во все нарядное, он отправился в церковь за полчаса до начала мессы и свадебной церемонии. Он приблизился к алтарю и прошел через него, чтобы присоединиться к хору, рядом с которым органист уже поджидал его, чтобы провести коротенькую репетицию. Вскоре начали прибывать гости, в то время как жених с невестой, как это обычно случается, немного задерживались, отчего было задержано и начало святой мессы.

Как и было запланировано, Амос пел во время причастия. Он исполнил отрывок, напоминавший ему о первом причастии младшего братика. Тогда он пел «Приди, брат». По окончании венчания, когда молодожены вместе со свидетелями должны были поставить свои подписи, Амос запел знаменитую «Аве Марию» Шуберта, чем растрогал большинство присутствующих, чувствительных к вечному очарованию музыки и бельканто.

В конце церемонии Амосу пришлось пожать сотни рук, расцеловать множество пожилых дам и поприветствовать молодоженов, которые в знак признательности преподнесли ему подарок. Затем он отправился домой вместе со своими родителями и бабушкой, которая никогда не пропускала воскресных походов в церковь, даже когда ей нездоровилось.

Во второй половине дня из Болоньи приехал приятель Амоса, Франческо Андреоли, вместе с женой. Франческо, который защитил диплом по специальности «античная литература» и теперь преподавал в одном из городских лицеев, познакомился с Амосом в Институте Кавацца. Он искренне привязался к мальчику и с удовольствием принял приглашение Барди приехать к ним в деревню на несколько дней, а заодно объяснить Амосу греческий алфавит и первые основы этого языка, который уже спустя несколько дней ему придется изучать за партой гимназии в Понтедере.

И вот теплыми и светлыми сентябрьскими днями, когда в окрестных виноградниках уже начали собирать урожай и аромат свежевыжатого винограда плыл в дом через открытые окна, Амос пытался настроить свои мозги на греческий, отчаянно борясь с собственным организмом, который вовсю противился этому вынужденно сидячему образу жизни. Воздух, проникавший к нему в кабинет, полный пленительных ароматов и звуков, вместо того чтобы успокаивать, возбуждал его и заставлял страдать. Между тем, будучи в достаточной степени прилежным учеником, Амос, из уважения к другу, уделившему ему время, и учитывая, что родные давно настраивали его на учебу в классической гимназии, сумел сдержать свои чувства и даже проявить определенный интерес к этому древнему языку, о котором он слышал столько хорошего.

В первых числах октября, полный радужных надежд и добрых намерений, вместе с двумя друзьями из средней школы, Амос переступил порог классического лицея, довольный собственным выбором и готовый к новым свершениям.

Но, к сожалению, как справедливо выразился один прославленный итальянский режиссер, «мы часто строим массу планов на будущее, да беда в том, что у будущего на нас совсем другие планы». Вот и у Амоса дела пошли вовсе не так, как они с родителями планировали, а виной тому была молоденькая учительница, по двадцать часов в неделю преподававшая в его классе итальянский язык, латынь, греческий и историю с географией. Синьорина Мистри просто не в силах была выносить присутствие среди учеников такого, как Амос, ведь ему требовались особое внимание, забота и специальная методика, ибо он не мог видеть то, что она писала на доске, и самостоятельно рыться в словарях.

Правда, ей хватило честности с самого начала дать понять это самому заинтересованному лицу, с первого дня почувствовавшему на своей шкуре всю вопиющую унизительность такой дискриминации. К примеру, синьорина Мистри не

гнушалась тем, что поднимала Амоса посреди урока и восклицала: «Хотела бы я сейчас, чтобы ты или твоя мать объяснили, как мне вызывать тебя к доске, чтобы ты написал и перевел эту фразу, как делают все остальные?!» Амос, разумеется, молчал, но краска стыда заливала его лицо; его способность быстро реагировать словесно, его оптимизм и сила духа тут не срабатывали – они были ничто против извращенно ревностного отношения учительницы к своим обязанностям.

Амбициозная и выскомерная, синьорина Мистри превратила преподавание в единственный смысл своей жизни. Образно говоря, она сильно недооценивала значение человеческих качеств, зато крайне преувеличивала собственное эго, доведенное до крайности, почти патологическое.

Синьорина Мистри наводила ужас на все классы, где она преподавала: когда она входила в аудиторию, там наступала мертвая тишина, никто не осмеливался сказать соседу по парте ни слова даже шепотом, не говоря уже о том, чтобы передать какую-нибудь записку; в классе царила такая тяжелая атмосфера, что во время опросов некоторым становилось плохо.

Каждое утро Амос шел в школу с все более печальным выражением лица. Он чувствовал себя подавленным и одиноким; предчувствие, что ему не удастся справиться с ситуацией, мучило его с первых дней. Во время классных работ учительница заставляла его садиться рядом с собой за кафедру, чтобы никто из товарищей не помогал ему рыться в словаре. Она требовала, чтобы он задавал ей конкретные вопросы и при этом произносил иностранные термины только в именительном падеже. Неужели она не понимала, что если человек знает именительный падеж какого-то слова, то ему наверняка известно и его значение?! И что поиск в словаре обычно осуществляется методом проб и ошибок?!

Спустя примерно два месяца психологическое состояние бедного Амоса настолько оставляло желать лучшего, что ему пришлось смириться с мыслью о необходимости сменить школу посреди учебного года, чтобы его не завалили на экзаменах. Он чувствовал себя ужасно, ведь ему предстояло разочаровать своих родных, но в определенный момент он понял, что у него просто нет другого выбора, и сдался, в надежде хотя бы не потерять год. В каком-то смысле это было поражение, но при этом честь и достоинство оставались при нем.

Его родители и родственники немедленно активизировались, чтобы быстро перевести его в магистратуру в том же городе, что было непросто, так как учебный год уже начался, – необходимо было озвучить причины, которые сами по себе унижали и расстраивали Амоса, и без того очень болезненно

воспринимавшего свое первое настоящее поражение. И все-таки ему пришлось в очередной раз склонить голову перед волею судьбы, и он переступил порог новой школы в полной прострации и с абсолютным отсутствием энтузиазма.

Но в общем-то, несмотря ни на что, происходящее в тот момент представляло собой новую главу его жизни и окончательное расставание с крайне болезненным опытом, из которого он сделал вывод: фанатизм и косность ума способны принести большую боль ближнему.

Родители проявили полное понимание, да и одноклассники были на его стороне, демонстрируя свою солидарность молча или открыто. А ведь до тех пор Амос не в полной мере отдавал себе отчет в их симпатии и хорошем отношении к нему. Тем не менее поражение осталось поражением; его никто не в состоянии был перечеркнуть, и в глазах Амоса оно выглядело несмываемым пятном на его репутации. Все его мечты рушились, подобно карточным домикам, а на горизонте уже вырисовывались неуверенные контуры будущего, мрачного и печального, полного разочарований, ограничений, унижений и горечи; по крайней мере, именно так виделось оно Амосу, когда товарищи провожали его, когда он обсуждал новые планы с родителями, когда впервые входил в магистратуру, не ожидая ничего хорошего, совершенно ничего и ни от кого.

Войдя в ворота, ведущие во дворик, разбитый перед старинным зданием, которое администрация выделила для тех, кто собирался стать учителем начальной школы, Амос услышал приглушенный, но веселый звук голосов, шум, треск, а с первого этажа до него донесся приятный детский голос, который пел что-то, напомнив ему о существовании в этой школе уроков музыки.

Мать Амоса позвонила в дверь, и им открыла полная женщина средних лет, низенького роста, с одышкой, но радостно улыбавшаяся во весь рот. Она пригласила их войти и позвала директора. Потом вдруг погладила новичка по голове и пожелала ему удачи. Попрощавшись, милая женщина удалилась.

В нескольких метрах от них, прямо на лестнице, какая-то девочка остановилась и принялась разглядывать Амоса, которого она никогда не видела, но, вероятно, слышала о нем что-то. Заметив директора, она быстро отвернулась и бросилась бежать, легкая и изящная, словно газель.

Вскоре Амоса проводили в аудиторию и представили одноклассникам, которые, как ему показались, были довольны новым пополнением, а также тем, что их ненадолго отвлекли от учебы. Затем все вернулось на круги своя, и учительница по литературе смогла продолжать вести занятие.

Когда прозвенел звонок на последний урок, Амос почувствовал, как краска бросилась ему в лицо: он знал, что для занятий французским ему предстояло перейти в другую аудиторию, а здесь должны были остаться те, кто изучал английский. Но он не представлял, у кого попросить помощи, и тем более не знал, куда ему идти. Он встал, как и все остальные, вышел из-за парты и остановился, притворившись спокойным, хотя внутри у него все бушевало. Некоторые его одноклассники уже вышли из класса, другие собирали что-то со своих парт, а он не знал, что ему делать, куда двигаться, как преодолеть препятствия на своем пути и избежать неловких ситуаций.

Охваченный тревогой, он растерялся в поисках решения, но тут чья-то сильная рука решительно опустилась ему на плечо и спокойный, красивый голос приветливо произнес: «Меня зовут Адриано. Хочешь, вместе пойдем на французский? Я бы хотел с тобой поговорить». Затем та же рука взяла Амоса за предплечье и повела по коридору в другую аудиторию, а там препроводила прямиком до самого стула. За эти короткие мгновения между двумя одноклассниками родилась такая крепкая и чистая связь, что ее без колебаний можно было назвать Настоящей Дружбой.

Знакомство с Адриано, вне всякого сомнения, ознаменовало собой судьбоносный поворот в жизни Амоса. Прежде всего, к нему немедленно вернулись хорошее настроение, вера в самого себя и в ближнего. Во-вторых, новый друг поработал и над его внешним видом, посоветовав отказаться от элегантных костюмов – брюк в стиле принца Уэльского, пальто из верблюжьей шерсти, белых рубашек с накрахмаленными воротничками – и проводив в магазин, где Амосу были куплены джинсы. Адриано также удалось избавить Амоса от некоторых жестов, свойственных только незрячим, что никогда не приходило в голову его родственникам. Переодетый и слегка подкорректированный, Амос стал совершенно другим человеком.

Адриано был очень энергичным парнем, вечно изобретающим разного рода шутки, организовывающим веселые мероприятия, всегда жизнерадостным, искренним и открытым, он был центром вселенной для ребят своего круга, и без его совета никто не осмеливался ничего предпринимать. Кроме того, все его выходки и розыгрыши немедленно становились достоянием общественности, и многие старались ему подражать.

Однажды друзья вдвоем отправились в бар, выпить чашечку кофе. Там к ним присоединился молодой человек, который принялся рассказывать Амосу множество историй про Адриано: эпизоды из его детства, байки о котором ходили по городу, – всегда вызывая хохот у слушателей.

«Однажды утром, – говорил он, – этот несчастный углядел на дорожке возле своего дома коня, запряженного в двуколку, полную разного барахла, которое надо было сгрузить на складе по соседству. И вот, представь себе, Адриано был поражен размерами половых органов бедного животного. Он побежал в дом, схватил рогатку, которую прятал у себя в комнате, засел в засаду, так чтобы его никто не видел, прицелился и… выстрелил коню прямо туда! Можешь себе представить, что случилось дальше. Конь взвился на дыбы, перевернув вверх тормашками двуколку. Ты бы слышал, как ругались мужики, которые не поняли, с какой стати бедная животина вдруг взбесилась! А он, – парень демонстративным жестом ткнул в сторону Адриано, с улыбкой молчаливо подтверждавшего рассказ, – побежал обратно в дом, сказал маме, чтобы она ни в коем случае не открывала никому дверь, особенно если будут спрашивать мальчика в полосатой маечке, и залез под кровать».

Раздался громкий смех: тем временем к ним присоединились и другие ребята, которые с удовольствием слушали эти рассказы.

«В другой раз, через много лет, когда он был уже большой, – продолжал рассказчик, счастливый оттого, что оказался в центре внимания, – вместе со своим близким другом Джузеппе он встретил товарища Джузеппе по футбольной команде, и, естественно, эти двое разговорились о футболе. А как ты знаешь, Адриано не особый любитель футбола: он у нас великий волейболист. В общем, он терпел-терпел их беседу и вдруг увидел поблизости продуктовый магазин. Тихонечко отошел, зашел в магазин, купил там кое-то, преспокойненько вышел и… подойдя сзади к другу Джузеппе, как ни в чем не бывало разбил о его голову яйцо!»

Все покатились со смеху. Амос аж сложился пополам, из глаз у него текли слезы.

Посидев в баре, друзья вышли на улицу, чтобы пойти к Адриано учить уроки на завтра, но Амос был уверен, что им не удастся как следует позаниматься. Характер Адриано, его жизнерадостная и жизнелюбивая натура, его склонность проводить как можно больше времени вне дома не делали из него образцового ученика; его уже оставляли на второй год в лицее, и теперь он рисковал наступить на те же грабли. Амос прекрасно понимал, что о человеке не судят по тому, как он корпит над книгами, тем более о таком человеке, как его друг: может, тот и не знал, что говорил Квинтилиан по поводу воспитания детей, но зато великолепно понимал близких людей и умел вызвать самые лучшие чувства в окружающих, отношение к которым превращало его в настоящего юного учителя жизни. Преподавателям Адриано

не нравился, но, говоря честно, они были единственными людьми, устоявшими перед его неотразимым обаянием. Учителей раздражала его немного поверхностная и нагловатая манера поднимать на смех всех и вся, в том числе и себя самого; их сердило, что он ни к чему не относится серьезно, и они забывали о том, что серьезные вещи перестают казаться такими уж скучными и занудными, если говорить о них в шутку.

С другой стороны, жизнь Адриано заслуживает того, чтобы рассказать о ней отдельно, ведь она действительно богата удивительными эпизодами, которые объединяет то, что все они противоречивы, абсурдны, полны иронии и того, что, возможно, время от времени случается с каждым, но не настолько гипертрофированно.

Я ограничусь предположением, что уже тогда можно было предвидеть, что, куда бы ни позвала Адриано судьба, никакой коллектив, никакая профессиональная деятельность, никакая попытка коррупции не смогли бы пошатнуть то достоинство и ту поразительную чистоту, которые уже тогда делали его хорошим человеком.

Амос, в свою очередь, никогда не забывал, как большая, надежная и мягкая рука Адриано легко опустилась на его плечо, как тот вызвался помочь ему без всякой корысти и как им обоим нравилось при встрече крепко пожимать друг другу руки.

Помимо всего прочего, Адриано очень нравился девочкам: у него были отличная фигура, красивое лицо с правильными чертами и спокойным, добрым выражением, и это бесспорно вызывало у прекрасного пола самые теплые чувства: от простого физического влечения до материнской нежности.

Но Адриано был застенчив по натуре, своими нахальными выходками он лишь маскировал собственную неуверенность, поэтому он никогда не пользовался ситуацией, частенько довольствуясь платонической любовью, полной романтики и идеализма, но – увы – лишенной всего остального.

Самым значительным романом такого рода стала любовь Адриано к однокласснице, которая сидела за первой партой. Она поразила сердце Адриано с самых первых дней учебы, и он влюбился по уши. Она же все никак не откликалась – в основном потому, что он так и не решился открыто признаться ей в своих чувствах, кроме того, ее тянуло к ребятам постарше. Адриано очень переживал из-за этой неразделенной любви и, поверяя другу свои тайны, говорил о девушке, выставляя ее в самом лучшем свете, пока все не кончилось тем, что он заразил своей любовью Амоса и тот тоже потерял голову. Конечно, Амос сразу же признался во всем другу, и оба, в атмосфере абсолютной

лояльности, начали настойчиво, но невинно ухаживать за предметом своей страсти. Она не имела ничего против подобного расклада, более того, ей льстило такое внимание, но у нее был молодой человек двадцати двух лет, который частенько приезжал за ней в школу на машине и провожал домой. Так что надежд на взаимность и у Амоса, и у Адриано было не так уж много, между тем им нравилось питать эти надежды и строить воздушные замки.

Девочку с первой парты звали Барбара. Она была невысокого роста, очень хорошенькая, с хорошей фигуркой, с темными волосами, стриженными каскадом. Но самым привлекательным в ней было ее личико, выразительное и сияющее; она всегда улыбалась, у нее были огромные глазищи с пронзительным взглядом, французский носик и ямочки на щеках, которые становились тем глубже, чем шире она улыбалась. Именно так Адриано описывал ее Амосу, и такой он ее себе и представлял; оба любили ее чистой и целомудренной любовью и даже в мыслях не позволяли себе опускаться до пошлости или вульгарности.

Однажды, когда Амос был в гостях у Адриано, тот преподнес ему неожиданный сюрприз. В конце очередной дискуссии, темой которой были, естественно, Барбара и ее достоинства, Адриано внезапно встал, быстрым шагом покинул гостиную и вернулся через некоторое время с гитарой в руках. Не сказать, что он умел играть – так, бренчал. Он уселся и попросил внимания Амоса, а тот, полон скепсиса, неохотно стал слушать.

Адриано извлек из кармашка своей рубашки маленький плектр, тронул струны, настраиваясь на ля минор – это был один из немногих известных ему аккордов, – и запел песню, которую Амос никогда раньше не слышал. Она показалась ему очень нежной и наполненной искренними чувствами. Адриано допел ее, слегка волнуясь, а потом признался, что сам написал ее для Барбары. Амос был растроган, но отнесся к словам друга с недоверием, попросив его спеть ее снова. Ему захотелось записать слова, чтобы отнести домой и потом напевать, прокручивая вновь и вновь в своей голове, словно автором был он сам: «Вспоминаю я ту ночь на пляже, освещенном твоим взглядом в бесконечность…»

Была ли это только мечта или Адриано действительно провел с ней ночь на пляже? Картина казалась ему поистине чарующей и романтичной, и потом, все это было правдой! Взгляд Барбары и в самом деле способен был светить во тьме. Кроме того, Амоса до глубины души тронула метафора, которая следовала за этими словами: «Словно потерявшаяся чайка, что ищет синеву морей, ищу я любовь в глазах твоих…» Амос чувствовал, что эти простые слова шли от безумно влюбленного и раненого сердца, такого же,

как его, и слова эти были настолько его собственными, что от них по коже бежали мурашки.

«Молодец», – подумал он тогда о своем друге, хотя его немало поразило то, что в таком абсолютно лишенном самой элементарной музыкальной подготовки человеке, как Адриано, может скрываться столь тонкий артистический талант. Он испытывал чувство восхищения перед другом – чувство, которому не грозило перерасти в зависть. Ведь с самых первых мгновений Амос идеализировал их дружбу и стал бы защищать ее любой ценой, без малейших колебаний и предубеждений, с почти фанатическим рвением – рвением, которым так часто переполнены юные сердца.

XVIII

Несмотря на серьезные перемены в Амосе, в его манере одеваться и поведении, отношения с прекрасным полом оставались для него нерешенной проблемой. Хоть судьба и наградила его вполне приятной внешностью – мальчик вырос в высокого и стройного юношу, с иссиня-черными волосами, правильными, мужественными чертами лица и хорошей фигурой с широкими плечами, узкими бедрами и длинными мускулистыми ногами, – ему никак не удавалось пробудить интерес в девушках, в особенности в тех, кто ему нравился. Пытаясь анализировать ситуацию, он приходил к выводу, что причина, вероятно, кроется в его поведении: он отдавал себе отчет в собственной застенчивости и в неуклюжести своих порой отчаянных попыток понравиться; довершал дело его физический недостаток. Он понимал, что ему необходимо смириться с этой печальной реальностью, и потому сосредоточил свои интересы на множестве других вещей, которые, как он надеялся, со временем смогут сделать его более привлекательным для противоположного пола, а также более уверенным в себе – словом, настоящим мужчиной. А пока он никак не мог объяснить самому себе успех некоторых своих ровесников, казавшихся ему совершенно пустыми, неприятными, лишенными и доли человечности и абсолютно неспособными следовать за идеалом. Он сталкивался с ними на главной улице Понтедеры или где-нибудь еще – те шли под руку с ослепительными девушками; при этом Амосу они казались смешными и фальшивыми, и он понять не мог, что в них могло разбудить чувства в нежных девичьих сердцах. «Да, все-таки жизнь – странный фарс», – думал он в такие минуты, а сам пытался постичь те таинственные правила, посредством которых каждый из персонажей передвигается по сцене, исполняя собственную роль; и чем больше он силился понять, тем меньше ему это удавалось – он блуждал в лабиринте своих мыслей, догадок и надежд.

В этом смысле наш герой, вне всякого сомнения, страдал; страдал, но не отчаивался, ведь некое странное предчувствие подсказывало ему, что необходимо быть стойким, терпеливо ждать и сохранять оптимизм. И он довольствовался тем, что имел: любовью друзей и родных, своими занятиями, успехами, которых он достигал… «В общем-то, – говорил он себе, – мне нечего жаловаться. Множеству людей живется гораздо хуже». Амос заставлял себя не думать о том, чего ему не хватает, минимизировать любую проблему, любую сложность, любое

противоречие.

Мысли о том, что Барбара дарила внимание другим, конечно, делали ему больно, но он умел взять себя в руки. В конце концов, та же горькая доля не обошла и Адриано, а, как говорится в пословице, «на миру и смерть красна». И потом, у него ведь были его надежды, его мечты, в которых он мог сколько угодно наслаждаться своей платонической любовью.

Каждое утро он просыпался с радостным ощущением, что вскоре увидит Барбару, сможет поговорить с ней; всякий вежливый жест с ее стороны, любое внимание, любая случайно брошенная фраза пробуждали в его душе новые мечты, новые надежды, которые он пестовал день ото дня. Все это происходило на фоне его любимой музыки, помогавшей Амосу уходить в себя и оставаться наедине с собственными мыслями.

Однажды, когда он в одиночестве проводил время в своем кабинете, слушая запись «Сельской чести» и одновременно читая стихи Гоццано, он внезапно почувствовал животрепещущую необходимость самому сложить стихотворение для Барбары, как уже однажды случилось с ним, когда он испытывал определенные чувства к Алессандре. Но на этот раз он решил никому не читать их, ему просто хотелось оставить их себе, написав для собственного удовольствия. Он захлопнул книжку, выключил магнитофон, сел за пишущую машинку и быстро напечатал:

… Оставить все и далеко убежать,
Далеко от взглядов людских,
От этой жизни, сотканной из ничего,
Убежать, держа тебя за руку.
А после обнаружить, словно по волшебству,
Что мы в плену своих желаний,
Побежденные одним и тем же чувством,
Потерянные в нежном безумстве:
Любить тебя, осыпая поцелуями,
Сперва невинными, затем запретными,
Искать под одеждами тепло твоей кожи,
Бесстыдными ласками ее покрывая.
Но мечта эта длится лишь миг,
И я по-прежнему один, глупый мечтатель,
Верящий в сказку любви,
Что дарит иллюзии, околдовывает и исчезает…
Откуда-то летит печальный колокольный звон,
Чтобы поведать мне о наступленьи ночи.
Я одинок, ты далеко, как этот колокол,
И душа моя рвется на части.

Что это? Страх или печаль?
Что сердце мне сжимает?
Что это за тревога и борьба,
Бушующие при мысли о тебе?
Все во мне горит огнем,
Мне так не хватает твоих поцелуев и улыбок,
И мысли о тебе все мучают меня.
Боюсь спросить: ты думаешь ли обо мне?
Или другой твое волнует сердце?
И на закате дня приходит он к тебе?
Но все равно моя любовь сильнее…

Напечатав последнюю строчку, Амос заметил, что забыл про название. Он задумался: эти стихи были написаны в плену мечты, он вложил в них и свои надежды, и тайные желания, и это показалось ему неплохим началом. Название он счел делом второстепенным. Но потом вернул каретку пишущей машинки в самый верх листа, где оставил достаточно свободного места, и написал первое же название, которое пришло ему в голову: «Мечта». Затем он попробовал прочитать свое стихотворение вслух, чтобы проверить, хорошо ли оно звучит; разумеется, по сравнению с лирикой Гоццано это было ничто, но все же Амос остался доволен и даже охотно простил себе некоторую стилистическую неуклюжесть. Он сложил листок со стихотворением и спрятал его среди страниц энциклопедии, а потом поднялся и отправился подышать свежим воздухом.

Близилось время заката, весеннего заката, когда стоит мягкая погода и легкий бриз приносит с моря нежные ароматы природы, пробуждающейся от зимнего сна и стремительно расцветающей. Амос дышал полной грудью, и странное ощущение охватывало его: словно новые силы проникали через ноздри и распространялись по всему телу – силы, которые заставляли его что-то предпринимать, энергично размышлять, передавать свои мысли окружающим… Его душа нуждалась в друге, которому он мог бы помогать, во враге, которого он мог бы победить, в идее, в которую он мог бы поверить, и в другой, которую мог бы отвергнуть; его душа нуждалась в действии – ему хотелось совершить что-то, чем он мог бы впоследствии гордиться, чтобы с наслаждением произнести: «Это дело моих рук».

Он пустился бежать со всех ног и вскоре оказался перед домом своих друзей детства. Серджио, один из двух двоюродных братцев, с которыми он провел все свои детские годы, возился во дворе с мопедом. Ребята быстро сговорились, затем Серджио

помыл руки, и они уехали, оседлав маленький мопед, вовсе не предназначенный для того, чтобы возить двоих, – уехали, как говорится, куда глаза глядят, на поиски приключений. И даже если то, что потом случилось с Амосом, не назовешь удачей – это, вне всякого сомнения, было незабываемым событием.

Когда они приехали на центральную площадь, Серджио остановился и запарковал мопед. Затем молодые люди пешком отправились в небольшой молодежный клуб, располагавшийся в помещении, которое состояло всего лишь из двух комнат и малюсенькой ванной.

В первой комнате был простой бар: стойка, доставшаяся от одного из деревенских кафе, столики со стульями, игральный автомат, телевизор, холодильник с мороженым – и все. Во второй комнате стояли только диваны с креслами и музыкальный проигрыватель. Помещения были смежными – их соединял проход в виде арки. Единственным межкомнатным барьером служила штора, кое-как прикрепленная под потолком. Тот, кто хотел пройти, должен был просто отодвинуть занавеску – стучать было некуда. Поэтому входящий частенько нескромно нарушал уединение влюбленных парочек, доверившихся полумраку комнаты под звуки стереопроигрывателя.

Амос стремительно преодолел ведущую в клуб лестницу, каждую ступеньку которой он знал так, словно она находилась у него дома, вошел внутрь и тут же обнаружил, что там что-то готовится. Навстречу ему вышел юноша, объяснивший, что идет запись на участие в шахматном турнире. Кругом было много народу и царила оживленная атмосфера.

Серджио, который никогда особо не интересовался игрой в шахматы, оставил Амоса в клубе, а сам отправился развлекаться. Он обещал забрать друга на обратном пути и отвезти его домой к ужину. Амос записался в участники турнира и устроился за одним из столов, где уже сидели другие ребята, игравшие в качестве разминки.

К нему подошла какая-то девушка, прикоснулась к его руке и представилась: «Антонелла». Он хотел, чтобы она села рядом, но все стулья оказались заняты, и девушка осталась стоять возле стола. Тогда Амос встал, чтобы уступить ей место, но она самым что ни на есть непринужденным жестом усадила его обратно, а сама забралась к нему на колени.

Общая атмосфера турнира и разговоры о шахматах неожиданно заставили Амоса почувствовать себя совершенно естественно и расслабленно, что раньше ему никак не удавалось. Он говорил и говорил о стратегии и тактике игры, о шахматной философии, а девушка делала вид, что все эти абстрактные

разговоры ей интересны; между тем он ощущал на себе ее взгляд и понимал, что она ведет себя странно. Для него это было внове, и скоро это ощущение стало отвлекать его от рассуждений, пробуждая в нем настоящий ураган эмоций. Внезапно Антонелла слезла с его колен и прошла в соседнюю комнату, где принялась включать проигрыватель, установив на него целую колонну из пластинок, которые автоматически опускались одна за другой, обеспечивая непрерывное звучание музыки. Затем села на диван и стала слушать.

Антонелла училась в лицее и была девушкой веселой и умной. Она никогда не скрывала своего деревенского происхождения и не пыталась говорить не свойственным ей языком или вести себя иначе, чем принято в том мире, где она выросла. Ее нельзя было назвать красавицей: она была маленького роста и полновата, грудь у нее была слишком большая для ее фигуры, но зато лицо излучало удивительное обаяние, устоять перед которым было просто невозможно. Она со всей страстью отдавалась учебе, и ее школьные оценки всегда были высокими. Но в то же время она умела отдыхать и развлекаться, была искренней и прямолинейной, без каких-либо предрассудков. Ей нравилось общество мальчишек, и те бегали за ней, привлеченные ее женственностью и чувственностью; многие в деревне приударяли за ней, и небезуспешно; но, несмотря на это, над ней никто не смеялся, напротив, ее уважали, как уважают тех, кто знает свое место.

Спустя пять или десять минут Антонелла вернулась к столу, встала перед Амосом и, глядя прямо ему в лицо, пригласила пойти послушать музыку вместе. Амос на мгновение заколебался, но тут она взяла его за руку и заставила подняться.

Когда штора за ними опустилась, они уселись на диван, и Амос, заметно нервничая, попытался заговорить о чем-то. Антонелла терпеливо слушала. Внезапно она встала, приблизилась к нему и, почти касаясь своим лицом его лица, произнесла: «Мне нравится тебя слушать, но гораздо больше нравится смотреть на тебя, когда ты молчишь». И тут она поцеловала его. Это был такой глубокий и долгий поцелуй, что Амосу показалось, будто он никогда не кончится.

Время шло, и ребята постепенно покидали клуб, потому что приближалось время ужина. В восемь часов вечера комнаты опустели.

Когда Амос очнулся – ему казалось, будто он спал и ему снился сон, – и спросил у Антонеллы, который час, девушка взглянула на часы и ответила: «Уже девять. А ты что, проголодался?»

Амос не был голоден, но он волновался за родителей, ведь они наверняка сбились с ног, ища его повсюду. Впрочем, учитывая, какие удивительные события с ним происходили, он чувствовал себя сильным и смелым, готовым решить любые проблемы.

Он попытался подвести итоги сложившейся ситуации: пусть они с Антонеллой и не пошли до конца, того, что случилось, было вполне достаточно, чтобы он почувствовал себя другим, почувствовал себя настоящим мужчиной.

Он отодвинул штору, незадолго до этого закрывшуюся за их спинами и впустившую Амоса в новый мир, в рай чувственности, о котором он прежде лишь слышал от других людей. Быстрым шагом он подошел к барной стойке, отодвинул ее, взял бутылку и два стакана, открыл кассу, положил туда деньги и сел за столик вместе со своей подругой.

Любовь ли это? Амос призадумался. Как бы то ни было, он понимал, что его нынешние чувства очень далеки от того, что он испытывал к Барбаре. Сейчас это было нечто менее идеальное, более конкретное.

Витая в собственных мыслях, он на секунду вернулся на землю и стал думать, как бы ему разыскать Серджио. Тем временем Серджио, которого проинформировали о происходящем, поступил мудро: он позвонил родителям Амоса и предупредил их, что тот остается в деревне на шахматный турнир и там его угостят ужином.

Правда, Амосу не удалось поужинать вообще, но у него и так не было ни аппетита, ни времени. Ребята гурьбой возвращались в клуб, и вскоре турнир начался. Первый соперник не представлял для Амоса никакой опасности; это был высокий и крупный молодой человек, который только что плотно отужинал и спал на ходу, ему едва удавались самые элементарные ходы, и спустя полчаса он признал свое поражение. Следующая партия тура тоже закончилась стремительно. Амосу предстояла третья игра. На этот раз его противником оказался один из самых сильных шахматистов: это был студент-медик, уже почти дипломированный доктор, который все свободное время посвящал игре в шахматы. Амос уже неоднократно играл против него, и перевес был явно не в его пользу. Кроме того, сейчас он был рассеян и не находил особой мотивации к победе; его то и дело одолевали мысли о том, что произошло в течение дня, моральное и физическое удовлетворение отвлекало его, унося далеко от событий, разворачивающихся в комнате. Он умело провел шах, но через десяток ходов совершил банальную ошибку, потерял важную фигуру, и партия закончилась. Правда, когда

Амос понял, что выиграть ему не удастся, он встал и по-спортивному протянул руку противнику. Попрощавшись, он окликнул Серджио, и они вместе отправились домой.

В других обстоятельствах он был бы расстроен и унижен проигрышем, а сейчас и думать о нем забыл. Ему не терпелось встретиться с Адриано, чтобы рассказать о том, что произошло, и обсудить с ним свой новый опыт, приобретением которого он невероятно гордился. Ему казалось, будто он обошел всех, сделал значительный шаг в сторону так называемой нормальности, нормальности, которую, по мнению Амоса, окружающие все больше подвергали сомнению.

Он вернулся домой перевозбужденный и очень усталый. Родители уже легли спать; он взлетел по лестнице и, входя в свою комнату, услышал укоризненный голос отца: «По-твоему, это подходящее время для возвращения домой?! Представляешь, каково тебе будет вставать завтра утром?»

Амос ничего не ответил. Он быстро разделся, нырнул под одеяло, натянув его до самого носа, и погрузился в глубокий и спокойный сон. Спал он так крепко, что ему даже ничего не снилось.

XIX

Старенькая домработница, обожавшая Амоса и окружавшая его всевозможными заботами, вот уже несколько дней готовила своему любимчику самый питательный и калорийный завтрак на основе молока и яиц. Она утверждала, что весна подвергает молодые организмы тяжелым испытаниям и что хорошая учеба невозможна без омлета или яичницы. Амос стремительно поглощал все приготовленное и вместе с братом, чей желудок плохо переносил столь тяжелую пищу, бежал к остановке автобуса, который, к счастью, всегда немного запаздывал. Спустя какой-нибудь час он уже сидел на своем месте за первой партой, куда учителя посадили его, чтобы пробудить в нем интерес к некоторым предметам, которые не особо его увлекали. Амос решительно предпочитал склонение существительных и прилагательных и спряжение и парадигмы глаголов в латыни, а также историю урокам геометрии или алгебры. Несмотря на то что его учеба в классическом лицее позорным образом провалилась, он все-таки явно проявлял большую склонность к гуманитарным наукам, нежели к точным. Перевод с латинского басен Федра, сочинения, «Энеида» или «Одиссея» интересовали его гораздо сильнее, чем доказательство теорем Пифагора или Евклида.

Кроме того, месяцы, проведенные в гимназии, оказались весьма полезными для того, чтобы в дальнейшем блистать в магистратуре на уроках литературы. Но по алгебре и геометрии он плелся в хвосте у своих новых одноклассников, да так, что, получив в конце года табель с прекрасными оценками по многим предметам, он испытал невыносимый стыд, увидев, что провалил экзамен по математике. Таким образом, ему предстояло провести лето под знаменем примеров и задач, как тремя годами раньше. Это огорчило его и разочаровало, но он решил не делать из этого трагедию, чего не скажешь о его семье.

Синьор Делла Роббья снова вызвался помочь Амосу, как обычно перемежая уроки игрой в шахматы, а тетушка Тилла, старая тетя отца, которая раньше преподавала в старших классах, а несколько лет назад вышла на пенсию, предложила помощь по другим предметам. Так и поступили. Амос много занимался и волновался не меньше, чем в прошлый раз, но тем не менее выдержал пересдачу с легкостью и больше никогда не отставал в математике, в дальнейшем хорошо сдав выпускные экзамены. Все это стало возможным еще и благодаря усилиям двоюродной сестры отца, которая со следующего года приняла его в лоно

своей семьи и заботилась о нем, словно о родном сыне; ее супруг, учитель физики и математики, проникнувшись к Амосу симпатией, делал все, чтобы подтянуть его по точным наукам; а свояченица, уже знакомая читателю тетушка Ванда, которая, будучи одинокой, жила в этом же доме и тоже была учительницей – только по литературе, – терпеливо занималась с ним латынью.

В начале октября, когда начался второй учебный год магистратуры, Амос чувствовал себя абсолютно вписавшимся в коллектив, спокойным, уверенным в себе и веселым. Он почти забыл о печальном прошлом в колледже. День за днем он – возможно, бессознательно – пытался наверстать потерянное время и жить так, как подобает юноше его лет, что раньше ему не очень-то удавалось.

Одноклассники Амоса, все до единого, любили его. А поскольку он вдобавок ко всему еще и был мальчиком из хорошей семьи, против его общества ничуть не возражали и родители однокашников, поэтому он часто получал приглашения то на обед, то на полдник, то на празднование дня рождения…

Невзирая на некоторые подростковые проблемы, по сути характерные для всех, это был период абсолютной беззаботности, в котором любовь к Барбаре была его крестом, а дружба с Адриано – его отрадой. Вместе оба этих аспекта стали основополагающими в развитии Амоса. В них заключались два разных смысла его жизни, два разных повода к размышлениям, приводившие к двум противоположным результатам: Барбара, возможно, ценила его, признавая его хорошие качества; она продемонстрировала это, когда первая из класса проголосовала за то, чтобы сделать его старостой; значит, она уважала его – но не любила. Амос же предпочел бы ее уважению любовь. А вот Адриано был рядом ровно в той мере, насколько это необходимо для друга. Он сопереживал всему, что происходило с Амосом, всем его самым интимным мыслям, волнениям и тревогам. Ему можно было доверить все, будучи уверенным, что он поймет и поддержит; так что, в плане человеческих отношений, Адриано был достижением, каким можно было гордиться на протяжении всей жизни. Не говоря уже о том, что такой крепкой дружбе удалось бросить семена доверия к ближнему в душу Амоса. Эти семена, непрестанно прорастая и плодонося, дарили ему ощущение счастья и внутреннего покоя.

Тот, кто верит в дружбу и доверчиво относится к людям, как правило, ведет себя настолько открыто и позитивно, что невольно пробуждает в окружающих симпатию и уважение, поколебать которые непросто. Такие отношения сразу же встают на правильные рельсы – они лояльны и сердечны. Доверие –

драгоценное качество, прямиком ведущее к счастью: так счастлив слепой, который доверяет окружающему его пространству, глухой, что живет в гармонии, сопровождающей его; так и человек, доверяющий себе и людям, испытывает настоящее счастье и благодарен за каждый прожитый день.

Амос уже тогда понимал это, пусть еще несколько неотчетливо. В будущем это стало для него основополагающей концепцией; отталкиваясь от личного жизненного опыта, он сделал ее своим кредо, о котором ни разу не пожалел и которое никогда не предавал. Кроме того, по мере того как Амос рос и становился зрелым человеком, он постепенно все больше убеждался в том, что люди отличаются друг от друга хорошими качествами, зато в недостатках они все одинаковые. Осознание этого делало его терпимым и понимающим; это был непростой путь, долгий и тернистый, – путь, заставлявший его бороться с импульсивностью и эмоциональностью собственной натуры, но при этом богатый на приятные сюрпризы.

Думая обо всем этом, Амос вспоминал свою добрую учительницу и ее уроки, во время которых она разъясняла Евангелие; все эти рассказы, которые он слушал – порой рассеянно, порой с плохо скрываемой скукой, – осели где-то в глубинах его памяти и теперь то и дело всплывали, расцветая все новыми подробностями и приобретая все более глубокие значения. Цитаты вроде «В чужом глазу соринку рассмотрел, а в своем бревна не чувствуешь?» заставляли голос учительницы звучать в его голове так отчетливо, словно это было только вчера. Всякий раз, когда Амосу приходилось наблюдать пустые споры и бессмысленные обиды, которые его товарищи или знакомые наносили друг другу лишь для того, чтобы восторжествовало их личное мнение, или когда в полном одиночестве он анализировал те дискуссии, в которых сам принимал участие, он всегда посмеивался над собой, своими преувеличениями, чрезмерным рвением или яростью.

Но он чувствовал, что ему еще предстоит пройти длинный путь, ибо справиться с собственным характером было непросто, и одних воспоминаний о рассказах учительницы тут было явно недостаточно. Недостаточно было и повседневного опыта. Вероятно, в тот момент Амос искал нечто, во что можно верить, определенный образец для подражания, который можно взять на вооружение.

Именно в этот период его жизни случилось кое-что действительно важное, что серьезно повлияло на его духовное развитие. Студентка, ежедневно помогавшая ему делать уроки и читать, защитила диплом и приняла решение выйти замуж за

парня из другой деревни и уехать жить к нему. Таким образом, перед Амосом встала нешуточная проблема: найти другую помощницу, тем более что приближались экзамены на аттестат зрелости. Следовательно, нельзя было терять времени. Но не так-то просто было отыскать умную и способную девушку, у которой к тому же хватило бы доброй воли, чтобы за короткий срок как следует узнать Амоса, понять его проблемы и потребности, не говоря уже о познавательных механизмах его ума. В семье все тоже забеспокоились и стали думать, искать, спрашивать…

Во время длинной и бессонной, как это часто бывало с ней, ночи матери Амоса пришла в голову одна умная идея, хотя и довольно сложная для осуществления: синьор Этторе, директор Сельскохозяйственного народного банка Лайатико, буквально только что оставил пост и вышел на пенсию – слишком рано для своего возраста и своей уникальной работоспособности.

Этторе был редким человеком, наделенным прекрасными качествами, острым умом и удивительно здоровым и крепким телом. Ему было пятьдесят пять лет, но выглядел он на десять лет моложе; как же такой бодрый и энергичный мужчина, жизнелюбивый, с разносторонними интересами, мог почить на лаврах и бесцельно шататься по деревне? Хотя от него всего можно было ожидать. Он был счастлив просто с книгой в руках, любил ходить в лес по грибы, чесать языком или любоваться природой. Со своей неутолимой жаждой знаний и желанием дотронуться до всего собственными руками, он объехал практически весь мир; и его супруга повсюду следовала за ним с тем же рвением. Теперь у него будет гораздо больше времени и возможностей для поездок по дальним странам.

Странный это был человек! Когда административный совет банка сообщил ему, что намеревается назначить его директором, он спокойно согласился, но при этом не захотел повышения зарплаты в связи со своими новыми обязанностями. Несколькими простыми фразами, не лишенными юмора, который всегда спасал его в подобных ситуациях, он потребовал сохранить за ним должность простого служащего, на что получил согласие. Такие вещи, как правило, проходят без особых проблем, так что все устроили довольно быстро, на благо банка и к величайшему удовлетворению его президента, который весело прокомментировал: «Что ж, пусть будет первым среди равных». Этторе, со своей неподражаемой улыбкой, которую можно было понимать весьма по-разному, немедленно перевел разговор на другую тему, а президент банка, немного удивленный этим экстравагантным решением, не стал настаивать, чтобы не упустить столь прекрасную возможность.

Вне всякого сомнения, Этторе был неординарным человеком во всех смыслах этого слова; но его не в чем было обвинить – напротив, все вокруг уважали его и ценили за его достоинства, за щедрость, за готовность дать совет в нужную минуту, помочь нуждающемуся в любой момент.

Об этом и призадумалась синьора Эди, лежа в постели. Она с тревогой задавалась вопросом: согласится ли этот сдержанный, застенчивый с виду человек помогать в учебе ее сыну? И чем больше она думала, тем больше убеждалась в том, что именно он – подходящая для них кандидатура; но вот только как обратиться к нему с подобной просьбой?! Слишком торжественная форма изложения только отпугнет его, так что лучше всего сказать напрямую, без всяких сантиментов.

Синьора Эди коротко помолилась Господу Всемогущему, включила свет и взглянула на часы: было шесть утра. Неожиданно ее охватила жажда действия. Она вскочила, оделась и спустилась в кухню. Наводя порядок в собственных мыслях, она вдруг вспомнила, что в поместье ее ждет один клиент, который хотел бы купить трактор. Она быстро позавтракала, села в машину и двинулась в сторону Лайатико.

Доехав до площади, она снова посмотрела на часы: была уже половина восьмого. Она свернула направо и поехала по виа Гарибальди. Бар уже открылся, и она видела входящих и выходящих оттуда школяров с купленными завтраками в руках. Тут она заметила Этторе, который шел ей навстречу с огрызком карандаша в одной руке и смятым листком бумаги в другой.

Синьора Барди смотрела на него и думала, стоит ли останавливать его сейчас. Она колебалась, потом решила проехать мимо, но внезапно снова передумала и, развернувшись, поехала обратно к площади. Она увидела, как синьор Этторе покупает в киоске газеты; тогда она припарковала машину, вылезла из нее и подошла к Этторе как раз в тот момент, когда он разворачивал газету, собираясь начать читать; еще две торчали у него под мышкой.

Синьора Эди поздоровалась с ним, он рассеянно ответил, но когда понял, что она хочет поговорить с ним, закрыл газету и стал слушать.

«Вы мне очень нужны, – сказала женщина. Этторе заулыбался, и она продолжила: – У моего сына в этом году экзамены на аттестат зрелости, а девушка, которая ему помогала, уходит от нас, потому что собирается замуж…»

Тут синьор Этторе залился краской, отступил на шаг и смущенно произнес: «То есть вы хотели бы…» Женщина решительно перебила его. «Да, – произнесла она, – я абсолютно

уверена в том, что вы – единственный человек, который может вытащить нас из сложившейся ситуации. Разумеется, – добавила она, – это небесплатно, и вы сами скажете, сколько это стоит». Последняя фраза, прозвучавшая несколько неуклюже и не слишком деликатно, вывела синьора Этторе из оцепенения, и он, еще больше смутившись, ответил: «Еще раз заговорите со мной об этом, я буду вынужден сложить с себя полномочия».

Означало ли это, что он согласен?!

Повисла недолгая пауза; затем Этторе, успокоившись и овладев собой, рассмеялся и сказал: «Ладно, давайте попробуем, но не стройте лишних иллюзий – вдруг я не справлюсь?» Он быстро просмотрел газеты и добавил: «Сегодня в пять часов вечера я к вам зайду. Это время вас устроит?» Затем попрощался, развернулся и не спеша направился в сторону церкви, на ходу читая газету.

Синьора Барди впервые в жизни абсолютно позабыла о делах. Она села в машину и заторопилась домой, чтобы поскорее рассказать мужу о своей, как она считала, победе, которая может стать настоящей удачей для их сына. Материнский инстинкт подсказывал ей именно это.

Она встретила мужа на крыльце дома, когда он уже собирался уходить. Пригласив его следовать за собой, она села и попросила присесть и его. С энтузиазмом, достойным совсем юного создания, она рассказала о бессонной ночи, мыслях, которые пришли ей в голову, и, наконец, о своей встрече с синьором Этторе. Синьор Сандро слушал с любопытством и в конце признался жене, что просто поражен. Он хорошо знал Этторе – в последние годы, будучи членом административного совета банка, а затем и вице-президентом, он имел возможность часто встречаться с ним по работе. Синьор Сандро признался, что посмеялся бы над этой идеей жены, если бы она спросила его мнения.

– А ты уверена, что поняла правильно? Мне кажется крайне странным, что он согласился, ведь он такой закрытый человек, что иногда даже может показаться мизантропом тем, кто хорошенько с ним не знаком!

– Ты – как всегда! – ответила она, немного обиженная скепсисом супруга. – Вечно во всем сомневаешься! Подожди – и увидишь!

– Долго он не выдержит! С характером нашего сыночка он махнет нам рукой через полчаса!

Такими были слова ее мужа, но на самом деле лицо его светилось радостью – он был доволен этой прекрасной новостью, полученной рано утром.

Наконец они решили выйти из дома вместе и весь день спорили по поводу Этторе и гадали, какой будет реакция Амоса, когда тот вернется из школы. Амос и синьор Этторе давно знали друг друга, но общались минимально, поэтому предположить, во что выльются их отношения, было весьма непросто.

«Или хорошо-прехорошо, или плохо-преплохо», – говорил синьор Сандро, смеясь, когда встречался взглядом с женой или сталкивался с ней в каком-нибудь из отделов их магазина. «Хорошо-прехорошо!» – отвечала она с неизменным оптимизмом, свойственным ее открытому и импульсивному характеру.

В этот день во время обеда семейство Барди собралось за столом в полном составе. Старшие дождались возвращения ребят, и, как только все расселись, синьора Эди объявила Амосу, что синьор Этторе, директор банка, согласился на ее просьбу подготовить сына к экзаменам.

Амос воспринял известие спокойно, даже, можно сказать, равнодушно, чего от него никто не ожидал. «Что ж, так лучше», – подумала мать.

В конце обеда синьор Сандро встал из-за стола и позвал сына за собой в гостиную. «Ты доволен? – спросил он. Затем продолжил разговор своеобразной презентацией Этторе: – Ты его не очень хорошо знаешь. Это человек немного странноватый, но при этом исключительный; чтоб ты знал, он управлял банком в наших краях, закончив всего лишь пять классов начальной школы; участвуя в совещаниях с директорами самых крупных банков, он почти всегда молчал, но если уж говорил, то слушали его с огромным уважением, и никто не осмеливался противоречить, потому что все знали, что он никогда не скажет чего-либо, в чем до конца не уверен. Кроме того, насколько я помню, он читает и пишет как минимум на шести иностранных языках – по крайней мере, отлично знает французский, английский и даже русский, представляешь?! А ведь русский язык, должно быть, такой трудный. Потом, он неплохо говорит по-испански, по-немецки… Он постоянно что-то читает, его невозможно уличить в некомпетентности ни в одном вопросе, ни в одной из областей: это просто невероятно, но факт. Короче, это человек, который не всегда говорит то, что знает, но зато всегда знает, что говорит… В младших классах он учился у бабушки Леды, и она всегда отзывалась о нем как о вундеркинде, наделенном редким интеллектом, что удивительно, учитывая, из какой он семьи: у него скромнейшее происхождение – отец был штукатуром, а мать домработницей. Его детство прошло в страшной нищете, но судьба мужчины напрямую зависит от его ума и способностей, а все это у Этторе имеется в достатке, вне

всякого сомнения. Только вот: Этторе не очень общительный, ему нравится одиночество, и его надо воспринимать таким, какой он есть, – в общем, постарайся хорошо вести себя с ним. Кто знает, возможно, на этот раз твоей матери пришла в голову неплохая идея!»

Сандро посмеялся собственной доброй шутке в адрес супруги и добавил: «И будь осторожен в выражениях: если ляпнешь что-то не то – упадешь лицом в грязь, ведь он знает все! Помни об этом».

Амос молча, не перебивая, выслушал это описание, которое пробудило в нем невольный интерес и в некотором смысле успокоило. «Ясно», – ответил он. Потом встал, и они вместе с отцом вышли из комнаты. Спустя мгновение он уже звонил приятелю и болтал с ним о разных глупостях, напрочь позабыв о синьоре Этторе, экзаменах и занятиях. Это было еще одной особенностью его характера: он умел «архивировать» свое беспокойство до тех пор, пока не приходило время встретиться со сложностями лицом к лицу.

XX

Синьор Этторе пришел на десять минут раньше назначенного времени; он запарковал свой «Фиат 500» прямо перед домом и решительно позвонил в дверь. Амос, который уже поджидал его, сам пошел открывать, а родители тем временем потихоньку наблюдали.

Встреча была простой и неформальной: они пожали друг другу руки, затем Этторе поприветствовал остальных членов семьи и сразу же попросил проводить его в кабинет к Амосу, чтобы, как он выразился, ознакомиться с фронтом работ.

Амос показал ему книги и катушечный магнитофон, на который Этторе, мгновенно предложивший называть его на «ты», должен был записывать свой голос, чтобы в его отсутствие Амос мог слушать, сколько потребуется, надиктованный материал. Директор заулыбался: «Никогда в жизни не читал вслух, но попробую, может, получится». На этом их оставили вдвоем, и дверь кабинета закрылась за бабушкой Ледой, которая вышла последней, поставив на письменный стол поднос с двумя чашечками дымящегося кофе.

Встреча прошла самым естественным образом; это был просто эпизод повседневной жизни, но ему предстояло сыграть большую роль в судьбе Амоса, и не только его.

Поболтав немного о том о сем, Этторе раскрыл учебник истории, а Амос принялся ставить на магнитофон восемнадцатисантиметровую бобину, которая, как он объяснил, благодаря четырем дорожкам и двойной скорости позволяла записать целых шестнадцать часов звука.

«Что ж, тогда начнем заполнять эту пленку, – отозвался Этторе и немедленно приступил к чтению первой главы, речь в которой шла о Венском конгрессе 1815 года. Так он читал, не без запинок, признаться, в течение целого часа, но потом вдруг прервался, захлопнул учебник и попросил Амоса выключить магнитофон. – А сейчас было бы неплохо обсудить немного то, что мы прочитали, чтобы проверить, все ли ты понял, и объяснить тебе какие-то моменты, которые ты упустил».

На самом деле Амос слушал недостаточно внимательно, и совсем скоро Этторе понял, что ему придется заново разъяснять все с самого начала. Он делал это спокойно и терпеливо, не требуя от своего юного ученика демонстрации повышенного внимания.

Когда минули два часа, предусмотренные для занятий, Этторе встал и пообещал вернуться завтра в то же время.

Проходя через гостиную, директор заметил на столике шахматную доску. «Любишь играть в шахматы?» – спросил он Амоса. «Да, я страстный любитель!» – ответил тот с гордостью. Этторе рассмеялся от души. Затем взглянул на него и сказал, не переставая смеяться: «Ты, наверное, имел в виду, что ты увлеченный игрок, а не что состоишь в ордене Страстей Господних!»[2] И он принялся рассказывать об этом религиозном ордене, о его основателе, развитии, событиях и людях, связанных с ним. Амос был настолько поражен его эрудицией, что буквально онемел и слушал раскрыв рот, пока тот не закончил свой рассказ. У Этторе был несколько странный способ выражения мыслей: создавалось впечатление, будто в этот момент внутри него шел напряженный мыслительный процесс, как если бы все слова, идеи и понятия вдруг сосредоточились в одном пространстве и яростно боролись между собой за право поскорее выйти наружу.

Амос смеялся, но чувствовал себя немного задетым: ему было стыдно за свою оговорку. Он тут же вспомнил то, что отец советовал ему за несколько часов до этого; а ведь он и так старался говорить мало, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость! Он вновь пообещал себе быть особенно внимательным и одновременно почувствовал детски наивное желание подловить синьора Этторе на какой-нибудь ошибке, дабы сравнять счет. Но он очень быстро понял, что борьба между ними шла неравная. Сколько раз в спорах его гордость была ранена, а самолюбие обижено! Сколько раз он готов был отдать все, чтобы изменить исход споров, в которых всегда выигрывал Этторе! И когда последнему не удавалось убедить своего юного ученика при помощи одних только слов, когда Амос начинал упрямиться и не намеревался уступать, тогда терпеливый директор вставал со стула, бросал быстрый взгляд на библиотеку, снимал с книжной полки энциклопедию, либо словарь, либо какую-нибудь книгу, открывал их и с улыбкой указывал Амосу на его ошибку. Затем ставил книгу на место и больше не возвращался к этой теме. Юношу потрясало, с каким спокойствием его наставник воспринимал свои победы, ни разу не упрекнув его и не похвалившись собственной правотой: он никогда не праздновал триумф над Амосом, тем самым изо дня в день заслуживая все большее уважение к себе, восхищение и благодарность.

Этторе устраивал диспуты вокруг всего, разрушая всякую зацикленность Амоса, всякую идею фикс и любую форму юношеского фанатизма. Он питал его нектаром сомнения, который поначалу, возможно, и вселяет тревогу и растерянность, но впоследствии дарит радость, поскольку сомнения не только способствуют развитию, но – что важнее – освобождают от

рабской необходимости быть всегда и во всем правым. Постепенно Амос обрел ощущение покоя, не свойственное ему прежде, и с этим новым настроем стал чувствовать себя более сильным и смелым, поскольку спокойствие – единственный бастион, который лишь укрепляется от нападений, и никому не под силу захватить его, кроме сознания, воздвигнувшего его и знающего все его секреты.

Амос никогда не получал от Этторе ни похвал, ни комплиментов, но его любовь к учителю стремительно росла, в особенности когда он видел, сколько добра тот делает для окружающих.

Однажды, когда они гуляли по берегу реки, Этторе сказал Амосу: «Чтобы творить зло или добро, необходимо много сил, но для добрых дел их требуется гораздо больше, потому что добро имеет такое же отношение к злу, как созидание к разрушению, а ведь построить значительно сложнее, чем развалить. Следовательно, и добро, и зло находятся в сильных руках, но руки, творящие добро, сильнее, хоть чаще всего действуют молча, в тени. Судьба человечества именно в таких руках, запомни это».

Амос никогда не забывал эти слова.

Он слушал и понимал, что разделяет эти идеи, впитывает их, делая своими, и каждый раз удивлялся тому, с каким удовольствием воспринимают их окружающие, в каком бы контексте они ни прозвучали. Он чувствовал также, что постепенно люди начинают прислушиваться к нему, да так, как он никогда и не надеялся.

Его немало удивляло, что все чаще близкие спрашивали его мнения по тому или иному вопросу, и он – по таинственному психологическому механизму, вдруг включившемуся в нем, – стал чувствовать себя полезным людям и уверенным в себе.

Тем временем приближались экзамены, и Амос все больше волновался. Добрый Этторе стал приходить чаще, его ежедневные визиты теперь длились по четыре, а то и по пять часов, потом он стал наведываться и по воскресеньям. Он пытался убедить своего юного ученика не слишком драматизировать ситуацию с экзаменами. «Конечно, ко всему этому нужно относиться серьезно, – говорил он, – но вовсе не стоит делать из экзаменов вопрос жизни и смерти! В этом мире есть масса вещей поважнее, так что просто прилагай усилия, но не принимай близко к сердцу!»

Амос занимался изо всех сил, как никогда раньше, несмотря на наступившую весну, на тысячи отвлекающих моментов, на свою любовь к Барбаре и множество личных интересов: к лошадям, музыкальным инструментам, пластинкам… Невзирая

на все это, ему удавалось как следует учиться и не быть слишком рассеянным.

И вот, с Божьей помощью, наступил столь пугающий день начала письменных экзаменов. Первым было сочинение, на которое Амос возлагал большие надежды. Парень вошел в школу со своей пишущей машинкой в руках и папкой под мышкой. После звонка его проводили в пустую аудиторию, где он мог спокойно стучать по клавишам, не мешая товарищам. Туда же зашел и преподаватель, который продиктовал Амосу темы сочинения и удалился, пожелав ему удачи.

Амос внимательно перечитал темы и, спокойно поразмыслив, решил остановиться на педагогике, основываясь на теории Квинтилиана относительно важности «соревновательного духа у детей в первые годы учебы».

Он предположил, что в этом сочинении многие его одноклассники пойдут на поводу у модных течений, в частности станут развивать мысли их преподавателей о том, как важен коллективный дух и вреден индивидуализм, а также об эффективности школы, которая направлена на формирование, а не на информирование, которая развивает сотрудничество, а не конкуренцию, и которая готовит учеников к выходу в большую жизнь, а не занимается развитием у них личных качеств.

Он же решил писать лишь то, что думает по этому поводу сам, скромно, но решительно выражая собственную точку зрения, подсказанную искренностью и здравым смыслом.

Он начал с общих рассуждений, связанных с фундаментальной важностью отношений между учеником и учителем, отношений особых и близких, которые – абстрагируясь от теорий Джона Дью, методов Монтессори, принципов Альберти и т. п. – направлены на раскрытие природных способностей ребенка и их развитие, укрепление и оптимизацию.

С этой точки зрения соревновательный дух имеет огромное значение, он совершенно необходим, так как является подпиткой для силы воли, развивает воображение, мозг и креативность. Конкуренция пробуждает жажду действия, справедливое и морально оправданное желание побеждать, ведь тот, кто стремится к победе, вкладывает в борьбу все лучшее, что в нем есть, и преодолевает те препятствия, которые затем оборачиваются на благо всего коллектива. Тот, кто борется за победу, полностью осознает это, и его цель – не унизить проигравших, а проявить свою свободу самовыражения и, возможно, стать примером для подражания.

Амос свято верил в то, что писал, и его мысли текли свободно и легко. Ему даже не пришлось переписывать сочинение набело.

Он довольно быстро закончил, встал и вышел из аудитории, чтобы спросить, кто заберет у него работу. Затем вышел к матери, которая ждала его на площади перед школой, заметно волнуясь. Ей не терпелось скорее узнать впечатления сына от первого письменного экзамена.

Сдав все письменные экзамены, Амос полностью сосредоточился на подготовке к устным. В качестве основного предмета для сдачи он выбрал философию и надеялся, что во время жеребьевки вторым предметом ему достанется история. Так и вышло – его надежды не оказались напрасными.

Когда назвали его имя, он вошел в аудиторию, где сдавали устные экзамены, с трудом скрывая волнение. Он сел, сжал кулаки, глубоко вздохнул и стал ждать первых вопросов.

Сначала он рассказывал о великом немецком философе Иммануиле Канте, затем перешел на Маркса, по «Капиталу» которого Амос в свое время писал сочинение в школе, так что для него это был просто «поцелуй фортуны», и он ответил на вопрос с удивительной раскованностью.

Когда он сдавал экзамен по истории, вся комиссия была просто поражена его детальной подготовкой, далеко выходящей за пределы школьной программы. Этторе старательно читал для него написанное в учебнике, но после этого по собственной инициативе рассказывал Амосу все, что знал сам, добавляя к своему обширному повествованию фрагменты личного жизненного опыта и воспоминания об исторических событиях – войне и мире. Его рассказы о том, как ему жилось в период фашизма и Второй мировой войны, настолько захватили Амоса, что он полюбил историю всем сердцем.

По окончании устных экзаменов преподаватели вручили ему проверенные письменные работы, поздравив с замечательно написанным сочинением, к которому проверявший его учитель даже ни разу не приложил руку.

Амос с триумфом покинул аудиторию и эту школу, в которую ему больше не надо было возвращаться, и стал спокойно ожидать результатов экзаменов на аттестат зрелости.

Ему пришлось ждать несколько дней, пока на стенде, выставленном в школьном дворе, не вывесили результаты. Он получил шестьдесят баллов из шестидесяти возможных, самую высшую оценку. Дрожа от счастья, он тут же бросился звонить синьору Этторе, чтобы поделиться с ним своей радостью. Этторе выслушал его, а потом рассмеялся, сказав, что такая оценка кажется ему преувеличенной. «Сорок, – проговорил он, – сорок из шестидесяти… я еще понимаю – это ты заслужил, но шестьдесят!» Но, конечно, было ясно, что и он доволен результатом тех

совместных жертв, которые были принесены для достижения этой цели. Впрочем, почивать на лаврах времени не было; нужно было смотреть вперед, думать о будущем, ставя перед собой конкретные цели: уже следующим утром, ровно в десять часов, Этторе приехал к Амосу на своем мопеде, с вечным нейлоновым мешком в руках, в котором лежали две книжки и газета.

«Ну что, ты уже думал о том, чем будешь заниматься?» – не теряя времени, спросил он у Амоса. «Как чем? – ответил новоявленный выпускник. – Запишусь прямо сразу на дополнительные курсы и, если все будет хорошо, поступлю на юридический; там у меня будет полно времени подумать о своем будущем. Ты ведь знаешь, у меня в семье – сплошные адвокаты, и я просто чувствую, что все так и ждут от меня, что я буду подвизаться в юриспруденции. Я был еще ребенком, когда мне начали говорить, что я, когда вырасту, стану адвокатом, и я, видимо, в это поверил. Иначе, если бы не этот результат на выпускных экзаменах, кто знает, может быть, я бы всерьез стал учиться музыке и получил бы диплом по классу игры на фортепиано».

Синьор Этторе на это ничего не ответил, только предложил проводить Амоса в Пизу, чтобы помочь ему пройти все бюрократические моменты, необходимые для поступления. Спустя несколько дней дело было сделано лучшим образом; тогда, чтобы по утром не валяться долго в постели и не прозябать бесцельно в деревне, Этторе предложил своему юному воспитаннику вместе просматривать прессу. Такой привычки у Амоса никогда не было. Затем, несколькими днями позже, они стали вместе читать один из великих шедевров итальянской литературы, известный во всем мире, – «Гепард».

Роман Джузеппе Томази ди Лампедузы очень понравился Амосу. Этим знойным летом юноша начал проявлять серьезный интерес к прозе, который зародился у него еще в те далекие времена, когда дядя Компарини читал вслух в нежные моменты объединения семьи, когда старый любитель литературы не разрешал даже включать телевизор, объявляя его «непрошеным и неуместным гостем».

Этторе читал вслух уже гораздо более уверенно, чем несколько месяцев назад. Казалось, силы его неиссякаемы, а сам он неутомим в своих разъяснениях и комментариях, щедро раздаваемых по случаю. Амос слушал его и испытывал чувство покоя и благости: время пролетало быстро, и когда Этторе уходил, на душе становилось пусто и одиноко. Потом он задумывался о прочитанном и ощущал, как постепенно развивается духовно. Это выражалось и в том, что ему проще

стало выражать собственные мысли, да и вообще, теперь он говорил больше, чем когда-либо.

Впоследствии Амос пристрастился к классикам русской литературы; он начал с Николая Гоголя, жадно проглотив его самый известный роман, «Мертвые души»; потом настал черед влюбиться в Федора Достоевского, вплоть до того, что, прочитав «Братьев Карамазовых» и «Преступление и наказание», он почувствовал себя другим человеком, обуреваемым жаждой знаний и интересом к литературе. Он буквально набросился на книги Льва Толстого и всего за несколько ночей одолел его знаменитый роман «Война и мир». Амос с восторгом рассказывал о нем друзьям и был просто поражен, когда узнал, что многие из них не смогли прочесть его до конца, а некоторые даже не читали ни строчки.

Тем временем он начал посещать дневные курсы, довольно скучные и неинтересные. В разговорах с товарищами он, шутя, называл их потерей времени, как службу в армии. Однако этот дополнительный год был необходим ему для поступления на юридический факультет. А пока у него было много свободного времени, которое он посвящал общению с друзьями и развлечениям, не говоря уже о чтении и прочих увлечениях.

Однажды в субботу на новеньком мотоцикле Серджио парни отправились в гости к Марике, девушке, о которой Амос много слышал от друга, познакомившегося с ней в школе. Марика училась в техникуме и надеялась в скором времени найти работу секретаря в какой-нибудь компании; во всяком случае, именно это она рассказала о себе Амосу, когда они знакомились.

Это была высокая и стройная девушка, с длинными каштановыми волосами, обрамлявшими нежное личико с правильными чертами. Ноги у нее были такие длинные, что им позавидовала бы любая манекенщица. Но что поразило Амоса больше всего, помимо описаний, предоставленных ему Серджио, был голос Марики: чистый, нежный, спокойный и женственный, как у сирены.

Амос пробыл у нее так долго, как только позволяло ему время, и, уходя, пригласил ее к себе в гости, послушать музыку. Он задал ей несколько вопросов по поводу ее музыкальных пристрастий и с некоторым беспокойством вынужден был признать, что она в музыке не знаток и ей это не особо интересно. Тем не менее Марика без колебаний приняла приглашение, и Амос, вернувшись домой, чувствовал себя взволнованным – с одной стороны, из-за ее неожиданной любезности, а с другой – из опасения не найти способов развлечь, заинтересовать и удивить эту юную сирену.

Дела сердечные никогда не были простыми для Амоса, посему он был немало изумлен тем, что такая востребованная и с первого взгляда немного поверхностная девушка (вывод, который казался ему вполне объективным, несмотря на эмоции, владевшие его сердцем) столь охотно приняла его приглашение и при этом выглядела даже заинтересованной. Амос и представить себе не мог, что Серджио был настолько великодушен, что описал Марике все самые интересные стороны личности друга, включая рассказ о его семье, доме, лошадях – все то, что, вероятно, и пробудило в девушке особое любопытство. При первом приветствии Марика нашла Амоса вежливым, воспитанным и взрослым. Затем, внимательно разглядев его, она поняла, что он к тому же привлекателен внешне, и ей было совершенно все равно, что он даже не может ее видеть. Наверняка друзья уже рассказывали ему о ней и обрисовали ее внешность, и это приятно волновало девушку.

В своей маленькой комнатке, заполненной тысячью типично женских вещиц, Марика пыталась вообразить себе кабинет Амоса и гостиную, которые Серджио подробно описал ей, с мягкими диванами, на которые Амос усадит свою гостью и, возможно, даже возьмет за руку…

Прошло несколько дней, и Марика сдержала свое слово. Когда Амос открыл дверь, он был поражен, поняв, что она все-таки пришла, но сама девушка вела себя так раскованно, что вскоре и он почувствовал себя абсолютно свободно. Он провел ее в кухню и представил Дельфине, женщине, которая сменила Ориану, когда та вышла замуж, и теперь помогала в доме Барди по хозяйству; Амос был очень привязан к ней.

Потом он пригласил Марику пройти за ним в гостиную, усадил ее, завел на проигрывателе пластинку с легкими итальянскими песнями, сел рядом, и так они провели почти целый день.

Когда они вышли из гостиной, их уже связывала нежная тайна, вместе с грустью от необходимости расставаться и желанием увидеться вновь в самом скором времени.

Вскоре Марика стала девушкой Амоса, и поскольку она была первой, кого он так представлял своим друзьям, те приняли ее с большой симпатией и благосклонностью. Всем нравилось, что у Амоса появилась подруга, с которой он теперь мог ходить на праздники и разного рода мероприятия, куда раньше он заявлялся в полном одиночестве, порой вызывая неловкость у окружающих.

В начале лета, когда по окончании курсов Амос сдал экзамены, которые на самом деле были не более чем

формальностью, они с Марикой все еще были вместе; их связь длилась уже несколько месяцев и становилась важной для них обоих: этот роман подарил и ему, и ей восхитительный опыт любви – жизненный опыт, в некотором смысле являющийся и самым обманчивым.

Они провели вместе целое лето. Ничто не мешало им видеться каждый день, и Амос переживал эту историю любви со всей страстью, присущей его эмоциональной натуре. Он не выпускал Марику из объятий, а она была счастлива, что вызывает в нем столько желания. Они любили, а точнее, желали друг друга, и не было конца их взаимному притяжению.

В ноябре Амос, который, следуя намеченной программе, поступил на юридический факультет, стал ходить на занятия вместе с Эудженио, своим бывшим одноклассником.

Оба решили начать свои университетские приключения, подготовившись сразу же к самому сложному из шести экзаменов первого курса – частному праву; и тут добрый синьор Этторе получил свою долю работы, вновь и вновь разъясняя Амосу, каковы основные элементы контракта, что такое банковские переводы и наследование.

Знаменитые учебники Рещиньо, а затем и Торренте казались Амосу нескончаемыми и недоступными для понимания – изучить их без риска провалиться во время опросов он считал практически невероятным.

В этот период он часто чувствовал большую неуверенность в себе, но Этторе всегда был рядом, готовый поддержать его. Он старался убедить Амоса, что главное в таких случаях – не хорошая память, а способность разумно рассуждать. Он говорил: «Тут важно понимать „рацио“, двигавшее законодателем, а память подводит, если не подкреплять ее здравыми размышлениями. И потом, – продолжал он, смеясь, – *ignorantia iuris neminem excusat*[3]; и раз так, никому не позволено игнорировать закон, тем более тебе, поступившему на юридический». Он произносил эти слова с доброй иронией, а потом вновь возвращался к серьезному тону и говорил Амосу: «Может, ты и не будешь получать таких высоких оценок, как те, кто заучивает все наизусть, но при этом, возможно, не понимает, что говорит. Ну и что! Главное, понимать и двигаться вперед!»

В перерывах Амос делился с Этторе своими впечатлениями о прочитанном, а тот тем временем начал рассказывать ему о французской прозе восемнадцатого-девятнадцатого столетий. Посредственно сдав первый серьезный экзамен, Амос стал осваивать и сразу полюбил французских писателей: от Гюстава Флобера до Ги де Мопассана, от Золя до Франсуа Мориака, Оноре

де Бальзака, Жан-Поля Сартра и многих других.

Он читал, обсуждал с Этторе свои впечатления, получал от него советы, что еще прочитать: с каждый книгой литература все больше становилась его неутолимой страстью, и он все меньше интересовался занятиями по праву, которым уделял время весьма вяло и без особого восторга.

Посредством чтения романов Амос надеялся лучше и глубже постичь смысл жизни; что же касается юриспруденции, ему никак не удавалось понять ее суть, кроме как в исключительно теоретическом применении. Впрочем, он без особых усилий сдал экзамены по политэкономии, римскому и гражданскому праву. С чуть большим удовольствием он готовился к экзамену по философии права, за который получил максимальную оценку. Этот предмет, в сравнении с предыдущими, показался ему стимулирующим, живым, содержательным и полезным для интеллекта человека, который хочет развиваться и расширять свои горизонты. Поэтому, когда через некоторое время речь зашла о дипломе, он принял решение писать его, опираясь именно на эту материю.

К концу первого курса он сдал все экзамены, а Марика в это время закончила техникум и стала работать секретарем в мебельной компании. Амос впервые в жизни почувствовал ревность, в которой не осмеливался признаться даже себе самому: он понимал, что не может запретить Марике работать, однако мысли о том, что другие мужчины будут увиваться возле нее, ухаживать за ней, осыпать комплиментами, причиняли ему страдания. Ведь она могла уступить чьим-то ухаживаниям, а этого Амос не вынес бы.

С легкостью угадав его новые мучения, Этторе посмеялся над ним. «Ты у нас прямо мужчина старых правил! – сказал он и попытался успокоить его: – Заводишь себе такую привлекательную девушку и хочешь, чтобы никто не обращал на нее внимания! И потом, разве ты сам ведешь себя иначе, когда встречаешь симпатичную, но при этом чужую девушку?» Амос не ответил, но все его существо, ослепленное ревностью, восставало против этих слов.

Как-то в субботу он почувствовал, что Марика не такая, как обычно; они решили прогуляться вдоль реки, и во время прогулки она была какой-то молчаливой и серьезной, если не печальной. Амос решил не тянуть и потребовал объяснений. Посопротивлявшись, девушка призналась, что ее выбил из колеи эпизод, который произошел накануне.

– Я сидела в офисе, – рассказала она, – и незадолго до окончания рабочего дня вошел мой шеф. Он сел напротив,

обсудил со мной пару ничего не значащих административных вопросов, а потом неожиданно предложил поужинать с ним. Я ничего не ответила. Не знаю, что он там подумал, но буквально через секунду он добавил, что просто хочет поговорить по работе и сделать мне интересное предложение. Я тут же сказала, что меня ждут дома и что родители не разрешают мне возвращаться поздно; тогда он предложил позвонить им сам. Я очень смутилась и ответила, что мы могли бы поесть в баре напротив офиса после работы. Он посмотрел на часы и сказал, что я могу считать свой рабочий день оконченным и в бар мы можем идти прямо сейчас.

В баре мы сели за столик, заказали себе по напитку, и он, похвалив меня за профессиональные качества, сказал, что влюбился в меня с самого первого дня и что, если я соглашусь быть с ним, он немедленно преобразует свою фирму в компанию, где мы будем партнерами…

Кровь бросилась Амосу в лицо. «Ей недостает класса», – подумал он, но сдержался и промолчал.

– Ну и что ты собираешься делать? – резко спросил он у девушки.

– Я хотела сначала поговорить с тобой, спросить твоего совета. Как бы ты поступил на моем месте?

– А что тут думать?! Единственное, что ты можешь сделать, – пойти в понедельник утром на работу и уволиться! – решительно ответил Амос.

– Я тоже сразу об этом подумала, вот только мне немного жаль, ведь это мое первое место работы, и оно мне нравилось, да и зарабатывала я неплохо… – У Марики прервался голос, и она расплакалась.

Амос обнял ее, крепко прижал к себе и попытался утешить. Однако своего главного решения он не менял: ей следовало без сожалений уволиться с этой работы. Ведь ей ничего не стоит быстро найти себе другое занятие, еще лучше.

– Тот, кто по-настоящему хочет, всегда найдет хорошую и честную работу; ты, любимая, всегда хотела работать, зачем же так отчаиваться? – сказал он ей.

Марика пробовала было робко возразить, но потом утерла слезы и пообещала Амосу, что поступит именно так, как он советует. Потом они быстро направились к нему домой, и Марика ушла от Амоса только тогда, когда была уже полностью уверена, что ее кавалер успокоился. Но, возвращаясь домой в своей малолитражке, девушка поняла, что ей будет жаль увольняться; мысль о том, что ей будет принадлежать целая фирма и она сможет управлять ею, разожгла ее фантазии и подстегнула самолюбие этой немного наивной и мечтательной молодой

женщины. Между тем она все еще сильно любила Амоса, да и брак с ним нельзя было назвать невыгодным…

Этот эпизод оставил след в душе Амоса. Рассказ Марики лишил его уверенности, и он начал совершать поступки, которые обычно считаются губительными для отношений: стал следить за ней, выспрашивать подробности ее времяпрепровождения, когда они были не вместе, узнавать, с какими людьми она виделась, как они себя вели; все это казалось Марике отвратительным и невыносимым.

Получив хороший результат на экзамене по торговому праву, Амос решил взять небольшой отпуск и поехать вместе с однокурсником в Лидо Ди Камайоре, в родительскую квартиру; он попрощался со всеми и уехал на море, где пробыл до начала следующей недели.

Вернувшись в родные края, он обнаружил пренеприятнейший сюрприз: в выходные Марика познакомилась с каким-то парнем, и тот пригласил ее пойти потанцевать. Она согласилась, ведь ее жених уехал на каникулы, оставив ее одну, а теперь она влюбилась и больше не намеревалась продолжать отношения с Амосом. Он постарался принять сложившуюся ситуацию без скандалов. Но на самом деле очень страдал и долго не мог успокоиться и прийти в себя.

XXI

Эти времена Амос переживал как самые грустные в своей жизни. Он стал молчаливым и печальным, редко встречался с друзьями, а когда встречался, то говорил только о своей бывшей девушке и о надеждах вновь завоевать ее сердце – словом, испытывал их терпение одними и теми же разговорами.

Он привык к обществу Марики, она была настолько близка ему, что только в ее компании он чувствовал себя хорошо. Она всегда была рядом с ним и помогала ему так естественно, как это не удавалось никому из друзей и знакомых. Кроме того, учеба окончательно наскучила ему, да и в музыке он переживал кризисный момент, возникший, вероятно, еще несколько лет назад, в период роста. Тогда его голос за короткое время претерпел разительные перемены, вплоть до того, что в течение нескольких месяцев он не мог петь. Он попытался вновь обрести контроль над собственным вокалом, но вскоре уверил себя самого, что вынужден навсегда распрощаться с оперой и напевать разве что какие-нибудь модные песенки, вроде автобиографических творений его друга Адриано. Амос думал, что безвозвратно потерял то, что отличало его от других, свое главное достоинство – голос.

В довершение всего у него вдруг обострилась аллергия, приступы которой обычно настигали его весной, но иногда и в другое время года. Реагировал он, как правило, на пыль: сразу начинал чихать, из глаз текли слезы, и его мучил жесточайший насморк. Ослабить эти симптомы было невозможно.

Ему пришлось сдать ряд анализов, выявивших аллергию на самые разные вещества: зерновые, кошачью шерсть и разнообразные виды ворса. Доктор посоветовал ему держаться подальше от лошадей, чтобы не соприкасаться с сеном. Таким образом, Амосу пришлось отказаться и от своей большой страсти, связанной с лошадьми, которых он обожал и посвящал им огромное количество времени и сил и которые позволяли ему вести столь важный для него мужественный и немного дикий образ жизни.

Все эти события происходили постепенно, но болезненным образом накладывались одно на другое, по-настоящему раня душу Амоса и отнимая у него жизненные ориентиры. Судьба уже приучила его к потерям и жертвам – возможно, в этом был его крест? Порой он чувствовал себя совершенно убитым горем, разочарованным, растоптанным и отверженным.

Но хватало немногого, чтобы привести его в чувство: какое-

нибудь слово, знак или мысль были способны вернуть ему прежний оптимизм; тогда его настроение менялось, и он вновь заставлял себя поверить в то, что жизнь – это прекрасная тайна, рано или поздно награждающая тех, кто любит ее всеми силами своего сердца. И тогда он начинал активно действовать – ставил себе новые цели и не успокаивался, пока не достигал их.

Две его главные страсти, лошади и пение, казалось, теперь были навсегда закрыты для него; но он считал это настолько неприемлемым, что не хотел сдаваться, не попытавшись всеми возможными способами воспротивиться такой несправедливости.

В его дневнике можно найти мысли, а точнее, рассуждения, записанные в своеобразном бреду; они могут помочь понять состояние Амоса в то время:

У меня были мечты, которые я трепетно лелеял в глубинах своего сердца, а теперь они разбились о стену жестокой реальности; они разлетелись на тысячи обломков, но я все же наклонился и собрал все обломки до единого. Теперь я пытаюсь терпеливо склеить их заново. Я верну им былое сияние и снова подарю им крылья, чтобы они научились летать и поднялись в небо. Кто знает, возможно, им удастся преодолеть эту стену и оказаться там, где все мечты становятся явью, принимая форму сперва идей, потом планов, чтобы, наконец, получить свое конкретное воплощение.

Поддерживая себя лекарствами и разными препаратами, Амос продолжил ездить верхом с еще большим, почти маниакальным упорством; он также возобновил игру на фортепиано и стал серьезно интересоваться применением электроники в музыке. Именно тогда он купил свой первый синтезатор и решил поискать музыкальный бар, куда его взяли бы пианистом. Он надеялся таким образом повеселее проводить время между экзаменами, а заодно и заработать немного денег. Такая работа даст ему возможность завести новые знакомства, и – главное – он не забросит музыку, вернее, перестанет чувствовать себя брошенным и преданным ею. Словом, одним выстрелом он убивал сразу несколько зайцев.

Такая возможность не замедлила вскоре представиться: клуб «Боккаччо» попросил его заменить штатного пианиста, вынужденного отлучиться на некоторое время. Амос быстро разучил несколько мелодий и в назначенное время явился пред очи владельцев клуба, чтобы начать работать.

Он сразу почувствовал себя в своей тарелке. Спокойненько наигрывал себе разные мелодии, пока присутствующие пили, ели и болтали, ничуть не заботясь о том, чтобы послушать его и уж тем более вынести свои суждения о том, как он играет… Он мог

играть и петь все, что пожелает, – ему весьма редко заказывали что-то определенное. Периодически на него обращала внимание какая-нибудь девушка, подходила к пианино и заговаривала с Амосом, проявляя скромный интерес к тому, что он делает, а может быть, и к тому, что он из себя представляет. Разумеется, это не могло не льстить молодому музыканту, робко изучавшему девушек, пока они пристраивали свой бокал и непременно зажигали сигарету, чтобы придать себе значительность. Откровенно говоря, дым мешал Амосу, но он терпел из вежливости, если находил свою собеседницу симпатичной и приятной в общении.

Его работа заканчивалась ранним утром. Он вставал с табурета, ощущая сильную боль в усталых кистях рук и тяжесть в спине, но при этом счастливый и довольный. Спать не хотелось, и он садился с друзьями в ресторане и заказывал какое-нибудь горячее блюдо и кофе. Иногда заходил в зальчик, примыкающий к ресторану, где владельцы и их друзья и клиенты часто играли в азартные игры, и наблюдал за этим сумасшедшим действом. Порой сам ставил парочку-другую фишек и возвращался домой, когда солнце уже было в зените. Он ложился поспать на два-три часа, а потом к нему приходил Этторе с очередным учебником или книгой. Усталый, Амос раз за разом клялся себе, что будет возвращаться домой пораньше, чтобы не валиться с ног, но по окончании работы ему никогда не хотелось спать, и он вновь отправлялся развлекаться. Так продолжалось до самой защиты диплома. Лишь в воскресенье ему удавалось выспаться, и он отлеживался до обеда, иногда даже пропуская его. Потом вставал и отправлялся в поместье, навестить своих животных. Если погода позволяла, он седлал кобылку и скакал верхом по сельским просторам.

Во время одной из таких прогулок, подъезжая верхом к старой мельнице, Амос услышал, как кто-то окликает его. Он немного натянул поводья, чтобы лошадка замедлила ход, и она остановилась, навострив уши так же, как и ее всадник. До него вновь долетел звук голоса, и он явно различил женский тембр, а точнее сказать – ангельский девичий голосок, звавший его.

Амос вернулся на десяток метров назад. Девушка приблизилась к нему и произнесла: «Меня зовут Гайа. Я живу тут неподалеку, но ты меня не знаешь, ведь мы с тобой ни разу не разговаривали. Я окликнула тебя, потому что обожаю лошадей и мне очень хотелось бы попробовать…» Она умолкла и заулыбалась.

Амос немедленно соскочил на землю, протянул Гайе руку и спросил, не хотела бы она проехаться вместе с ним. Девушка,

которая показалась Амосу совсем юной, тут же согласилась с радостным смехом. «Подожди меня здесь, – сказал Амос, – я сниму седло и вернусь. Я быстро». Он вскочил на лошадь и послал ее в галоп, так что ветер в ушах засвистел, чтобы сразу продемонстрировать девушке все свои способности искушенного наездника.

Он вернулся меньше чем через четверть часа, и Гайа терпеливо ждала его на том же самом месте.

Не слезая с лошади, Амос немного сдвинулся назад. Аккуратно следуя указаниям, девушка ловко ухватилась за подпругу, подтянулась и легла животом на шею лошади. Тогда он помог ей усесться, а лошадка терпеливо и смирно ожидала команды. Амос легонько пришпорил ее, и она медленно и деликатно двинулась в путь, словно боялась потерять свою драгоценную ношу.

Они миновали старую мельницу и выехали на дорожку, которая вела к заброшенному зданию, принадлежавшему семье Барди. Амос уверенно правил, но стройное девичье тело, которое он держал в объятиях, распущенные волосы, прикасавшиеся к его лицу, и веселый голосок волновали его. В его сердце закралась неожиданная нежность, и в то же время он ощутил внезапный огонь, который охватил все его существо, затуманивая мозг и лишая воли.

Когда они доехали до заброшенного дома, Амос, опьяневший от желания, предложил своей спутнице спешиться, чтобы дать лошади отдохнуть. Они спрыгнули на землю, и Амос уверенным жестом достал из кармана плаща длинную веревку, затем распряг лошадку и привязал ее к металлическому кольцу, вмурованному в фасад здания, – все это он проделал с ловкостью бывалого наездника. Потом он пригласил Гайю следовать за ним по внешней лестнице на второй этаж заброшенного строения, откуда они попали в абсолютно пустую комнату. Гайа пошла за ним без всяких возражений; казалось, она ничуть не смущена. Амос снял плащ, расстелил его на полу, сел и позвал девушку присесть рядом с ним. Они принялись разговаривать, сперва о лошадях, а потом обо всем понемножку. Амос гладил ее по волосам и то и дело прикасался ладонью к ее разгоряченным щекам. Чуть позже ее рука оказалась в его руке, а затем он заключил девушку в объятия, крепко прижал к себе и поцеловал.

Когда Амос вернулся с облаков на землю, он не в состоянии был определить, сколько времени прошло. Он подскочил, когда ему пришло в голову, что он доверил судьбу лошади старой веревке. Рывком поднявшись на ноги, он, как мог, поспешно привел себя в порядок и, извинившись, понесся вниз по лестнице.

Металлическое кольцо, десятилетия висевшее на стене дома, было на своем месте. Там же была и веревка. А вот лошадка исчезла.

Его охватил ужас: что за безответственность – оставить ее вот так! Ведь за это время она могла уже пересечь провинциальную трассу, где ее легко мог сбить автомобиль или сама она налетела бы на мотоциклиста. Должно быть, кобылка просто оторвала кольцо, к которому крепится уздечка, и теперь, даже если он ее разыщет, будет непросто снова взнуздать ее. «Зара! Зара!» – стал он звать в отчаянии, хоть и понимал, что лошадь – не послушная собака и не откликнется на зов. Амос прекрасно знал, что, если лошадь ушла, она устремится в сторону конюшни, где надеется получить свою привычную порцию овса и немного отдохнуть.

Он молитвенно сложил руки и мысленно обратился к Господу, о котором совсем забыл в последние часы; потом позвал Гайю, которая прибежала, веселая и легкомысленная, как все пятнадцатилетние, что сильно обидело Амоса. «Надо бегом бежать к дому!» – сказал он и, схватив ее за руку, буквально потащил за собой.

Возле старой мельницы Амос обессиленно остановился и позвал теперешних ее владельцев, которые жили напротив, переделав мельницу в небольшую птицеферму для разведения кур. К нему выбежала запыхавшаяся женщина, которая сообщила, что недавно видела его лошадку, проскакавшую мимо резвым галопом. «Она бежала, но ей вдруг что-то попалось на пути, возможно уж, – рассказала она, – потому что она вдруг в ужасе замерла и кинулась в обратную сторону, в поле за нашим домом. Мой муж попытался поймать ее, но каждый раз, когда он приближался, она убегала от него. И уздечка у нее порвана. Будем надеяться, что она еще там».

«Да уж, будем надеяться!» – подумал Амос и бросился вместе с Гайей к полю, в сторону которого показала женщина.

На поле Зары не было, но она обнаружилась неподалеку, возле курятника, где преспокойно поедала из ведра зерно, предназначенное, вероятно, для кур.

Амос поблагодарил небеса за эту удачу. Он осторожно приблизился, и Зара, подняв голову от ведра, неуверенно посмотрела на него, не зная, бежать ей или оставаться на месте. Потом все-таки погрузила морду обратно в ведро, и тут Амос обхватил ее шею обеими руками и медленными, спокойными движениями надел на нее уздечку. И только вдев обратно вырванное кольцо, он снова почувствовал, как к нему возвращается уверенность.

Вечером, за ужином, Амосу поистине было что рассказать

родным о прошедшем дне. Он прекрасно знал, что это приключение вызовет всеобщее неодобрение из-за напрасного риска, через который ему пришлось пройти, бросив лошадь привязанной к металлическому кольцу; а также потому, что он заставил ездить верхом без седла маленькую девочку – ведь оба могли упасть и расшибиться, не говоря уже о том, какие сплетни мог спровоцировать тот факт, что они вдвоем отправились в «Лесной дом», заброшенное поместье. Ведь какой-нибудь любопытный мог последовать за ними, шпионить, а потом донести отцу Гайи…

Родители все ругали и ругали его, гневно выражая свое недовольство, но Амос был рад, что рассказал им все без утайки, ведь его натура экстраверта редко позволяла ему сохранять свои собственные секреты. И потом, это было прекрасной возможностью поведать близким о Гайе, которая теперь поселилась в его сердце, заполнив пустоту, оставленную Марикой.

На следующий день, не обращая внимания на родительские упреки, он оседлал Зару и решительно поскакал в сторону дома Гайи. Она ждала его на улице – так, словно они договорились о встрече. В ней было столько невинной девичьей наивности; она будто не знала хитростей в любви, свойственных для тех полудевушек-полуженщин, кто окончательно оставил позади свое детство.

«Я так и знала, что ты придешь!» – воскликнула она, улыбаясь.

«Если тебе это не нравится, могу немедленно уйти!» – откликнулся Амос, притворяясь задетым.

«Я бы тогда не стала ждать тебя здесь!» – ответила она ему.

«Откуда я знаю, может, тебе просто нравятся лошади!» – продолжал заигрывание Амос, веселясь от всей души.

«Нет!» – отрезала Гайа сухо.

Амос был приятно поражен ее решительностью. «Хорошо, тогда сегодня никаких поездок верхом. Я вернусь, расседлаю Зару и буду ждать тебя там. Если хочешь, конечно!» – добавил он и галопом направил лошадь в сторону дома. Гайа тут же последовала за ним на своем мопеде, помогла снять с Зары седло и узду, обтереть ее и даже отвела лошадку в стойло и принесла ей добрую порцию овса. Только потом, с чувством выполненного долга, она, широко улыбаясь, двинулась навстречу Амосу и остановилась прямо перед ним. Он притянул ее к себе и крепко обнял, охваченный внезапным счастьем.

Потом он отошел от нее и направился к колодцу с видом человека, которого посетила неожиданная мысль или сомнение,

которое надо немедля прояснить: «Откуда столько беспричинной радости?» Он сел на каменный бортик колодца, и Гайа, устроившаяся рядом, тут же стала убедительным ответом на его вопрос. «Я не создан для одиночества, – подумал Амос. – Насколько же вдвоем все проще и приятней!»

Придя к подобному выводу, он почувствовал себя как никогда хорошо.

Гайа, безусловно, не была похожа на его одноклассниц и других городских девчонок, с которыми он знакомился на различных праздниках и мероприятиях. Она и одевалась иначе, и говорила по-другому, и вела себя не так, как они, даже сам Амос чувствовал себя далеким от ее образа жизни; тем не менее ее природная, поистине обезоруживающая естественность, ее свежесть, ее изменчивый – то спокойный, то бурный – характер, ее доброта и решительность делали общество этой девушки не только приятным, но и богатым на сюрпризы. Несмотря на то что Гайа ходила в школу в городе, это ничуть не изменило ее: в ней не было и намека на предрассудки, на городскую чванливость или на малейшие попытки – удачные или нелепые – использовать в своем языке «городскую» лексику. Она была скорее полевым цветком, бродячей собачкой, певчей птицей, существом совершенно свободным, приспособленным больше к жизни на природе, чем к условностям и конформизму современности. Именно поэтому она любила лошадей, умела говорить с ними на инстинктивном и молчаливом языке тела, и поэтому ее и потянуло к Амосу, которого она полюбила, ничего не прося взамен, что позволяло ей чувствовать себя свободной от всяких пут условности.

Амосу быстро удалось узнать ее и научиться наслаждаться тем, что она дарила ему – в большей степени, чем кто-либо другой, – но в то же время он очень страдал от того, что у него как личности не получается быть сильнее, чем она. Он делал все, чтобы внушить ей мысль, будто она всецело принадлежит лишь ему, но у него ровным счетом ничего не вышло. Гайа приходила к нему в гости каждый день, но уходила так, словно каждая их встреча могла быть последней. Амос никогда не был уверен в ней. Для него идеалом была женщина влюбленная, ревнивая и верная, как Флория Тоска; но рядом с ним, он чувствовал, находится создание свободное, юное, беспечное и мятежное, как Кармен. Он пытался изменить ситуацию всеми возможными способами, но ничего не получилось.

Однажды настал день, когда они не встретились – Гайа внезапно пропустила их обычное свидание в полдень. На следующий день она ненадолго заехала к нему, но остаться не

смогла и быстро умчалась прочь.

После этого Амос не видел ее на протяжении нескольких месяцев, да и не пытался, узнав от своего верного друга детства Серджио, что она стала встречаться с другим парнем, который каждый день увозил ее на мотоцикле и возвращал домой лишь к ужину.

Так что Амос вновь остался один, без подружки, с которой можно было бы проводить свободное время и куда-нибудь ходить вместе.

С другой стороны, у всех его друзей были девушки, и они, естественно, не могли посвящать ему все выходные и праздничные дни. Тогда он накинулся на учебники, чтобы достичь хороших результатов хотя бы в учебе. Но ему не хватало сосредоточенности, и даже старания синьора Этторе развеселить его и привести в чувство были напрасны.

Не без труда, но Амосу все же удалось сдать такие сложные экзамены, как судебное право, конституционное и – самое непростое – торговое право. Правда, пришлось долго ломать голову над понятиями актива и пассива в балансе, а также прихода и расхода и тому подобного. Доброму Этторе понадобилось все его ангельское терпение, чтобы разъяснить Амосу то, что самому ему казалось таким понятным! Более того, Этторе решительно не понимал, что тут такого сложного, и его поражал и обезоруживал этот необъяснимый отказ ума его юного ученика воспринимать материал. Однажды он удивил Амоса одной своей старой теорией. «Бывают мозги настолько самовнушаемые, что порой делают сложными самые простые вещи в мире! – сказал он ему. – Ты знаешь, что готовишься к университетскому экзамену, и поэтому считаешь, что это подразумевает под собой какие-то невероятные сложности. А ведь любой продавец из лавчонки, закончивший пять классов начальной школы, понимает, что такое пассив и актив в балансе. А у тебя какие-то уж очень странные рассуждения!»

Как бы то ни было, Амос преодолел и это препятствие, подготовился к остальным экзаменам, сдал их и даже повидался с Марикой. Она сообщила ему, что ее сердце снова свободно, и он пригласил ее в гости – точно так же, как после их самой первой встречи. Как и тогда, Марика охотно согласилась, и молодые люди снова стали встречаться, к вящей радости Амоса, который не переставал любить ее и больше всего на свете хотел быть с ней, как часто бывает с теми, кто потерял любимую.

Они виделись каждый день, словно и не было того болезненного расставания, и их встречи здорово отвлекали Амоса от учебы – как раз в тот момент, когда он готовился к сдаче

самого сложного экзамена: уголовного права. Это было предпоследнее испытание перед защитой диплома: если он пройдет его с хорошими результатами, как было до сих пор, ему останется лишь быстренько подготовиться к экзамену по судебному производству и полностью сосредоточиться на написании диплома. Но присутствие Марики в его жизни сильно осложняло ход вещей, ведь Амос постоянно думал о ней, даже во время занятий.

Когда началась сессия он решил попытать удачи и предстал перед экзаменационной комиссией, как всегда робея и надеясь на лучшее, но на этот раз все пошло прахом. После первых же двух вопросов, на которые Амос дал весьма расплывчатые ответы, преподаватель вежливо попросил его прийти в следующий раз, как следует подготовившись. Амос, не веря своим ушам, поднялся со стула. Его впервые отправляли прочь, не поставив никакой оценки. Он чувствовал себя глубоко униженным и расстроенным.

Вернувшись домой, он сразу же позвонил синьору Этторе, чтобы спросить его мнение о произошедшем. Этторе же, казалось, ничуть не расстроился; он сказал, что придет в обычное время, чтобы начать готовить его к следующему экзамену. Тогда Амосу стало спокойнее. Он отправился к себе в кабинет и предался размышлениям. Сперва ему было немного жаль себя, но потом самоирония вытеснила жалость, и, вспоминая подробности неудавшегося экзамена, он даже пару раз истерически рассмеялся. Тогда он сел за пишущую машинку и в одно мгновение набросал на чистом листе бумаги забавное стихотворение на пизанском наречии, посвященное своему печальному экзаменационному опыту. Это резко подняло ему настроение.

Закончив, он не без удовольствия перечитал написанное. Вот как выглядело случившееся с ним в стихах.

О моем экзамене по уголовному праву

О Матерь Божья, я в отчаянии,
Сегодня ночью мне вновь не спалось,
И все мои мысли были об этом экзамене,
Скучные и назойливые, будто мухи.
Ты и представить себе не можешь, как все было,
Но я Тебе сейчас расскажу.
Наверное, Ты мне не поверишь
И будешь смеяться над моим рассказом,

Но если бы Ты оказалась в моей шкуре,
Тебе бы тоже было несладко.

Однажды утром я решил: «Пойду-ка подготовлюсь
Я к новому экзамену попробую!»
Иду я в магазин, чтобы купить учебник,
Но скоро понимаю – это слишком.
Лишь только начал я зубрить предмет,
Клянусь Тебе, на первой же странице
Увидел я, что ничего не понимаю.
Что за проблемы странные и что за разговоры:
Какие-то воры, убийцы и путаны?!

Но с Божьей помощью дошел я до конца,
Детально изучив все беды мира,
И вот решил я дальше не тянуть, сказав себе:
«Какая ж это скука!»
Пошел я на экзамен, и там
Вопросами меня с ума сводили:
То про неумышленное убийство спросят,
То про сроки тюремного заключения…
Но тут у меня в глазах потемнело!

Хотелось мне сказать: «Ведь я не преступник!
Откуда мне знать про все эти вещи?!»
Но мне даже не дали времени ответить,
Велели: «В другой раз возвращайся!»
Тогда я чуть профессору не врезал,
Но подумал: «Ни к чему мне за решетку!»
Так что теперь я вновь к экзамену готовлюсь…

Мораль сей басни такова:
Если решишь ты вдруг учиться,
Сперва как следует подумай: надо ль?

«Какая глупость!» – подумал Амос, перечитав строки собственного сочинения. Впрочем, для чего-то ему нужен был этот творческий выплеск, теперь он чувствовал себя спокойнее и готов был с новыми силами приступить к подготовке к сложному, но все-таки одному из самых интересных экзаменов. И потом, в жизни надо уметь и проигрывать. «Лучше с достоинством проиграть, чем с унижением выиграть», – подумал он и быстро отыскал свои записи, чтобы сразу же засесть за работу.

Примерно через месяц он пересдал экзамен и, охваченный манией поскорее отделаться от экзаменационной сессии, накинулся на учебник по судебному производству. Это был действительно самый последний экзамен, и Амосу едва в это верилось. Особых трудностей этот предмет для него не представлял, так что он довольно быстро подготовился и с уверенным видом предстал перед комиссией. После нескольких вопросов, на которые Амос ответил достаточно точно, преподаватель попросил у него зачетку, куда с добродушной улыбкой поставил оценку.

Амос вскочил со стула и стремительно покинул аудиторию. Когда он оказался во дворе Университета Ла Сапиенца, то остановился и задумался: вот и подошли к концу все экзамены! Неужели это правда? «Теперь главное – не терять времени даром!» – подумал он и вместе с одним из сокурсников отправился к преподавателю по философии права, чтобы обсудить тему диплома. Он нашел его сразу же, и в прекрасном расположении духа. Сев напротив профессора, Амоса сообщил ему тему и пообещал как следует трудиться, чтобы как можно быстрее принести ему материал для обсуждения. Темой его диплома было «Право и история в понимании Монтескьё».

Амос решил не делать никакого перерыва и уже на следующий день взялся за работу с помощью Этторе, который, казалось, был полон энтузиазма. Правда, после первых же попыток написать что-либо начались объективные трудности – оба поняли, что на эту тему уже сказано абсолютно все, и не быть вторичным или банальным просто невозможно.

Амос был так расстроен, что ему даже захотелось найти кого-нибудь, кто бы написал диплом вместо него, но он тут же устыдился собственных мыслей, ведь это одним махом обесценило бы весь его университетский опыт.

Амос решил ехать в Париж, где можно было бы разыскать какую-нибудь редкую книгу или просто поймать вдохновение, а потом отправился навестить синьора Делла Роббья, с которым давно не виделся. Этот человек, будучи блестящим оратором, в своей речи нередко обращался к цитатам из французских мыслителей, и Монтескьё в частности: кто знает, вдруг он сможет подсказать что-нибудь?! Ведь в его библиотеке можно было отыскать неизвестные Амосу книги, которых не было нигде. Он вернулся домой, сияя, полный благих намерений.

Работа по написанию и исправлению диплома была долгой и трудоемкой: каждую мысль и каждую фразу приходилось обсуждать с Этторе и согласовывать с ним каждое слово, прежде чем окончательно переносить на бумагу. Амосу, для которого эта

тема и так не была интересной, такой труд казался до предела скучным.

Марика тем временем начала жаловаться, что он ее совсем забросил. В свободное время Амос действительно предпочитал отправляться в поместье, седлать коня и ездить верхом, нежели садиться в машину и пускаться в светские рейды. А Марика скучала, дожидаясь его в деревне, где она прожила всю свою жизнь и откуда мечтала поскорее выбраться. Так что страстная любовь жениха к животным, растениям и прогулкам на свежем воздухе вдоль реки или по холмам представляла в ее глазах самую отрицательную черту его характера, своеобразную болезнь, которую она не в силах была вылечить. Марика никак не могла понять, почему он не ищет общества и развлечений, предпочитая путешествовать, познавать, любоваться. Амос же прикладывал все свои силы к тому, чтобы заразить ее своей страстью, вовлечь в свой круг интересов, делясь с ней своими планами и мечтами…

Время неумолимо уходило, и вскоре родители Амоса начали естественным образом беспокоиться, что он до сих пор не защитился. А он все продолжал читать свои книги, играть на музыкальных инструментах, ездить верхом, злить невесту, поздно ложиться, готовить для друзей вкусные блюда и опустошать по ночам бутылки с вином, пока все в доме спали или пытались спать, несмотря ни на что…

Когда Амос решил, что уже пора, он отправился к преподавателю, и после долгих обсуждений ему было разрешено представить свой диплом к защите 30 апреля 1985 года; был конец января, так что до защиты оставалось всего три месяца.

Эта новость очень порадовала родителей Амоса, но плохо повлияла на его отношения с Марикой: что-то меж ними разладилось. Где-то в глубине души Амос ощущал это, но не понимал до конца, а может быть, просто не хотел понимать. Марика очень переменилась к нему: она вела себя холодно и отстраненно, – но молодой человек делал вид, что не замечает всего этого. Он предпочитал хоть как-то жить с этой проблемой, терпел ее, как терпят больной зуб, пока не приходит время вырвать его.

И вот, незадолго до защиты диплома, Амос узнал, что Марику видели в Милане в компании ее нового работодателя, и поведение ее было весьма недвусмысленно. Когда Амос узнал это, его самолюбие взыграло до такой степени, что буквально опалило его изнутри. Никогда еще он так не страдал из-за любви.

Он укрылся в тиши своего кабинета, и в этой комнате ощутил все одиночество, унижение, обиду и горе, впервые заставившие его плакать. Он с силой сжимал кулаки, пытаясь сдержать слезы,

но это было невозможно: крупные капли катились по щекам, оставляя мокрые следы, и тогда он закрывал лицо руками и рыдал…

В какой-то момент он успокоился, потому что ему стало стыдно за себя; и он решил отправиться в поместье. Амос не знал, что будет там делать, – ему просто хотелось совершить нечто безрассудное. Было очень поздно, и все, кроме его матери, уже спали. Он надел ветровку, решительно направился к двери и вышел из дома.

Вдыхая полной грудью холодный январский воздух, он почувствовал, что на душе стало полегче. Дорога была пустынной, и он мог идти спокойно. Он быстро добрался до сельской дороги, ведущей в Поджончино; не раздумывая, стал одолевать подъем и уже спустя несколько минут входил в поместье. Там он остановился на секунду, чтобы перевести дыхание, и направился в конюшню.

В широкое окно в первом же стойле высунул голову и радостно заржал при виде Амоса трехлетний жеребенок, которого он совсем недавно начал объезжать. Амос подошел, обхватил обеими руками его голову и стал что-то нежно нашептывать на ухо, словно отец своему ребенку.

Мать, услышавшая, как он уходил, и решившая во что бы то ни стало пойти за ним, нашла его именно в такой позе; ее Амос был настолько захвачен этим необычным разговором, что женщина сразу же поняла, что случилось что-то очень серьезное.

Она вышла из машины и окликнула его, но он не ответил, тогда она подошла к сыну и вопросительно взглянула на него.

– Оставь меня. Возвращайся домой, – приказал ей Амос, даже не обернувшись.

– Но в чем дело? Что случилось?

– Ничего, ничего! Не волнуйся! Иди домой!

Мать не ответила, но и не ушла. Она молча села на низкий забор возле конюшни и стала терпеливо ждать. Ей хотелось понять, что происходит.

– Мама! – закричал Амос, охваченный отчаянием. – Я хочу побыть один!

– Но почему? – воскликнула женщина.

– Потому что я создан для одиночества!

– Впервые слышу от тебя такое. Так вот, послушай: пока я не узнаю, что случилось, одного я тебя здесь не оставлю!

Амос смирился, оставил жеребенка и пошел к машине. Мать последовала за ним, и вскоре они уже были дома, где их поджидал обеспокоенный отец. Он проснулся, услышав, как жена отъезжает на своем автомобиле в столь поздний час.

Таким экстравертам, как Амос, гораздо проще удовлетворить любопытство окружающих, чем скрыть свои чувства. Оказавшись в кухне с папой и мамой, которые явно волновались за него, он невероятным усилием воли справился со своей печалью и заговорил. «Марика изменяет мне, – поведал он, – так что с завтрашнего дня я снова буду одинок, а это непросто».

Он вскочил, бросился прочь из кухни и, стремительно одолев лестницу, закрылся в своей комнате. Упал ничком на постель, и потоки мыслей захлестнули его; теперь все казалось пустым и бессмысленным, а будущее – совершенно безнадежным. Начинать отношения с какой-нибудь другой девушкой он считал невозможным, ненужным, лишенным смысла. Правда, рассудок подсказывал ему обратное. Амос знал, что такие страдания лечатся временем и проходят бесследно.

Он пытался заставить эти разумные рассуждения найти путь к его сердцу, но у него ничего не выходило – бедное сердечко бешено колотилось, и тоска по Марике словно распространялась с током крови по всему его существу. Он продолжал желать ее, ее прекрасное тело, которое наверняка уже принадлежало другому мужчине. Возможно, отдаваясь кому-то со всей страстью, она смеялась над ним.

Он не мог избавиться от этих мыслей, сводивших его с ума, и провел бессонную ночь, пока собственное тело не подсказало ему способ облегчения боли. Он вдруг почувствовал себя спокойнее – усталость победила страдания, и он крепко уснул.

Ровно в десять часов его разбудил голос Этторе, от звука которого он почти подскочил. Он сразу же вспомнил о том, что произошло, и вновь почувствовал печаль и одиночество, но все-таки заставил себя быстро одеться и спустился вниз с желанием позвонить Марике и потребовать объяснений. В нем яростно боролись оскорбленная гордость и надежда, что девушка найдет необходимые аргументы, чтобы развеять его подозрения.

Как только Этторе ушел, Амос взял телефон и набрал номер Марики. Поняв, как он возбужден, девушка немедленно поспешила к нему, и они уединились в его кабинете. За закрытой дверью Амос обрушил на нее весь яд, скопившийся у него внутри; но яд этот, изрядно разбавленный эмоциями и страстями, не смог нанести Марике особого вреда. У нее было время поразмыслить и продумать линию защиты: да, она была в Милане со своим начальником – это она признавала, – но исключительно по работе, и просто не сочла настолько важным, чтобы сообщать об этом Амосу. Что касается слишком фривольного поведения, она готова к очной ставке со злопыхателями, так как не делала ничего предосудительного и совесть у нее совершенно чиста.

Амос сделал над собой усилие и поверил ей. Его тянуло к ней больше, чем когда-либо, и она сумела сыграть роль влюбленной женщины, готовой на все, лишь бы восстановить прежнюю гармонию в отношениях со своим мужчиной. Марика отдалась ему со всей страстью, на которую только была способна, и, уходя, оставила его гораздо более спокойным, чем прежде.

Но надежные стены родного дома располагали к размышлениям, и Амос решил, что все обстоит не совсем так, как рассказала ему Марика. «Во всяком случае, – подумал он, – спокойствие – удел сильных людей, а со временем тайное всегда становится явным. Главное – воспринимать все спокойно».

С такими мыслями он полностью посвятил себя подготовке к защите диплома.

XXII

Рассвет 30 апреля застал Амоса в бодрствующем состоянии: он пытался привести в порядок собственные мысли, по десять раз подряд повторяя речь, предназначенную для защиты диплома. Услышав пение петуха, он понял, что поспать уже не удастся; взволнованный донельзя, он поднялся с постели и стал медленно собираться. Из родительской спальни до него доносился шум. Он прислушался и понял, что мама тоже уже встает, так что в кухню они спустились почти одновременно. Синьора Эди, которая демонстрировала поистине олимпийское спокойствие, на самом деле волновалась больше сына, но при этом с невозмутимым видом старалась подбодрить его разными способами. Амос выпил чашку горячего кофе и закрылся у себя в кабинете, чтобы заново просмотреть текст своего выступления. Наконец он услышал знакомый звук мотора машины Этторе: пунктуальный, как всегда, тот приехал, чтобы проводить его в Пизу.

На факультете он столкнулся с Эудженио, бывшим одноклассником, который, оказывается, защищался в этот же день. Амос выразил желание быть одному во время дискуссии, поэтому Этторе решил пойти погулять в город и оставил его вместе с другом. Пожелав молодым людям удачи, он ушел, пообещав вернуться попозже.

Охваченные страшным волнением, без пяти минут выпускники университета бродили между колоннами, пока не настала очередь Эудженио.

Дискуссия началась, и он, защищавший диплом по каноническому праву, немедленно завоевал внимание комиссии, обычно рассеянной и скучающей, своими смелыми рассуждениями по поводу недостатков церковного разрешения на брак. Некоторые доценты даже выступили с личными наблюдениями и весьма специфическими вопросами, что сильно затянуло процесс, но при этом однозначно способствовало тому, что дипломант в лучшем виде «показал товар лицом», заслужив высокую оценку.

Сразу после него пришла очередь Амоса, которому предоставили свободу говорить все, что он пожелает, про своего Монтескьё, и отпустили довольно быстро. Какую оценку ему поставить, комиссия решала тоже недолго: председатель, который был научным руководителем дипломной работы Амоса, пригласил его в аудиторию и без всякого выражения объявил, что члены комиссии оценили его труд и он защитился с девяноста девятью баллами из ста двадцати возможных.

Амос пребывал будто во сне, ему даже вдруг стало страшно, что он может проснуться и все окажется неправдой. Однако он быстро пришел в себя, когда, переступив порог аудитории на выходе, столкнулся с буквально налетевшей на него группой фотографов, предлагавших увековечить его: «Доктор, доктор![4] Можно? Пожалуйста, только одну фотографию, доктор! Фантастика! А давайте еще одну – вместе с руководителем, доктор, это будет прекрасное воспоминание! И еще одну – с вашим другом, доктор!»

В любой другой момент Амосу претила бы такая дешевая комедия, но сейчас он почти с наслаждением принимал участие в игре, чувствуя себя словно во сне, и ему очень хотелось, чтобы этот сон не кончался. Тем временем Этторе вернулся и с довольным видом наблюдал за разворачивающейся сценой, стоя в стороне, опершись на одну из колонн. Он закурил и старался держаться подальше от группы фотографов и дипломантов.

Когда все разошлись, Амос и Эудженио подошли к Этторе. Произошел краткий обмен репликами, а потом они вместе ушли. Эудженио предложил выпить за их защиту, и никто не отказался от столь заманчивого предложения.

По возвращении домой Амос обнаружил, что родные затевают праздник. Отец решил угостить семью ужином, пригласив всех в один из местных ресторанов. Эудженио тоже пригласили, а вот Этторе отказался присоединиться, сказав, что его ждет жена. «За ужином я ем очень много, а потом не могу уснуть всю ночь! – сказал он, смеясь. – И потом, старикам не пристало шататься где-то по вечерам!» Он сердечно распрощался со всеми и ушел.

В тот момент, когда они выходили из дома, во дворе затормозил автомобиль флориста: Амосу привезли букет и записку. Поблагодарив флориста, Амос распечатал конверт: подарок был от Марики. Легкая тень пробежала по его лицу; затем он сунул записку в карман, передал букет матери и пошел вперед.

Ночью, ворочаясь в постели, он никак не мог уснуть. «Время подводить итоги! – думал он. – Надеюсь, родители довольны, они столько страдали из-за меня, так волновались за мое будущее, что и меня заразили своей тревогой. Конечно, я еще не добился ничего особенного, но все-таки защита диплома представляет собой важный этап, в особенности для них, ведь они так боялись, что я буду убогим, буду плестись в хвосте успешных людей этого мира… Но потом они постепенно убедились, что я догоняю остальных, завоевываю позиции и сражаюсь на равных, яростно, но по правилам, плечом к плечу с лучшими, и что не все

потеряно. Бедные мои родители! Они поверили в меня, и я докажу им, что это не зря. Придет день, когда я заставлю их позабыть все тревоги и волнения, и они станут гордиться мной».

Чем больше Амос размышлял, тем больше волновался; он крутился в постели и никак не мог уснуть. Тогда он встал, спустился по лестнице и сел за пианино.

Все спали, но Амос был уверен, что звуки музыки никого не разбудят: ведь он часто садился играть именно в такое время, и родители уже привыкли. Сейчас он чувствовал себя счастливым и довольным; судьба наконец улыбнулась ему, и жизнь повернулась к нему своей лучшей стороной. Он распахнул окно, и в комнату влетело легкое дуновение весеннего ветра, теплого и душистого. Амосу это показалось добрым знамением. Он вдохнул воздух полной грудью и снова прикоснулся к клавишам.

На следущий день до Амоса дошло грустное известие: умер синьор Толедо – конный эксперт, в свое время обучавший Амоса искусству верховой езды и обращению с лошадьми, уникальный человек, полный жизни и силы. Он скончался от внезапной неизлечимой болезни. Амос сперва растерялся, а потом его сердце сжалось от боли. «Как вообще могут умирать некоторые люди?! – подумал он и сам удивился своим мыслям. – И как быстро все забывают о них! Но я его никогда не забуду!» – с горечью и волнением поклялся он самому себе. Он стал вспоминать далекие дни в самом сердце Мареммы, которые проводил среди лошадей, рядом с этим простым и суровым человеком, всегда говорившим все, что думает. В течение десяти дней он вставал в пять утра, чтобы отправиться в конюшню к Толедо, где тот держал лошадей для объездки; и теперь ему казалось, что без Толедо там все изменится, потому что такие люди, как он, иначе воспринимают жизнь и на всем оставляют отпечаток своей индивидуальности.

На несколько часов Амос позабыл события вчерашнего дня. Мысли занимали воспоминания об ушедшем друге; в ушах звучал его голос, произносивший замечательные выражения, вроде: «Земля даже молнию остановит» – о человеке, упавшем с лошади; или: «Бояться ты не боишься, но смелости тебе не хватает!» – о тех, кто не решался взобраться в седло.

Но любой человек устроен так, что не умеет долго радоваться одному и тому же и точно так же не может не противиться боли и горю. Поэтому уже вечером свежезащитившийся Амос поддался на уговоры друзей и отправился с ними на ужин, где после пары бокалов чудесного красного вина его печаль превратилась в теплое воспоминание, которое навсегда будет храниться в одном из самых почетных мест его памяти.

В последущие дни он позволил себе немного отдохнуть и развлечься, хотя смерть Толедо и страшная катастрофа на Чернобыльской атомной станции постоянно занимали его мысли – до такой степени, что он даже решился прервать свои каникулы, чтобы сделать что-нибудь по-настоящему полезное.

Он позвонил синьору Этторе и потихоньку начал подготовку к государственному экзамену, а одновременно ходил в офис к своей тете – той, что много лет назад гостеприимно и надолго приютила его, – где и приобрел свой первый опыт прокурорской практики.

Все оставшееся время он посвящал музыке: сочинял песни, записывал их, а затем ездил в Рим или Милан, в разные дискографические компании, в надежде убедить какого-нибудь продюсера заняться им как проектом. Втайне он мечтал стать знаменитым певцом. Ведь если все всегда просили его спеть, если при разных обстоятельствах его то и дело усаживали за рояль или давали в руки гитару, чтобы он выступил, – что-то это все-таки значило. Но деятели звукозаписывающей индустрии не находили интересными ни его песни, ни манеру исполнения. У Амоса такие суждения вызывали протест, он принимался активно спорить и переубеждать, но это ни к чему не приводило; он чувствовал себя навязчивым и никчемным и возвращался домой в расстроенных чувствах, так же как и его родители, которым больно было видеть сына униженным и обиженным. Синьор Сандро замыкался и уходил в себя, повторяя одну и ту же фразу, не боясь показаться слишком занудным: надо появиться в какой-нибудь телевизионной программе. Он показывал пальцем на телевизор и с улыбкой заученно произносил: «Достаточно лишь раз залезть в этот ящик, и дело сделано!» Но двери телестудий, похоже, были наглухо закрыты для тех, у кого нет контракта со звукозаписывающей фирмой и кого не знает широкая публика.

По утрам Амос в качестве практиканта ходил на заседания суда, днем заучивал текст защиты, а по вечерам отправлялся в кафе, где играл на пианино и гораздо больше чувствовал себя на своем месте.

Словом, несмотря на то, что он очень много занимался и многое предпринимал, Амос никак не мог окончательно выбрать свою дорогу, что серьезно беспокоило его родителей, которые устали от этой ситуации. Юный выпускник все чаще замечал, что отец с матерью, сжав зубы, продолжают вставать в семь утра, чтобы отправиться на работу и тем самым дать ему возможность реализовать свои нелепые мечты. Из-за этого он чувствовал себя без вины виноватым. Его мучили угрызения совести, а по мере того как шло время, он, вдобавок ко всему, стал ощущать и

глубокую неудовлетворенность.

Правда ли, что беспокойство всегда не к добру? Кто знает! Частенько это именно так, или – по крайней мере – так показалось Амосу, когда однажды утром зазвонил телефон, и он выбежал из своего кабинета, чтобы ответить. Это был Лука, его близкий друг, который звонил, чтобы рассказать деликатную и срочную новость. Вообще-то он хотел встретиться с Амосом, но тот попросил хотя бы в двух словах передать суть. Друг заметно смутился и после некоторых колебаний поведал, что своими собственными глазами видел Марику, которая выходила из какого-то дома в Тиррении, а рядом шел тип, обнимавший ее за талию.

Бедному Амосу кровь ударила в голову, и одновременно он ощутил слабость в ногах. Он искренне поблагодарил приятеля, положил трубку и так и остался стоять неподвижно, опираясь локтями о полку с телефоном. Новость погрузила его в прострацию, но ничуть не удивила: в действительности он уже давно не питал никаких иллюзий по поводу верности своей девушки.

Однако на этот раз с отношениями надо было кончать, и немедленно. Он встряхнулся, набрал номер Марики и, не теряя времени на пустую болтовню, сказал ей, что ему известно все о ее многочисленных изменах. Затем объявил, что их роман закончен. Марика не стала оправдываться, она лишь попросила о возможности увидеть его еще хотя бы один раз, и он не нашел в себе силы отказать ей в этой встрече.

Марика вскоре приехала. Амос сел к ней в машину, и они отправились в поместье Поджончино, где запарковались прямо за сеновалом. Девушка сразу расплакалась. Рыдая, она просила у молодого человека прощения, клялась, что в будущем больше никогда не пойдет на поводу у собственной слабости. Но он был неумолим: «Ты что, считаешь, я могу смириться с мыслью, что ты принадлежала другим мужчинам, будучи помолвлена со мной, приходя в мой дом и общаясь с моими родными?! Что я буду по-прежнему встречаться с нашими общими друзьями, которым все известно, и молча изображать рогоносца?!» Его передернуло, пока он произносил это ужасное слово, которое вызывало в нем столько веселья, когда употреблялось в отношении кого-то другого. После длинной паузы Амос вновь заговорил: «В любом случае, я на тебя не в обиде. Я и сам не лучше. Я тебе тоже изменял: много раз и с разными девушками. Так что, как видишь, эта история просто должна была закончиться!»

«Но я готова все тебе простить! – выкрикнула Марика в отчаянии. – Я даже не хочу знать, с кем ты мне изменял!» Амос

тоже испытывал невыносимую боль, но жестокие уколы мужского самолюбия в этот момент оказались сильнее любви. «Давай не будем больше об этом, – сказал он, распахнул дверцу и вышел из автомобиля. – Если хочешь, можем прогуляться немного по берегу реки», – предложил он, опершись на крышу машины. Девушка вытерла слезы, положила платочек обратно в сумку и вылезла наружу. Эта прогулка была их последней надеждой.

Возможно, думая именно об этом, Марика взяла Амоса под руку, и мелкими шажками они стали спускаться по тропинке, которая, огибая лес, вела к большим полям в долине. Вскоре там должен был начаться сенокос, и отец Амоса намеревался собрать десяток-другой центнеров прекрасного сена.

В какой-то момент молодые люди остановились и присели прямо на землю. «Хотя бы Волка ты мне оставишь?» – спросила Марика о щенке немецкой овчарки, которого Амос подарил ей несколько месяцев назад. К сожалению, у Волка были проблемы с задними лапами из-за дисплазии, и Марика приложила массу усилий, чтобы вылечить его. Вспомнив обо всем этом, Марика настойчиво повторила свой вопрос: «Могу я оставить его себе?»

«Конечно, – ответил ей Амос; он был растроган и на мгновение вновь почувствовал к ней нежность, но резко отвернулся, чтобы не выдать себя. – Станешь вспоминать обо мне, когда будешь его гладить!» – добавил он. Затем, пряча поглубже собственную слабость, встал на ноги и глубоко вздохнул.

Марика, печальная и жалкая, вдруг вскинула голову и сказала: «Я уверена, что без меня у тебя все пойдет хорошо, перед тобой откроются правильные дороги и все твои мечты станут явью, будто по мановению волшебной палочки».

Амос печально улыбнулся. «Не надо преувеличивать!» – откликнулся он тихо, и понял, что Марика смирилась со своей участью. Тогда он решил, что настал момент прощания. «Что ж, давай возвращаться, – сказал он, – а то мои будут искать меня и волноваться!»

Марика тоже поднялась на ноги, и они пошли назад по тенистой дороге между лесом и долиной, полями и лугами, вдоль почти высохшей речушки Стерцы. Шуршание ящерицы в траве привлекло внимание Амоса, и он, замедлив шаг, прислушался, а потом зашагал быстрее прежнего. Странная мысль промелькнула у него в мозгу: «Наверное, эти растения больше никогда не увидят нас вместе, и все это – по причинам морали или обычая, даже не знаю, как определить; как бы то ни было, когда женщина изменяет мужчине, он часто продолжает испытывать к ней тягу, но при этом вынужден расстаться с ней навсегда, если не хочет потерять самоуважение и уважение окружающих. А ведь законы

морали, человеческие убеждения и общепринятые правила должны служить во благо людей! И в то же время каждое общество, в силу своей структуры и тысячи других факторов, предполагает свои собственные законы морали; затем необходимость прогресса – или, проще говоря, перемен – приводит к тому, что самые умные, самые чувствительные и предприимчивые начинают нарушать их, пусть даже ценой жестокой расплаты. Между тем, благодаря их примеру, постепенно люди начинают считать нормальным то, что еще совсем недавно полагали абсолютно аморальным».

Амос был настолько погружен в эти мысли, что даже не заметил, как дошел до машины Марики, и только когда она распахнула перед ним дверцу, чтобы он мог сесть, наконец вернулся с небес на землю. Не произнеся ни слова, он опустился на сиденье, закрыл дверь и через несколько минут уже был совсем один у себя в кабинете.

Как уже бывало с ним раньше, он сразу почувствовал себя разбитым и одиноким. Он взял с книжной полки какой-то томик: это оказался сборник ноктюрнов Шопена. Амос открыл его и, пробежавшись указательным пальцем по строчкам, пристроил на нотную подставку на пианино, сел и попытался найти покой в музыке. Он играл по нотам, но музыка не находила отклика в его душе, занятой иными мыслями; тогда он вскочил и принялся мерить шагами кабинет. Он признался Марике в своих изменах, но вот что интересно: до этого он не считал их изменами. Как странно!

Однако сейчас ему предстояло вынести строгое суждение: либо его поведение было вполне невинным, и тогда он должен считать таковым и поведение своей бывшей девушки, либо ему следует чувствовать себя виноватым наравне с ней. Концепция, по которой женщина отдается исключительно по любви, в то время как мужчина лишь идет на поводу у своих сексуальных импульсов, не вовлекая в процесс сферу чувств, вдруг показалась ему смешной и бессмысленной, хотя раньше он ее вполне разделял. За все эти годы он не раз знакомился и встречался с девушками, которые вели себя в точности как представители противоположного пола.

Амос внезапно ощутил себя заблудившимся в лабиринте идей, из которого нет выхода. Он чувствовал глубокую усталость и полную потерю интереса к жизни. Медленно, как старик, он поднялся по лестнице, заперся в своей комнате и, упав на постель, почти сразу погрузился в сон.

XXIII

Спустя всего час Амос проснулся, изрядно замерзший и в отвратительном настроении. Он спустился по лестнице и вошел в кухню, где тихонько переговаривались его родители. Ему не удалось понять, в чем заключалась причина спора, но он был уверен, что речь шла о нем. От этого Амос почувствовал себя униженным еще больше и ощутил странный протест против матери и отца. Тогда он развернулся и направился в сторону гостиной; там он включил проигрыватель и, слушая музыку, принялся ходить взад-вперед по комнате и думать о том, как было бы хорошо жить одному.

«Мужчина в моем возрасте, – размышлял он, – должен быть независимым и жить так, как он хочет, не подвергаясь ничьему контролю. Нет никакой необходимости переезжать куда-то далеко, достаточно просто иметь собственное пространство. Например, я мог бы пользоваться, когда мне надо, двумя маленькими квартирками в Поджончино, которые папа только что отремонтировал. Совсем скоро будет готов и дом напротив…»

Амос имел в виду дом, который отец предназначал для него в случае женитьбы. Правда, работы там велись весьма вяло, так что Амос даже начал подумывать, что отец специально медлит, потому что не считает Марику подходящей для него кандидатурой. Короткими, но выразительными сентенциями синьор Сандро уже дал сыну понять свое мнение по данному вопросу и больше к этой теме не возвращался.

Теперь Амос был вынужден признать за отцом удивительную прозорливость, которая в сложившихся обстоятельствах, с одной стороны, больно ранила и обижала его, а с другой – заставляла испытывать к тому все растущее уважение. У него возникло давно забытое ощущение, что отец может защитить его, уберечь от жизненных опасностей, и в минуту боли это пробуждало в нем детскую надежду на лучшее.

И пока эти эмоции бушевали в его сердце, он вдруг понял, что ему необходимо поделиться ими с отцом. Он бросился к пишущей машинке и стал стремительно печатать:

Бессмысленно спорить: мы никогда не договоримся. У меня нет никаких иллюзий: нас разделяют тридцать лет! Может быть, ты боишься, что не сможешь быть рядом со мной, если препятствия на пути вдруг остановят меня? Не надо волноваться, послушай: у меня проблемы, тяжелые испытания, но… ничто не напугает меня, ничто не остановит, ничто не заставит забыть о том, что я могу побеждать, – и я хочу добиться всего сам. Я хорошо знаю,

что тебе сложно оправдать это мое вечное желание бороться, бросать вызов невозможному. Тебе это покажется невероятным, но я все больше замечаю, что очень похож на тебя; и мне бы так хотелось, чтобы силы никогда не оставляли тебя! Чтобы ты мог быть рядом со мной и помогать мне не сдаваться. Никогда!

Амос передал отцу это странное письмо, предварительно сообщив ему о своем твердом решении переселиться в дом в поместье. Кроме того, воспользовавшись выходными, которые семейство Барди решило провести в Лидо Ди Камайоре, он объявил, что остается дома, а ночевать будет в Поджончино, в той квартире, которая выходит на дорогу. Синьор Сандро остался не очень доволен этим, но противиться его желанию не стал; так Амос в короткий срок реализовал свои планы на независимую жизнь. Синьора Эди, в свою очередь, приветствовала эту инициативу, посчитав ее полезной для сына: так он сможет быстрее преодолеть страдания от прошедшей любви, которые делали его столь непохожим на себя самого. Перед тем как уехать на море, она убрала и привела в порядок квартиру, снабдив ее всем необходимым и пообещав еще приложить свою руку по возвращении.

Так для Амоса начался период беспечности, стремительно превратившийся в жизнь без тормозов, полную всяческих излишеств. С ним рядом постоянно находился Кристиано, его юный приятель, только что поступивший в университет. По вечерам они вместе направлялись в Кьянни, где Амос музицировал до полуночи, а Кристиано помогал ему устанавливать и разбирать инструменты и подключать провода. Потом они ужинали вместе с владельцем ресторанчика, веселым человеком, прямо-таки созданным для компании; ужин обычно тянулся допоздна, и вино текло рекой. Часто случалось так, что к их компании присоединялся еще народ, и тогда Амос приглашал всех к себе домой. И вот посреди ночи большая группа бездельников, среди которых были и весьма раскованные девицы, вваливалась в крошечную квартирку, где, тем не менее, всего было вдоволь: великолепная функциональная кухня, ванная комната и две спальни с широкими коваными кроватями. Ничего лучше и придумать было нельзя.

Когда все расходились по домам, чтобы поспать, на дворе уже стоял белый день. Поэтому работяги, по утрам встречавшие Амоса по дороге на поля, удивлялись: он так рано встает! Он же, смеясь, отвечал им, что еще не ложился.

В результате Амос спал совсем мало и часто пропускал обед. Днем он занимался своими лошадьми или объезжал какого-нибудь жеребенка друзей или знакомых, ибо это рискованное

занятие, от которого его все отговаривали, пытаясь ставить препоны, для него было уникальной возможностью продемонстрировать окружающим свою смелость и способность бросать вызов невозможному. Когда он седлал жеребенка в первый раз, вокруг загона всегда собиралась публика, и он чувствовал себя немного героем, гнал от себя всякий страх и старался в мельчайших подробностях повторять все то, чему его в свое время научил Толедо. В эти мгновения он чувствовал себя по-настоящему счастливым и уверенным в себе. Это были его минуты славы. Потом он бежал принимать душ и готовился к новому вечеру, а главное – к новой ночи.

Вскоре родители Амоса начали беспокоиться за его здоровье, а возможно, и за его репутацию. Мать видела, что с каждым днем он выглядит все более бледным и утомленным; кроме того, после внушительной череды женщин, прошедших через его постель, она боялась, как бы он не подхватил какую-нибудь венерическую болезнь или еще того хуже. Ночью супруги Барди не могли уснуть при мысли, что их сын может поехать куда-то на машине с Кристиано, тоже усталым и немного навеселе…

Но над Амосом явно сияла счастливая звезда, а его ангел-хранитель был действительно бдительным и щедрым. Он падал с лошади и не ушибался, жил беспорядочной жизнью, но с ним ничего не случалось, у него не было определенного дела, но все вокруг любили его…

Адриано тем временем нашел работу в банке, женился, у него родилась дочка, но каждую пятницу он отправлялся к своему другу. Вместе они писали песни, а потом перебирались в кухню и готовили себе огромные порции карбонары[5]. Амос научился взбивать яйцо, обжаривать грудинку с чесноком и готовить соус. Друзья много беседовали о жизни, дружбе, любви; они говорили и прекрасно понимали друг друга, разбавляя разговоры добрым вином из семейных виноградников и порой позволяя себе выкурить пару тосканских сигар. Амосу нравилось докуривать до конца, и он выбрасывал сигару лишь тогда, когда она начинала обжигать ему пальцы. Курил он, разумеется, не затягиваясь: просто пускал дым, который опьянял его своим ароматом и помогал изгонять треволнения и грустные мысли, страхи и недовольство.

Чем больше он курил и выпивал, тем веселее и разговорчивей становился, тем свободнее говорил о себе, о своих мечтах и причинах, которые не давали им исполниться. Корни этих причин крылись в общей несправедливости жизненного уклада, в позорных компромиссах, на которые идут люди, готовые на все ради достижения своих целей. Когда у него разыгрывалось

воображение, он говорил так убедительно, что забывал о белых пятнах в своем образовании, о собственной лени и поверхностности. Адриано выслушивал его терпеливо и с пониманием, подбадривал, а Амос в свою очередь, считая этого человеком честным, гордился уважением друга, который продолжал поддерживать его, хоть ему и никак не удавалось реализовать свои планы.

Амос все больше утверждался в мысли, что все дискографические боссы тупы и непрофессиональны, что директора телеканалов все до единого – коррумпированные рабы власти, зависимые от политики, и что, соответственно, в области музыки карьеру сделать практически невозможно – по крайней мере, если хочешь базироваться на старинных принципах честности, таланта и воли…

Его экзальтация порой доходила до такого состояния, что он переставал отдавать себе отчет в глупости и недальновидности подобных рассуждений. Если бы он хоть на мгновение задумался, то понял бы, что обычно такие разговоры ведут те, кто из-за собственной лени или никчемности никогда не приходит к финишу первым.

Когда Адриано уходил и Амос оставался наедине с самим собой, определенные сомнения все-таки начинали мучить его. Недавняя эйфория улетучивалась, подобно тому как рассеивается ночной туман при первых же лучах яркого летнего солнца. Тогда Амос ложился в постель и пытался как можно быстрее уснуть. Утром же, ополоснувшись прохладной водой, как он обычно делал еще со времен учебы в колледже, он припоминал свои вчерашние высказывания и начинал стыдиться того, что в очередной раз выставил напоказ собственные страхи и слабости – наименее благородную часть своей натуры.

Синьор Этторе продолжал каждый день навещать своего юного друга и всегда приносил с собой очередную книгу. Эти книги обычно становились темой для их оживленных дискуссий. Даже в сложный период разброда и шатаний Этторе оставался для Амоса одним из важнейших учителей жизни. Не воспринимая своего эмоционального воспитанника слишком всерьез, Этторе изо дня в день советовал ему быть практичным, не предаваться бессмысленным мечтам и не лелеять напрасные надежды; он убеждал Амоса не забрасывать учебу, ведь в дальнейшем именно на этом фундаменте он мог бы строить свои новые жизненные планы, которые при этом никак не препятствовали бы потенциальной карьере артиста…

Амоса его советы очень раздражали, но все же ему приходилось смириться с реальностью: в очередной раз он

признавал за Этторе поразительную логичность рассуждений, не слишком свойственную ему самому, – хотя день за днем, месяц за месяцем в Амосе вызревал настоящий протест против насмешек судьбы. Что-то подсказывало ему, что не стоит бросать задуманное и слагать оружие, к вящему удовольствию тех, кто не верил в него и смеялся над его иллюзиями. Поэтому он продолжал писать песни, петь, репетировать и рассылать свои записи направо и налево, в надежде, что кто-нибудь поверит в него, но каждый раз ему отвечали одно и то же: мол, недостаточно иметь хорошие вокальные данные – необходимо быть оригинальным, обладать более определенной и узнаваемой индивидуальностью…

Амос протестовал, спорил, ругался, но одновременно с этим понимал, что с ним что-то не то, что необходимо кое-что подправить, усовершенствовать. Познакомившись как раз в этот период с одним молодым пианистом, он решил возобновить серьезные занятия фортепиано: расширение музыкальных знаний безусловно пойдет ему на пользу.

Карло, его новый учитель, поначалу отказывался, будучи уверенным, что Амос станет пренебрегать классическими занятиями, требующими от любого человека строгой дисциплины и самопожертвования. Но тот так настаивал, что Карло решил попробовать стать его преподавателем, и за короткий срок Амосу удалось развеять все его сомнения. Молодые люди подружились, и между ними установилось самое настоящее сотрудничество – гораздо большее, чем между любыми другими учителем и учеником: Карло все чаще садился за рояль, чтобы аккомпанировать Амосу, когда тот исполнял оперные арии, и постепенно они стали понимать друг друга все лучше и лучше.

Поначалу у них не получалось работать вместе: манера игры Карло была уж слишком академической, а исполнение Амоса было чрезмерно свободным, – но спустя некоторое время они сумели найти золотую середину. Великолепный пианист, Карло полюбил оперу и вскоре уже уверенно играл всевозможные арии. Обладая удивительной способностью играть с листа, он ставил ноты на подставку и ударял по клавишам, к радости Амоса, который наконец получил возможность развивать свой голос и совершенствовать вокальные данные, не подвергаясь пыткам, к которым он сам себя регулярно приговаривал до этого.

Занятия дарили ему новую энергию, новый энтузиазм. Он купил небольшой прицеп, куда можно было загружать всю электронную аппаратуру, и стал прицеплять его к отцовскому внедорожнику и ездить играть куда только вздумается: в ночные клубы, на деревенские праздники, на свадьбы, в гостиницы, в

рестораны, на площади… Отец терпеливо сопровождал его повсюду, и они вдвоем таскали на плечах тяжеленные колонки, усилители звука, клавишные. Затем Амос занимался подключением всей этой аппаратуры, а когда все было готово, весь мокрый, бежал освежиться и потом пел и играл в течение двух, трех, а то и четырех часов подряд. В конце он всегда чувствовал себя удовлетворенным и счастливым: ему казалось, что эта деятельность компенсирует те долгие часы безудержного веселья и бездельничанья, которые в глубине души заставляли его мучиться угрызениями совести.

Однажды летним вечером, вместе с Кристиано и Марио, давним приятелем с Сардинии, к которому Амос был очень привязан, они отправились в Боскетто, в ресторан под открытым небом, где играть было одно удовольствие из-за того, что там всегда собиралась хорошая компания и можно было вдоволь подышать свежим воздухом. Марио пребывал в шаловливом расположении духа, что с ним случалось нечасто. Он склонился к Амосу и прошептал ему в самое ухо, стараясь говорить как можно тише, чтобы звук голоса не достиг стоявшего почти вплотную микрофона: «Тут две девчонки хотят непременно с тобой познакомиться, и они очень даже ничего…» Он прервался и покосился на двух девушек, которые уже стояли на ступеньках, ведущих к оборудованной для пианиста сцене. Марио подал знак, чтобы они поднялись, и представил их Амосу, который, как часто бывает в таких случаях, даже не расслышал имен: он протянул им руку, сказал пару вежливых фраз и пообещал, что во время перерыва посидит с ними немного. Девушки попрощались и тут же вернулись на свои места.

Спустя примерно четверть часа Амос сидел за столиком и радостно улыбался своим друзьям и девушкам, с которыми только что познакомился. Он и знать не знал, что эта встреча многое изменит в его жизни.

Он быстро понял, что Клаудия и Элена – симпатичные и веселые девушки. Обе были невероятно грациозны в своих летних платьицах, обнажавших загорелую кожу и подчеркивавших их юную свежесть. Со свойственной их возрасту искренностью девочки признались, что им только исполнилось по семнадцать лет; Элене в будущем году предстояло сдавать экзамены на аттестат зрелости, а Клаудия, которая училась в техникуме, жаловалась, что впереди у нее еще целых два года учебы. Ему нравилось слушать эти немного инфантильные, школярские разговоры, нравились их смущенные смешки, нежные голоса, и он довольно свободно поддерживал разговор заинтересованными вопросами, короткими замечаниями или подходящими

комментариями по поводу планов девушек и высказанных ими мыслей… Их болтовня была столь приятной, что Амос даже не заметил, что его перерыв продлился дольше обычного; тут владелец заведения взял стул, придвинул к их столику и сел рядом с ним.

Амос все понял и быстро встал, но хозяин любезным тоном поинтересовался, не желает ли он выпить чего-нибудь перед тем, как продолжать работу, а потом, поскольку Амос отказался, посчитал своим долгом сказать несколько приятных слов в адрес сидевших рядышком девушек: «Сыграй что-нибудь и бери скорее следующий перерыв, чтобы вернуться сюда – девушки этого заслуживают!» Смеясь, он посмотрел на двух подружек, которые, честно говоря, не обращали на него почти никакого внимания и даже, напротив, были слегка смущены его присутствием.

Пока Амос играл, Марио, оставшийся сидеть за столиком, старался выяснить, в какую сторону простираются интересы этих двух симпатичных школьниц. Амос же, как только освободился, с некоторой растерянностью признался Марио, что не представляет себе, как можно проводить время с такими молоденькими девочками, чистыми и невинными, к тому же из хороших семей и вряд ли заинтересованными в общении с мужчинами такого возраста и особенно такой репутации. Не стоило забывать и о том, что отец Элены – известный адвокат. «Эдак мы закончим за решеткой!» – пошутил Амос, хотя Марио вовсе не разделял его мнение.

Вообще-то, Амос и сам говорил одно, а думал совсем другое: он не мог дождаться, когда можно будет снова вернуться за столик, где незадолго до этого общество Элены и Клаудии, их искренность, простая и прямая манера общения, их чистые лица, не тронутые косметикой, произвели на него эффект глотка холодной воды в знойный день. Но когда он спустился со сцены и направился к столу, так неохотно покинутому им час назад, ему пришлось задержаться с другими людьми, которые хвалили его или просили сыграть их любимую песню; потом его перехватил хозяин, который повел его в бар, чтобы представить каким-то важным людям. Бедный музыкант сидел как на иголках, но был вынужден оставаться с ними и быть любезным, как обычно, прекрасно понимая, насколько важны в любом деле связи.

Пока он отсутствовал, Марио не терял времени даром и подверг новых подруг шутливому допросу, во время которого выяснил, что Элена очарована Амосом и его голосом. Впрочем, не только голосом. Тогда он вдруг встал, подошел к другу и, извинившись перед всеми за неожиданное вторжение, взял его под руку, отвел в сторону и, хохоча, звонко сказал со своим

неподражаемым выговором жителя Сардинии: «Я тебе всегда говорил, что ты ни черта не смыслишь в женщинах! Ни черта!»

Амос заулыбался. Любопытство переполняло его, и Марио не стал долго тянуть: «Не такие уж мы старые! В особенности ты, как мне кажется! По-моему, у тебя неплохие перспективы».

На следующий день Амос организовал поездку на море, пригласив Клаудию и Элену. Когда они приехали на пляж в Чечину, Амос взял Элену под ручку и отделился с ней от остальной компании. На этот раз он говорил с ней более серьезным тоном, нежели накануне вечером. Он вынудил ее рассказать о себе, своем характере, своих мечтах, а потом настала и его очередь рисовать автопортрет. Он говорил и впервые чувствовал необходимость описывать себя с максимальной честностью, даже немного преувеличивая свои недостатки и замалчивая достоинства. Он чувствовал, что Элена видит в нем сильного и смелого мужчину, ощущал на себе ее нежный и ласковый взгляд, взгляд, которого он не считал себя достойным, в особенности когда задумывался о своем недавнем прошлом и том разгульном образе жизни и непозволительном легкомыслии, что сейчас не вызывали в нем ничего, кроме отчаянного стыда. Шаг за шагом, он начинал понимать, что в нем происходят какие-то перемены.

Солнце в зените нещадно обжигало их, и они смочили водой головы и плечи, а потом отправились назад, в поисках тени. Когда они наконец растянулись рядышком на песке, то внезапно почувствовали, что больше не чужие, напротив, они созданы друг для друга. Их губы соприкоснулись в нежном поцелуе, обещавшем обоим счастье и покой, невзирая ни на разницу в возрасте, ни на столь разнившийся жизненный опыт, ни на отличие во взглядах на жизнь… Элену привлекала зрелость Амоса, его уверенность в себе, его внешность; а Амос был покорен ее хрупкостью, робостью, незнанием жизни, ее наивным переливчатым смехом. Рядом с этой девчушкой, которая не пыталась опекать его, вести себя по-матерински, а, наоборот, хотела, чтобы он вел ее за собой, давал ей советы, защищал, лепил в соответствии с собственным идеалом женщины, который, похоже, разделяла и она сама, Амос, возможно, в первый раз почувствовал себя мужчиной, каким всегда безуспешно пытался стать.

XXIV

Спустя несколько дней Элена в первый раз приехала в Лайатико. Амосу так не терпелось показать ей эти дорогие его сердцу места, с которыми были связаны самые чудесные воспоминания детства и ранней юности, что он решил немедленно повезти ее в родную деревню, несмотря на жаркое полуденное солнце и душную атмосферу конца лета.

Они пешком прогулялись по площади и зашли в бар на углу виа Гарибальди, чтобы освежиться стаканом холодной воды. В этот момент взгляды всех присутствующих – и клиентов, сидевших за столиками, и игроков в карты – были направлены на Элену, которую никто не знал и никогда раньше не видел. Разумеется, она сразу заметила это, и ей даже показалось вдруг, что окружающие резко понизили голос, хотя прежде говорили совершенно нормально, но это продлилось всего несколько секунд, а потом все стало по-прежнему.

Амосу, который в разговоре с Эленой только что упомянул, насколько любопытны жители маленьких местечек, понравился эффект, это невинное внимание к своей юной подруге. Она с улыбкой придвинулась к нему поближе, словно говоря: «Ты в очередной раз был прав, и я люблю тебя за твою правоту! Ведь ты знаешь мир, как никто другой!..»

Потом они вышли и, пройдя вперед по виа Гарибальди, перешли дорогу и оказались в небольшом луна-парке, где в тени двух кипарисов нашли свободную скамейку. Они устали, им было ужасно жарко, но оба чувствовали себя такими счастливыми вместе – здесь или где-то еще, неважно.

После долгого молчания Элена внезапно обратилась к Амосу. «Я хочу всегда быть с тобой! Всегда!» – сказала она. Амос улыбнулся и поцеловал ее. «Тогда оставайся у меня до вечера, приготовим ужин, к примеру, и…» – попросил Амос, которому часы, проведенные с Эленой, показались слишком короткими. «Я бы рада! Но что я скажу дома?» – «Придумаем потом», – ответил он, оживившись от перспективы провести целый вечер с Эленой. Наконец-то они останутся наедине в огромном отцовском доме и смогут насладиться первыми ростками счастья, на которое оба так рассчитывали и надеялись в будущем.

«Тогда сходи купи что-нибудь; смотри, вон там, на площади, два продуктовых магазина, выбирай любой», – сказал Амос, доставая из кармана бумажник, и вручил Элене несколько банкнот. Поначалу она проявила неуверенность, но потом решилась, поднялась со скамейки и не спеша направилась в

сторону площади.

Оставшись один, Амос растянулся на лавке, подложив руку под голову, а вторую вытянув вдоль тела, прикрыл глаза и погрузился в необычное состояние – нечто между реальностью и воображением, смешавшимися в причудливый коктейль, мгновенно затуманивший ему мозг. Думая об Элене, он явственно увидел, как она шагает, оглядывается по сторонам, краснеет от смущения под чужими взглядами, теряется и ищет дорогу к магазину. Но вдруг он услышал, как она зовет его, встал и быстро пошел навстречу, чтобы проводить ее до самого входа.

«Я буду ждать тебя здесь», – сказал он ей, сложив руки за спиной и опираясь о стену.

Войдя внутрь, Элена остановилась посреди магазина и огляделась, чтобы понять, что можно купить. Возможно, она впервые совершала покупки без привычных маминых советов и поддержки.

Амос подумал об этом, и как раз в этот момент из магазина выскочила его знакомая по имени Карла, учившаяся в техникуме в здешних краях, девушка сообразительная и без предрассудков. С ней у Амоса недавно был короткий роман. Они расстались по желанию Амоса с месяц назад, так как ему показалось, что она уж слишком интересуется его финансовым положением. Но сейчас ему не в чем было ее упрекнуть, разве что она не слишком вежливо повела бы себя с Эленой.

Через некоторое время стеклянные двери магазина вновь распахнулись, и оттуда вышла Гайа, которая несла в руках пакет с продуктами. Проходя мимо Амоса, она рассеянно поздоровалась с ним и пошла своей дорогой.

Амос был погружен в свои мысли, когда из магазина до его ушей вдруг донесся женский голос, который громко и раздраженно говорил: «Извини, но это я отложила для себя! Мне жаль, но тебе придется взять другой!» Этот эмилианский акцент он бы ни с чем не перепутал! Неужели действительно она? Амос узнал голос еще одной своей бывшей девушки, с которой он провел целое лето. Но в определенный момент она проявила себя как лживая приспособленка, доставив Амосу массу горьких переживаний. Но что она делает здесь, в Лайатико? Может быть, ей нужно что-то от него? И почему она взъелась на Элену, которая и так робко извинилась перед ней и отдала то, что та потребовала? Пока он задавал себе эти вопросы, и эта его бывшая пассия покинула магазин и, не удостоив его ни единым взглядом, отправилась восвояси. «Ну и слава богу!» – подумал он.

Он вошел в магазин. Кассирша радостно приветствовала его и тут же переключила свое внимание на Элену: «Синьорина,

смотрите-ка, вас, кажется, ищут!» Элена обернулась, и вдруг еще один голос буквально заставил его подскочить: это была Марика, которая торопливо поздоровалась с ним, выбегая на улицу с пакетами в руках.

«Как странно, – подумал он, – почему они все оказались здесь одновременно?»

Элена пошла ему навстречу; в руках у нее был пакетик, в который она заботливо сложила три маленькие сосиски. «Это были последние, – объяснила она. – Какая-то девушка передо мной купила все остальные, а эти лежали такие одинокие, в ожидании, что и их кто-нибудь купит, вот я и взяла. Они хоть и самые маленькие, но наверняка самые вкусные! Правда же?» Амос растрогался и с умилением погладил ее по распущенным волосам, мягкими волнами ниспадающим на плечи. Элена добавила: «Пойду поищу что-нибудь еще, я быстро, жди меня здесь» – и направилась к одному из прилавков, за которым худая невысокая продавщица средних лет с немного болезненным видом и нервными жестами то нарезала хлеб, то раскладывала фокаччу[6] с кусками великолепной соленой ветчины. Элена попросила у нее немного такой ветчины, и женщина завернула ей пять или шесть ломтиков, но когда Элена вновь подошла к Амосу, она показалась ему немного грустной. «Что с тобой?» – спросил он, и она, нахмурившись, ответила: «Продавщица завернула мне слишком жирные куски ветчины, от которых отказалась девушка, стоявшая передо мной. Но я…» Амос проникся к ней нежностью, которая буквально переполняла его сердце. Ему хотелось утешить ее, сказать, что и с жиром эта ветчина очень вкусная, но он не смог. «Откуда берется, – подумал он, – вся эта милая женственность? Как мне не затоптать случайно эту редкую теплоту? Я женюсь на ней, буду всегда рядом и буду биться за то, чтобы она всегда была счастлива со мной и могла мной гордиться».

Он был счастлив, взволнован и полон благих намерений.

Но тут произошло нечто, что в одно мгновение грубо остановило плавное течение его мыслей: он почувствовал на своем лице необычное тепло, вздрогнул и… проснулся. Оказалось, что он крепко уснул, и ему приснился престранный сон. Он поверить не мог, но это было именно так. Элена вернулась, обнаружила его спящим и прикрыла ему своими ладонями глаза, как делала обычно, если ей казалось, что он недостаточно весел, потому что, когда он чувствовал прикосновение ее рук, улыбка всегда освещала его лицо. На этот раз Элена быстро убрала ладони, чтобы проверить, проснулся ли он, а потом, склонившись над любимым, приникла губами к его

губам. Поцелуй вырвал Амоса из объятий Морфея и пробудил в нем нечто таинственное, идущее из глубин подсознания. Как иногда случается, сон помог ему понять о юной возлюбленной то, что до этого он ощущал лишь бессознательно. В нем смешались факты, ощущения, давний и новый жизненный опыт, убеждения, эмоции, приятные и болезненные воспоминания; и все это настолько прояснило ум Амоса, что, и пробудившись, он не изменил своего мнения. «Я женюсь на ней», – подумал он с решимостью, и его сердце запело от радости.

Вечером, за ужином, Амос вновь задумался о своем сне. По сравнению с другими девушками, с которыми он встречался раньше и которые промелькнули в его сновидении, подобно кадрам старой кинопленки, Элена была самая настоящая, самая нежная, самая любящая. Она больше, чем кто-либо другой, отвечала его идеалу подруги. Как иногда бывает с тем, кого взволновало приснившееся, Амос словно продолжал грезить наяву. Он заключил Элену в объятия и впервые сознательно признался ей в любви.

Несколько дней спустя, сидя за клавишными и наигрывая очередную мелодию, он вдруг необъяснимым образом почувствовал глубокую печаль. В этот вечер его пришли послушать родители и Элена; но заведение, где он выступал, казалось ему мрачным подвалом, а непогода, бушевавшая за окном, портила настроение. Но была и другая причина, гораздо более серьезная, – неразрешенная проблема, которая заставляла Амоса нервничать: что будет с ним и с семьей, которую он собирается создать в скором времени, если он не займется делом более серьезным и конкретным, чем легковесная работа пианистом в баре, по большому счету не приносящая ему ни особого удовлетворения, ни гарантированных заработков. Эта неуверенность в завтрашнем дне, которая читалась и в глазах его родителей, заставляла Амоса страдать и все больше превращала его в мрачного ипохондрика. Он исполнял одну за другой грустные песни и мечтал, чтобы вечер быстрее закончился.

Элена, сидевшая за столиком со своими будущими свекрами, ни на секунду не сводила с Амоса пристального взгляда, и от нее не укрылась его тревога; тогда она встала со своего места и села рядом с ним. Амос тут же перестал петь и, продолжая наигрывать что-то, невольно разговорился с ней, стал строить планы вслух, а потом, неожиданно для себя самого, спросил ее, готова ли она к вступлению в брак. Элена была одновременно и изумлена, и счастлива, счастлива до такой степени, что ее детскому восторгу буквально не было конца.

Но чем больше возрастал энтузиазм Элены и ее желание

поскорее надеть свадебное платье, тем мучительнее становились сомнения Амоса, сомнения, которые касались, разумеется, не невесты, а его собственных возможностей самостоятельно содержать семью и сделать жену счастливой. Хотя Элена и демонстрировала здравый смысл и откровенную готовность на жертвы, Амосу совершенно не хотелось почувствовать себя банкротом в будущих отношениях из-за финансовых проблем или – того хуже – из-за невозможности реализовать себя в надежной работе. Он планировал создать семью только в момент, когда у него появятся достаточные материальные ресурсы и он сможет не опираться на финансовую помощь отца, ведь это было бы для него самым большим унижением.

Он решил поговорить об этом с Эленой, но она не поняла его или же просто не хотела понимать: влюбленная женщина всегда стремится к браку – это так же естественно, как падение на землю груза под воздействием силы тяготения. Амос, раньше знавший об этом лишь понаслышке, теперь получил возможность убедиться на собственном опыте. Однако ему подобное поведение Элены, в определенном смысле вполне закономерное, казалось полным непониманием, и они частенько схлестывались в спорах на эту тему. С каждым разом такие споры становились все болезненнее для Амоса. А провоцировала их Элена одной и той же фразой, которая веселила его даже тогда, когда ему хотелось оставаться серьезным: «Ну когда же мы будем навсегда вместе?!» От этого вопроса, произнесенного с грустным и смиренным видом, он пытался защищаться словами: «Ну вот опять! Давай не будем! Вечно одно и то же!» Но она будто не слышала и продолжала решительно и горячо настаивать на своем, чем немало удивляла Амоса.

Так прошел целый год; Элена без особых трудностей, но и без особых успехов сдала выпускные экзамены и, чтобы не сидеть сложа руки, сразу же стала работать вместе со своей сестрой, которая недавно открыла ювелирную мастерскую и теперь делала оригинальные украшения. Элена быстро научилась разрабатывать свои собственные модели, освоила плавку драгоценных металлов, многочисленные ювелирные инструменты, научилась придавать форму тончайшим пластинам золота и серебра. Это была работа, которая, с одной стороны, очень утомляла ее, испытывая порой ее терпение, а с другой – заставляла ее чувствовать себя счастливой и самореализовавшейся; но главное – теперь она могла в пух и прах разбить ту необъяснимую и неизлечимую неуверенность в будущем, которая подталкивала Амоса к отсрочке их свадьбы. «У меня есть работа, – частенько говорила она, – и если все пойдет не совсем так, как ты рассчитываешь, мы будем довольствоваться

тем малым, что приносит мое дело. Почему ты так беспокоишься?»

Но Амос все пытался тянуть время, а пока делал все возможное, чтобы пробиться, чтобы найти себя, каким бы сложным ни был этот путь. У него практически не осталось иллюзий: Элена во что бы то ни стало хотела выйти за него замуж; да и ему самому становилось неловко перед родителями, которые каждый божий день забрасывали его то упреками и советами, то знаками внимания и посулами. Амос чувствовал необходимость жить своей жизнью, следовать своим путем – это преследовало его, будто боль, которую он терпел, считая, что она в порядке вещей. Однако однажды, после особенно горячей семейной дискуссии, он вдруг сделался задумчивым и произнес: «Настало время мужчине покинуть отца и мать». Затем развернулся и ушел с довольным видом судьи, гордого вынесенным приговором, или оракула, разоблачившего страшную тайну.

Тем временем жизнь Амоса продолжала течь спокойно и однообразно, несмотря на повторяющиеся раз за разом неудачи, преследовавшие его в поисках звукозаписывающей компании, которая бы реализовала его проект. Ну почему, если с самого детства все просили его спеть, а он, будучи застенчивым и стеснительным, сначала отказывался, а потом все же соглашался, с каждым разом все больше убеждаясь в том, что это его судьба, – почему же дискографические боссы сейчас оставались равнодушными к его пению, его вокальным данным и артистичности, обычно приводившим в восторг всех окружающих?! Если бы они отнеслись к нему с чуть большим доверием, вот он удивил бы их: он бы вложил в дело всю свою душу, и результаты были бы поразительными!

Амос был в этом абсолютно уверен, но каждый раз слышал в свой адрес одно и то же: хорошо поете, молодец, в этом нет никаких сомнений, но этого недостаточно; в том, что вы делаете, нет ничего нового, а на музыкальном рынке сейчас кризис, и существует животрепещущая необходимость в абсолютно новых веяниях, в чем-то оригинальном и современном. К этому добавлялись разного рода оценки, не выслушивать которые он не мог; и ему приходилось выносить их со смирением человека, словно созданного для того, чтобы его судили, давали советы, лишали иллюзий, как если бы окружающие могли лучше него найти решение его проблем, определить и избавить его от причин неудач, оградить от рисков и трудностей. Но Амос знал, что не принадлежит к типу людей, которые легко сдаются: в свое время он решительно отказался от санок и встал на лыжи на глазах у

потрясенных и обескураженных родителей и друзей; уговорил своего друга Серджио сесть на подаренный отцом двухместный велосипед-тандем позади него; седлал норовистых коней, вопреки возражениям псевдоэкспертов, которые слезали с лошади и с видом знатоков, сокрушенно качая головой, отговаривали его, во избежание инцидентов, седлать это животное, слишком сложное для столь «неумелого» наездника. Амос помнил и тот день, когда родители пытались убедить его не ехать на каток с братом, а он сделал по-своему, и все у него прошло прекрасно, в то время как Альберто поскользнулся и сломал руку.

Он помнил это и многое другое и пришел к выводу, что правы англичане, считающие, что «единственное, чего стоит бояться, так это самого страха» и что «кто хочет – тот добьется». Он жил с уверенностью, что бояться ему нечего, чувствовал себя сильным и верил в будущее. Он знал, что ничего не получается без приложения усилий и чуточки удачи, но был готов к любым жертвам и любому риску: в жизни ему порой приходилось преодолевать непреодолимое, и судьба предоставляла ему возможность совершать все новые и новые попытки; но сейчас ему пришлось остановиться на том пути, по которому он двигался все это время. Казалось, ему следует навсегда забыть об опере из-за тысячи проблем, связанных с невозможностью видеть сцену, дирижерскую палочку, движения и жесты исполнителей, – проблем, представлявшихся неразрешимыми. Но Амос чувствовал, что и это он сможет преодолеть; он знал, что ключ к реализации мечты заключается в том, чтобы считать невозможное возможным… Только вот кто согласится быть рядом с ним во всем этом предприятии? Кто будет заинтересован в том, чтобы рисковать лишь ради того, чтобы доказать, что все в этом мире возможно и что выход есть, было бы желание? Никто!

Амос прекрасно знал, что все стали бы привычно отговаривать его с отеческим видом, и поэтому очень пессимистично смотрел на вероятность победы в этом сражении; кроме того, он уже не раз проверял на собственной шкуре, каково это – затевать бой, проигранный априори. Бессмысленно и болезненно.

Возможно, это и было главной причиной его неудавшихся попыток сделать карьеру в мире легкой музыки – попыток, которые пока что не предвещали благоприятного исхода.

XXV

Невзирая на то что мечты рассыпались в прах одна за другой, Амос продолжал прилагать массу усилий к тому, чтобы добиться своих целей. В нем происходили большие изменения.

Намереваясь хорошенько подготовиться к госэкзамену, он поступил на постуниверситетские курсы, а в свободное время продолжал записывать песни, рассылать кассеты и играть в ресторанах и барах. Тем временем конкуренция вокруг становилась все агрессивнее, в основном в связи с распространением компьютерных технологий и появлением музыкальных фонограмм, под которые можно было напевать без особого напряжения.

Амос великолепно отдавал себе отчет в том, что рассчитывать на этот род деятельности ему не приходится и что время играет не в его пользу: ему было уже не двадцать лет, и, соответственно, места для иллюзий не оставалось. Но вместо того, чтобы чувствовать себя отчаявшимся, побежденным или, по крайней мере, серьезно обеспокоенным, он наслаждался покоем и ясностью мысли, с каждым днем делавшими его сильнее и увереннее в себе: он был в ладах с собственной совестью, ибо хорошо знал, что делает все возможное, совершенствуясь в учебе и работе.

«После грозы всегда сияет солнце», – говорил ему Этторе по разным случаям, и было нечто необъяснимое и неподдающееся расшифровке в уверенности Амоса, что вскоре и для него вспыхнет солнечный свет среди туч. А пока он с искренним восхищением наблюдал за успехами других людей в области музыки и смеялся над теми, кто, в страхе ранить собственное самолюбие, пытался приуменьшать чужие успехи. Так жизнь казалась ему проще и прекрасней. Он чувствовал легкость и свободу, был открытым и раскованным и лучше понимал происходящее вокруг.

Заново оценивая качество собственных песен, он понял, что в них и в самом деле не хватало оригинальности и, может быть, даже силы. Они были творениями автора-любителя, грамматически правильными, но не более того. В его манере исполнения отсутствовал характер. Тембр был приятным, хотя в голосе иногда отчетливо слышались напряжение, надрыв, что не могло удовлетворять даже его самого. Как же быть?

В один прекрасный день, закончив работу, настройщик позвал Амоса опробовать пианино. Он сел, сыграл несколько произвольных гамм и арпеджио, а потом, взяв си бемоль мажор,

начал исполнять «Аве Марию» Шуберта. Опасаясь сложностей с левой рукой, на которую партитура возлагает основную нагрузку, на последних аккордах вступления он решил помочь себе голосом. Настройщик слушал его, опершись локтями о пианино.

Закончив исполнение, Амос поднялся с табурета и с улыбкой похвалил настройщика за работу, затем предложил молодому человеку передохнуть и пригласил его на кухню выпить чашечку кофе. Настройщик, казалось, о чем-то глубоко задумался – возможно, пытался придумать, что сказать о вокале Амоса, подбирал вежливые слова? Амосу захотелось избавить его от неловкости, но тот вдруг сам обратился к нему: «Прости мою откровенность, но я просто считаю своим долгом сказать, что с таким голосом ты мог бы добиться потрясающих результатов, если бы стал заниматься с хорошим учителем по вокалу».

Амос очень удивился: уже много лет никто не ставил перед ним вопрос о занятиях вокалом; с тех пор, как он забросил идею о театральной карьере, мысль о том, чтобы брать уроки пения у профессионала, не приходила ему в голову. Теперь же этот неожиданный и беспристрастный совет, показавшийся ему очень искренним, заставил его задуматься.

«Я знаю одного потрясающего учителя, – сказал настройщик, – он уже пожилой человек и сейчас на пенсии. Недавно вернулся в Прато, свой родной город. На протяжении пятидесяти лет он работал с самыми выдающимися певцами, а теперь вот дает частные уроки. Если хочешь, могу проводить тебя к нему – я как раз поеду настраивать ему пианино». Амос молчал. «Подумай», – проговорил настройщик, а Амос, ходивший взад-вперед по комнате, внезапно остановился перед ним и предложил: «Оставайся на обед, и мы поговорим об этом». – «Хорошо, останусь».

Спустя несколько дней Амос вместе с матерью ехал на машине в сторону Прато. Припарковавшись на площади Меркатале, они пешком отправились в сторону площади Дуомо. Неподалеку от собора, который находился справа от них, Амос придержал мать за руку и остановился, пораженный нежной музыкой, в которой он сразу узнал знаменитое «Адажио» Альбинони. Но женщина очень торопилась, она нервничала и опасалась простуды в эти холодные предрождественские дни, когда ледяной ветер с силой дул им прямо в лицо. Они пересекли площадь и пошли по левой стороне виа Маньольфи, где и находился дом маэстро Беттарини. Они поднялись на четыре лестничных пролета и позвонили в дверь. Их встретила любезная женщина, одетая просто, но со вкусом: это была супруга учителя. Позже Амос узнал, что раньше она была оперной певицей, а

теперь помогала мужу давать уроки.

После церемонии знакомства хозяйка дома провела гостей в кабинет – просторную комнату со стоящим в центре пианино, с диванами, красивым письменным столом, заваленным бумагами, книжными полками, забитыми книгами и нотами, а также открытым шкафчиком с бронзовыми и серебряными фигурками кентавра, химеры и других мифологических персонажей, на которых Амос, честно говоря, не обратил особого внимания.

Когда он вошел в комнату, учитель легко встал с кресла и протянул ему руку; потом, слегка склонив голову, представился синьоре Барди. Это был высокий худой старик, лицо которого еще хранило следы былой красоты.

Амос коротко рассказал о причине визита, не забыв вскользь намекнуть о своих надеждах. Старый учитель терпеливо слушал его, а потом сел за пианино. «Что бы ты хотел нам исполнить?» – спросил он. Амос сделал вид, что задумался на мгновение, а потом ответил: «Арию из „Тоски“. Сойдет?» – «Какую именно?» – переспросил учитель, по-доброму улыбаясь. «Вторую, а точнее, последнюю», – уточнил Амос, и маэстро без всяких нот начал играть знаменитую мелодию, написанную Пуччини для кларнета.

Амос спел эту арию, как мог; он вложил в исполнение всего себя и, когда смолк последний аккорд, оперся о пианино, волнуясь, каким же будет мнение учителя о его способностях. В эти краткие мгновения он понимал, что именно сейчас прозвучит та единственно честная, компетентная и окончательная оценка его вокальных данных, и он сказал себе, что, если она будет низкой, он навсегда закроет эту тему. Наконец-то хоть кто-то скажет ему чистую правду.

На лице маэстро появилось торжественное выражение, и он заговорил пророческим тоном, который обычно появляется у тех, кому приходится выносить свои суждения или сентенции и давать советы, которых кто-то очень ждет. «У тебя золотой голос, сынок!» – произнес он. Потом, после длинной паузы, добавил: «Только вот когда ты поешь, то все делаешь не так, как надо. Занятия не только подчеркнут твои вокальные данные, но и навсегда избавят от необходимости так напрягать голос во время исполнения – короче говоря, помогут тебе правильно петь. В общем, скажу откровенно: то, как ты поешь, может поразить слух профанов, но от профессионалов, увы, не ускользнут некоторые твои ошибки…»

Амос внимательно слушал. Никто никогда не говорил с ним так. «Неплохо!» – подумал он. Впрочем, выбора у него не было. В сущности, маэстро хотел сказать следующее: так петь нельзя, но есть способ исправить положение, было бы желание.

«А желание есть, и еще какое!» – признался себе Амос.

Синьора Барди, которая придерживалась такого же мнения, что и ее сын, со свойственной ей стремительностью и предприимчивостью в делах немедленно обсудила с учителем вопросы платы за уроки, время и расписание занятий. Затем, окончательно уверившись в том, что принятое решение было правильным, попрощалась и ушла.

В последующие дни Амос только и слышал, что о правильном дыхании, опоре, диафрагме, непрерывном звуке, постановке голоса, оттенках, фиксированном или чрезмерно вибрирующем звучании и о тысяче других вещей, раскрывших перед ним новые, широкие горизонты. Он слишком торопился, и маэстро упрекал его в том, что он не попадает в темп, а также объяснял ему, чем он рискует, неправильно используя голос или выбирая неподходящий репертуар. Шаг за шагом он вводил Амоса в мир, который, с одной стороны, очаровывал молодого человека, даруя незабываемые эмоции из прошлого, когда он с наслаждением слушал свои первые записи, а с другой – пугал и обескураживал его.

Словно подросток, переживающий свой первый любовный опыт, Амос желал, но не осмеливался до конца поверить в происходящее. Он отдавал занятиям всю душу, но никак не мог добиться необходимой естественности и раскованности. Поэтому прошло некоторое время, прежде чем он научился петь, не двигая головой, не поднимая плечи и не напрягая шейные мышцы. А когда он наконец достиг этой цели, то обнаружил, что это лишь первые шаги на длинном пути – главная работа была еще впереди.

Занятия вокалом вынудили Амоса вести новый образ жизни. Решив испробовать все средства, он бросил пить, решительно отказавшись от великолепного вина своего отца, и сел на богатую железом диету, которой обычно придерживаются спортсмены. Он сразу же стал чувствовать себя лучше: теперь он был свеж и бодр – и умом, и телом.

Теперь от него требовалась последняя жертва, самая тяжелая, но он пока решил на нее не идти: она заключалась в том, чтобы хранить полное молчание в дни выступлений; он неоднократно слышал об этом, но считал, что речь идет об одной из множества легенд, которыми окружена жизнь самых прославленных оперных исполнителей нашего века. Но позже ему все-таки пришлось покориться и этому своеобразному обету, чтобы быть окончательно уверенным в том, что он сделал все возможное для собственного голоса – голоса, который с каждым днем все больше становился для Амоса последним оплотом его надежд.

От голоса теперь зависело и его настроение: резкие подъемы чередовались со столь же резкими спадами.

Когда Амос слишком много пел, у него пропадал голос; тогда его охватывал отчаянный страх, одолевали сомнения, рождая в душе тоскливые предчувствия и угрызения совести. Ему совершенно не хотелось становиться одним из тех, кто попал в плен к собственным иллюзиям, став жертвой мечты, опасно переоценив себя и свои артистические способности: он знал, что такие люди кончают тем, что разрушают и собственную жизнь, и жизнь своих близких. Однако потом все возвращалось на круги своя, ибо голос, отдохнув положенное время, вновь обретал глубину и силу, и настроение Амоса опять взлетало до самых звезд.

Однажды, выходя из дома, чтобы ехать на занятия, в дверях Амос столкнулся с отцом; они поздоровались, и Амос сказал: «Терпение, пап, осталось совсем немного! Обещаю тебе, это моя последняя попытка!»

По дороге он задумался о том, чтобы поступить на какие-нибудь профессиональные курсы и пойти работать – возможно, массажистом – или принять участие в каком-нибудь конкурсе, чтобы получить место телефониста в банке или где-то еще. Он был готов на любую работу, лишь бы не сидеть больше на шее у отца.

Но однажды поздним вечером у него дома раздался звонок, который разжег в нем все былые надежды: звукозаписывающая компания в Модене, где он как-то реализовал один, им же придуманный и финансированный, проект, срочно приглашала его спеть вместе с известнейшим итальянским тенором. Речь шла о новом произведении: дуэте оперного певца и рок-исполнителя. Это были лишь пробы, но их должны отсматривать влиятельнейшие персоны дискографического бизнеса, и если все пройдет хорошо, то Амоса станут приглашать выступать с этой песней в разных концертах, где его наверняка заметят те, кто вершит судьбы в музыкальном мире.

На следующее утро он выехал в Модену. С ним поехали мать, всегда сопровождавшая его в подобных случаях, и Пьерпаоло, его юный приятель, помогавший Амосу в маленькой звукозаписывающей студии, которую он оборудовал у себя дома.

В Модене его встретили с распростертыми объятиями и провели в небольшой офис. Он тут же заметил, что вокруг царит немалое оживление; все входившие и выходившие переговаривались возбужденным шепотом, обсуждая то, что происходило в тот момент в самой студии: самые известные мировые музыканты помогали одному из любимейших публикой

исполнителей записать новый альбом, обещавший стать международным бестселлером. Амоса мгновенно захватила эта необычная атмосфера тайны и волшебства. Чтобы сразу зарекомендовать себя, он попросил у первого же оказавшегося рядом с ним человека партитуру той песни, которую ему предстояло спеть, чтобы хорошенько подготовиться, прежде чем предстать перед микрофоном. Он волновался, но был счастлив. Казалось, ему снится прекрасный сон.

Молодой человек, к которому он обратился, мило улыбнулся: «Не думаю, что у нас есть партитура. Но ты не волнуйся, сюда сейчас придет он сам и все тебе покажет».

Амос был несколько удивлен таким ответом, но в это мгновение ему не хотелось ни о чем думать; тем временем ему принесли чашечку кофе, и вокруг начался оживленный спор, где никто не скрывал своих восторгов и волнений.

Синьора Барди призывала всех к спокойствию, но было видно, что сама она волнуется и радуется не меньше, ведь именно она всегда больше всех надеялась и больше всех верила в способности сына и помогала ему реализовать его мечты – она, которая в первую очередь страдала от его неудач и от осознания того, что время неуклонно утекает, не принося Амосу ничего хорошего. А теперь она успокаивала окружающих, хотя подать пример никому не могла.

Вдруг в дверь постучали, и мужской голос с заметным эмилианским акцентом торжественно произнес: «Идет!»

Раздался шум шагов; парень, стоявший в дверях, отошел в сторону, и в комнату вошли три или четыре человека. Среди них был Дзуккеро, итальянский рок-музыкант, известный и любимый во всем мире. Пьерпаоло стиснул руку Амоса и прошептал: «Ну вот, наконец-то!»

Все прошло быстро и без проблем. Амос спел свою партию со страстью и душевным порывом, затем распрощался, поблагодарил всех и был отпущен.

Всю обратную дорогу Амос и его спутники по путешествию, что называется, грезили с открытыми глазами: им представлялись самые необыкновенные повороты судьбы. Амос не верил ни в то, что говорил сам, ни в то, что слышал, но делал вид, что верит, – точнее, заставлял себя поверить, ведь до этих самых пор его преследовали разочарования и неудачи…

Он с нетерпением ждал возвращения домой, чтобы рассказать все любимому отцу, такому молчаливому и скрытному, но при этом отдавшему бы все на свете ради того, чтобы мечты сына наконец исполнились.

Несколько дней у Амоса не было никакой информации о

результатах проб, и он делал над собой невероятные усилия, чтобы сохранять спокойствие и ясность мысли. Он заставлял себя не ждать ничего особенного. На самом деле с каждым днем его все больше охватывала тревога. Неужели и сейчас никто не обратит на него внимания?

Но в один прекрасный день, приняв душ и надевая теплый халат, Амос вдруг подскочил на месте, услышав телефонный звонок. Он прислушался, и до него долетел голос его любимой старенькой бабушки, которая говорила: «Сейчас позову, подождите минутку, пожалуйста!» Она громко окликнула его, и он ринулся к телефону. В трубке зазвучал незнакомый мужской голос с ярко выраженным говором жителя Болоньи. «Это Микеле», – представился он любезным тоном, без прочих уточнений. Собственно, в этом не было никакой необходимости: в последние дни Амос неоднократно слышал о нем и сразу узнал знаменитого Микеле Торпедине, менеджера многих артистов, в том числе и Дзуккеро. Затем с непонятной в тот момент для Амоса строгостью голос на том конце провода поинтересовался: «Мне нужно знать, действительно ли ты абсолютно свободен от любого рода контрактов?» Амос поспешно ответил, что да, свободен. «В таком случае, – продолжал его собеседник, – рекомендую тебе не подписывать никаких соглашений до моего возвращения и до нашей встречи. Вполне вероятно, что скоро на небосклоне засияет твоя счастливая звезда!»

Амосу не терпелось выяснить подробности, и он то и дело пытался перебить этого симпатичного незнакомца, который рассказывал ему о своей любимой Филадельфии, что по ту сторону океана, но кажется такой близкой. Не давая Амосу сказать ни слова, он поведал в свойственной ему торопливой манере, порой делавшей его речь совершенно непонятной, о своей недавней встрече с самым известным тенором наших дней – маэстро Паваротти, который для Амоса, так же как и для всех остальных поклонников оперы, был живой легендой. Оказывается, маэстро с интересом прослушал запись молодого тенора из Тосканы и весьма благосклонно отозвался о его голосе; как рассказал Микеле, он даже не поверил, что речь идет об обыкновенном, никому не известном музыканте из провинциального пиано-бара. Паваротти даже рассердился, сочтя, что Микеле подшучивает над ним, будто он не в состоянии отличить профессиональный тенор от обычного голоса… Микеле рассказывал и другие вещи, но Амос не слышал его. В конце разговора он распрощался и тепло поблагодарил собеседника, а потом, с выскакивающим из груди сердцем, кинулся к родителям, чтобы рассказать им эту прекрасную новость.

Он быстро спустился вниз и обнаружил, что его мать в саду, преспокойно занимается домашними делами вместе с Эленой. Он торопливо изложил все, задыхаясь от безудержного счастья; а потом, чтобы разделить свою радость с Эленой, сказал ей: «И раз все так, то можешь назначать дату нашей свадьбы!»

После этих слов обе женщины, до того слушавшие его с почти рассеянным видом, не прерывая работы, вдруг замерли, а затем одновременно бросились к нему, охваченные каждая своими эмоциями. Мама забросала его вопросами о телефонном разговоре с Микеле, этим «серым кардиналом», о котором столько говорили в последние дни в семье Барди и от которого теперь зависело все музыкальное будущее Амоса. Элена же с задумчивым видом слушала их, а потом деликатно перевела разговор на другую тему, робко спросив у Амоса, какое время года он считает наиболее подходящим для их бракосочетания.

Амос высказался неопределенно. Он казался себе всадником, отпустившим поводья, чтобы его конь мог почувствовать всю свободу, всю природную легкость, прежде чем взять очередное препятствие. Он знал об опасностях такого решения – только вот сейчас он ощущал себя неуверенным наездником, который не в силах подстегнуть свою лошадку пятками, голосом, может быть, даже мысленно…

Но хороший конь, знающий свое дело, не боится препятствий; так и Элена уже в этот вечер преодолела невольное сопротивление Амоса, и вместе они назначили дату своей свадьбы на 27 июня следующего года.

XXVI

Следующие месяцы прошли в лихорадочных приготовлениях к свадьбе и ремонте старого деревенского дома Барди, где должны были поселиться молодожены. При этом Амос много времени отдавал занятиям вокалом, игре на фортепиано и абсолютно безуспешным попыткам встретиться с Микеле, чтобы подписать с ним договор, который бы положил начало его музыкальной карьере.

Но добраться до Микеле было предприятием поистине невозможным: тот, словно угорь, ускользал всякий раз, когда Амосу уже казалось, что он поймал его. Если он пытался найти его в офисе, секретарши отвечали, что его нет или что он на совещании; если он осмеливался – что было гораздо реже – набрать личный номер и тот все-таки брал трубку, то их неизменно разъединяли либо Микеле говорил, что занят, и обещал перезвонить через пять минут; в этом случае Амос в тревоге ждал его звонка весь день, а не дождавшись, расстроенный и униженный, начинал придумывать для Микеле оправдания, найти которые было нелегко, поскольку он не слишком хорошо знал правила, царящие среди менеджеров в мире шоу-бизнеса.

Это были сложные времена для Амоса, но, по крайней мере, у него была конкретная цель, к которой он шел.

Между тем день свадьбы неумолимо приближался, и Амос все больше беспокоился о том, как будет содержать семью; эти мысли не давали ему покоя.

Он принял предложение дать концерт, организованный специально для него в маленьком, но прелестном театре неподалеку от его родных мест. Карло согласился аккомпанировать на фортепиано. Для Амоса это был первый оперный концерт: он понимал, что рискует, да и его учитель активно высказывался против, но для него настал момент считаться лишь с самим собой, чтобы наконец придать смысл своему существованию.

Оказавшись в гримерке, он впервые почувствовал, как его охватила паника. Ему хотелось сбежать, притвориться больным или заболеть на самом деле, лишь бы уклониться от выполнения своего долга. Но все уже было готово к его выходу на сцену, зал маленького театра был переполнен – его буквально атаковали местные любители музыки, которые съехались из близлежащих городков, чтобы послушать настоящий тенор – такой редкий в наши времена голос. Так что Амосу пришлось собраться с духом и

предстать перед зрителями.

Он пел, а точнее, кричал, используя до последней капли всю мощь своего голоса, и к концу концерта почти потерял его. Волею Божьей он дотянул до последней арии, и наконец пытка закончилась.

Он вернулся в гримерную и присел отдохнуть, не ведая, что произойдет в следующие мгновения: его ждала пренеприятнейшая вещь, к которой, как он понял, ему придется привыкать. В дверь постучали. Карло, который был с ним, пошел открывать, и в одну секунду маленькая комната заполнилась людьми. Одни молча пожимали ему руку и выходили, другие пытались поговорить с Амосом о том о сем. Какой-то невысокий мрачный тип средних лет подошел к нему и спросил: «Ну, и каково твое мнение о своем выступлении?»

Саркастический тон, которым был задан вопрос, подсказал Амосу, что слова следует выбирать с особой осторожностью. «Мнение высказывать не мне, а тем, кто сидел в зале и слушал», – ответил он. Мужчина хлопнул его по плечу: «Тебе нужно еще много учиться, прежде чем выходить петь перед публикой. Иначе испортишь себе карьеру!» Боль и унижение отразились на лице Амоса, но он взял себя в руки и находчиво ответил: «Непременно последую твоему совету». Эмоции захлестывали его, но он все-таки услышал, как другой голос произнес: «Но тембр у него просто прекрасный!» Это был президент ассоциации любителей музыки из соседнего городка. Интересно, он говорил честно или просто хотел утешить? Амосу не было покоя. Сомнения грызли его с новой силой, и он чувствовал себя грустной собакой, которую побил палкой ее собственный хозяин.

«Нужно все исправить!» – думал он на обратном пути.

На самом деле все нужно было не исправлять, а делать заново.

Этот опыт должен был послужить ему уроком: путь, которым он собирался следовать, не обещал быть ни простым, ни спокойным, – перед ним расстилалась тернистая дорога, полная козней, разочарований, неразберихи и грязных конфликтов…

Амос решил забыть об этом неудачном эпизоде и уже на следующий день возобновил свои занятия. Учитель по вокалу как следует отругал его, предупредив, что снимет с себя все обязательства, если Амос еще раз повторит подобную ошибку. Горе-певец клятвенно пообещал быть осторожнее в будущем.

Он стал чаще брать уроки у Карло, под руководством которого все лучше осваивал фортепиано и тренировал голос. Карло, будучи ненамного младше Амоса, очень любил свою работу и в особенности музыку, к которой у него был бесспорный

талант. Он привязался к Амосу, и со временем они обнаружили много общего, помимо страсти к искусству: оба ценили искусную кухню и хорошее вино, были поклонниками спорта и любили весело проводить время в компании, никто из них не курил и не играл в азартные игры, и уж тем более не баловался наркотиками в поисках псевдорайских наслаждений. Оба любили жизнь и жили на полную катушку, а та радовала их в ответ. И если это была не дружба, то уж редким единством это точно можно было назвать. Они понимали друг друга с полуслова и чаще всего сходились во мнениях, но, как говорится, не делали из этого предмета для обсуждения; впрочем, со временем оба поняли, насколько права пословица, гласившая: «Кто нашел друга – нашел сокровище».

Благодаря стараниям и терпению Карло, Амос быстро прогрессировал в игре на фортепиано, и его успехи оказались выше самых оптимистичных ожиданий юного учителя. Он учился с поразительным рвением, сам не ведая, что его решимость круто замешена на подсознательном отчаянии и ярости; такое же сложное чувство испытывают иной раз спортсмены, когда в непосредственной близости от финиша вдруг обнаруживают, что чуть отстают от соперника, и их охватывает страх почти неизбежного поражения.

Как бы то ни было, учеба дарила ему удовлетворение и покой; уставая морально и физически, он чувствовал себя в ладах с собственной совестью.

Синьор Этторе поддерживал Амоса, периодически высказывая ему свое одобрение, которым тот невероятно гордился.

Но время шло, и приближался день бракосочетания.

С согласия Элены, Амос решил, что венчание пройдет в одной из церквей Лайатико, затем состоится празднование с родственниками и друзьями в большой гостиной дома Барди. С самого начала он настаивал на том, чтобы церемония была как можно более скромной и камерной, но с каждым днем список приглашенных ширился, поскольку хоть Амос и откладывал до последнего дату свадьбы, но теперь, когда дело было сделано, ему хотелось, чтобы все его друзья, все люди, которых он любил, были рядом с ним в этот торжественный момент. Он не находил этому логического объяснения и только все добавлял и добавлял новые имена в список гостей.

Тем временем из студии, где он записывал песню вместе с Дзуккеро и где его надежды получили второе дыхание, то и дело раздавались телефонные звонки, от которых у Амоса захватывало дух: то маэстро Паваротти отказывался спеть какую-то поп-композицию и рекомендовал вместо себя Амоса, то вдруг менял свое мнение. В конце концов маэстро согласился петь сам. Амосу,

таким образом, оставалось лишь надеяться на то, что он будет выступать вместе с Дзуккеро в концертах, где маэстро, безусловно, не станет принимать участие.

Амос был несказанно расстроен, и единственная мысль не давала ему расклеиться: кто знает, а вдруг это тысячное по счету разочарование в конце концов обернется настоящей удачей?! Тот факт, что он будет выступать с песней, которая стала знаменитой благодаря тому, что ее исполнял сам великий маэстро Паваротти, самый прославленный тенор нашей эпохи и самый харизматичный персонаж в оперном мире, вызовет комментарии и параллели, от которых он только выиграет. Конечно, эта мысль не до конца утешала, но все-таки облегчала ему страдания.

«Видно, такова судьба, – думал он, – так тому и быть!» Ему вспомнились строки из Данте: «Того хотят – там, где исполнить властны / То, что хотят. И речи прекрати».

Однажды утром Амос вместе с отцом поехал в Болонью, чтобы предпринять попытку встретиться с Микеле. Он решил ждать до тех пор, пока тот не согласится уделить ему хотя бы несколько минут своего драгоценного времени. Когда он вошел, одна из секретарш вышла навстречу и любезно пригласила войти: Микеле – невероятно, но факт – оказался у себя в кабинете, где за закрытыми дверями проходило очень важное совещание; но потом он конечно же примет его. Амос терпеливо ждал. Он был так взволнован, что час ожидания пролетел, как одна минута. Внезапно дверь распахнулась, и Микеле решительно направился к нему.

«Как же я рад, что могу наконец встретиться с вами!» – воскликнул Амос, радостно улыбаясь. «Да, это хорошо, – ответил Микеле, – а то мы вечно в бегах, и в особенности сейчас, когда у Дзуккеро выходит новый альбом… Но ты не беспокойся, найдется время и для наших проектов; я сделаю все возможное, чтобы взять тебя в гастрольный тур. А сейчас мне, к сожалению, нужно мчаться в аэропорт, иначе я опоздаю на самолет». Микеле быстро взглянул на часы, потом взял Амоса за руку и, пожимая ее, добавил: «Было очень приятно познакомиться, мы обязательно скоро увидимся снова». Он с почтением пожал руку синьору Барди, который так и не успел вымолвить ни слова. «Прошу прощения!» – сказал он, схватил с вешалки плащ и стремительно направился к лестнице.

Амос и его отец остались стоять неподвижно, почти не веря в происходящее. Они проделали многокилометровый путь, потратили целый день – и это все?! Неужели ничего нельзя больше поделать?!

Они попрощались с секретаршами и медленно вышли, на их

лицах застыло выражение побежденных. Весь обратный путь прошел в молчании; каждый думал о своем, тщетно пытаясь успокоиться.

Когда неприятные ощущения достигли апогея, Амос задумался об Элене, ждавшей его дома. Ее мало интересовал исход этого путешествия, обещания Микеле, равнодушие дискографических боссов, ведь она принимала любимого таким, какой он есть, со всеми достоинствами, которые она видела в нем, и всеми недостатками, которых не замечала.

Скоро должны были начаться подготовительные предсвадебные встречи с доном Карло, приходским священником Лайатико. Как говорится, клин клином вышибают – мысли об этом захватили Амоса без остатка, заставляя его беспокоиться и испытывать странное ощущение, сходное с болью. Элена хоть и согласилась провозгласить себя верующей, но от отца ей передался антиклерикализм – антипатия ко всем внешним проявлениям религиозного культа, – который хоть и не стал для нее доктриной, однако проявлялся достаточно явно. Во время помолвки у Элены дома Амосу пришлось принять участие в многочисленных спорах по этому поводу: разумеется, велись они с полным уважением к чужим принципам, но были при этом весьма оживленными.

Вспоминая об этом, Амос пришел к убеждению, что ему не удалось вызвать в своей невесте и тени сомнения в этом вопросе. Это было единственным белым пятном в почти абсолютном обожании, которое Элена демонстрировала по отношению к нему с самого начала.

«Как бы мне дать ей понять всю необходимость и важность, всю радость подчинения доводов разума доводам веры? Если перед верой склоняли головы самые рациональные гении, самые отборные умы человечества, то зачем же тратить свои жалкие мозги на разоблачение непоследовательности в поведении служителей культа и пустоты религиозных функций, на осмеяние легковерия простых людей – и все это вместо того, чтобы просто проявить скромность ума и исповедовать ту бедность духа, о которой говорил Иисус из Назарета в своей Нагорной проповеди?! Элена – простая девушка, она в десятки, нет, в сотни раз лучше меня! Я – человек без добродетели, и знаю это. Я гонюсь за добродетелью изо всех сил, но никак не могу ее догнать, ведь силенок у меня маловато. И страдаю от собственной неспособности быть таким, как я хочу. Возможно, в этом и заключается причина, по которой я не могу ее убедить».

Амос был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил, что он уже дома. Он чувствовал такое отчаяние, что

вместо того, чтобы сесть ужинать, стал звонить Адриано. «Я только что вернулся, – сказал он, – и мне надо с тобой поговорить. Можешь ко мне приехать?»

Адриано тут же прыгнул в машину и уже спустя полчаса был у него. Амос в двух словах поведал ему о событиях этого дня; ему казалось невыносимо скучным подробно рассказывать о своей очередной неудаче, зато он в деталях остановился на тех размышлениях, которые занимали его на последнем отрезке путешествия.

Он провел друга в гостиную и стал, как обычно, расхаживать взад-вперед по комнате, бурно объясняя что-то, словно разговаривал сам с собой. Адриано устроился на диване и принялся терпеливо слушать. «Через несколько дней я поведу к алтарю женщину, которая любит меня, – начал Амос. – В отношениях у нас все в порядке. Но в церкви она будет рядом со мной точно так же, как была в театре, куда я повел ее впервые, чтобы познакомить с оперой; она будет рассеянно слушать священника, креститься, будет читать „Верую“ и „Отче наш“, может быть, даже примет причастие, но все это без всякой веры; она станет делать это ради меня, просто чтобы доставить мне удовольствие, в то время как меня снедают сомнения, я в таком смятении, что уже не в состоянии отличить правильное от неправильного!» Он умолк. Адриано тоже молчал – вероятно, он пытался не столько развеять сомнения друга, сколько просто найти для него слова утешения. «Короче говоря, – продолжал Амос, – Элена не отрицает, что Бог существует, и, наверное, она по-своему ищет его. Может быть, она даже ближе к нему, чем я…» Потом он присел рядом с Адриано и добавил: «На все воля Божья! Самое время вспомнить об этом!»

Когда семья Барди поднялась на верхний этаж, молодые люди вышли из гостиной и проследовали на кухню, плотно закрыв за собой дверь, чтобы никому не мешать. Там Амос позабыл о плохом настроении и превратился в повара – он обожал готовить, и вскоре на тарелках уже дымилась карбонара. Он открыл бутылку красного вина, и за звоном бокалов разговор потек легко.

Когда Адриано ушел, уже стояла поздняя ночь, и Амос поспешил в спальню, где быстро разделся и нырнул под одеяло, весь во власти своих мыслей. Было в его жизни что-то, что постоянно беспокоило его, принося чувство неудовлетворенности, и это не имело никакого отношения к его профессиональным провалам. Его мучила какая-то духовная неопределенность, нерешенность его экзистенциальных проблем.

«Жизнь проходит, – думал Амос в тишине комнаты, – дни

пролетают один за другим, даже не оставляя возможности понять их смысл, и вернуть их нельзя; и тебе остается лишь возможность просто любить ее, ты свободен судить о ней как тебе вздумается и задыхаться от сожалений или пустого самоедства! Зачем это все? Единственное, в чем можно быть уверенным, единственное, что никогда не покинет тебя и может помочь, если ты станешь прислушиваться к ней, – это совесть: вот что отличает человека от всех остальных живых существ и приближает его к Богу; только она придает жизни смысл, облагораживая наше существование. Она, подобно плугу, оставляет след, который сохраняется навсегда, даже в памяти наших потомков. Какое же чудо, какое удивительное счастье – иметь незапятнанную совесть, которой у меня, увы, нет!»

Так, воодушевленный поддержкой друга и слегка возбужденный добрым вином, он блуждал в лабиринтах собственных мыслей, которые постепенно растворялись в густом тумане, куда он медленно погружался, пока окончательно не уснул.

XXVII

Время всегда летит. Летело оно и для Амоса и его близких, дружно готовившихся к событию, которое было назначено на неумолимо приближавшееся 27 июня. В этот славный день, который всякий его участник переживает как значительную веху в своей судьбе, Амос, без пяти минут муж, из всей семьи проснулся самым последним. Сегодня ему предстояло навсегда покинуть родительский дом. Спокойный и отдохнувший, он встал, неторопливо собрался и спустился вниз, когда было уже почти время обеда. Но в этот раз никто не стал упрекать его, напротив, все обрадовались, что он такой расслабленный и спокойный. Быстро перекусив, он заметил, что вокруг него постепенно нарастает возбуждение, которое стремительно переросло в суматоху и бедлам. Самому Амосу казалось, что его действиями управляет чужая воля; он ощущал себя атомом или, скорее, животным в стае, которое по непонятным причинам несется в некоем направлении; оно то бежит, то замедляет ход, то останавливается, то вновь ускоряет бег вместе со всеми остальными, даже не спрашивая зачем. В определенные моменты он чувствовал себя смешным, в другие – полностью погружался в роль главного героя, назначенную ему в этот день, – роль человека, больше других ответственного за благополучный исход праздника.

Когда ему сказали, что уже пора собираться, он поднялся к себе. Он переоделся в костюм, специально купленный для этого случая, и, как только был готов, не медля сел вместе с родителями в машину и направился в сторону церкви Лайатико. Приехав, он сразу же бросился искать дона Карло, которого обнаружил в ризнице. «Я хотел бы исповедоваться», – решительно заявил Амос. Тогда настоятель попросил всех выйти и вместо того, чтобы проводить Амоса в исповедальню, сел рядом с ним и дружелюбно предложил ему освободить сердце и душу от груза греховных дел. Это был короткий, но невероятно интенсивный разговор, во время которого Амос сделал усилие над собой и, отбросив всякую гордыню и неловкость, на одном дыхании покаялся во всем, что считал нужным рассказать. Когда отпущение грехов было получено, он вернулся в церковь, чтобы лично убедиться в том, что все музыканты приехали и что его друзьям, вооруженным фотоаппаратами и видеокамерами, достались удобные места, где они не будут мешать священнику, – словом, что все идет как надо. Потом он отправился на поиски Адриано, который согласился присутствовать на свадебной

церемонии в качестве свидетеля.

Элена не заставила себя ждать: ровно в пять она была перед входом в церковь. Амос вышел навстречу, взял ее под руку, и влюбленные, столь близкие к исполнению своей общей мечты, с сияющими от счастья лицами, под «Свадебный марш» Мендельсона переступили порог церкви и двинулись к алтарю, сопровождаемые радостными родственниками и друзьями.

«Я, Элена, беру тебя, Амоса, в мужья и обещаю быть верной тебе всегда, в радости и печали, в здравии и болезни…» Амос услышал эти слова, слетевшие с уст Элены, и задрожал; улыбка замерла на его губах. Странная мысль внезапно промелькнула в его голове: интересно, понимает ли его невеста всю важность этого обещания, которое буквально через несколько секунд и ему предстояло произнести вслух?! Почему вообще так необходима эта торжественная клятва, которую так сложно соблюдать?

Но ее голос, такой уверенный и звонкий, разве что немного взволнованный, который пространство церкви делало еще более глубоким и серьезным, – этот голос, знакомый и родной, продолжал: «… и любить и уважать тебя до конца дней своих!»

Амос попытался изгнать из головы несвоевременные мысли и, чтобы облегчить себе эту задачу, сосредоточился на звучании собственного голоса, стараясь, чтобы его тон не был слишком банальным или притворным. Так, серьезно, но несколько отстраненно, без всякого пафоса и даже чуть поспешно, произнес свою клятву и он. Закончив фразу, он ощутил легкое головокружение и внезапный ступор; но потом Адриано сжал ему руку, Элена заулыбалась, и он вновь обрел покой. На выходе из церкви молодоженов поджидала толпа из местных жителей, среди которых были и знакомые, и просто зеваки, пришедшие поглазеть на свадьбу, – так что им понадобилось еще какое-то время, чтобы добраться до машины.

Как Амос всегда хотел, празднование состоялось в большом родительском доме, в котором прошло его детство и который он очень любил. Все родственники и друзья собрались там, и каждый по-своему старался, чтобы все прошло хорошо: Верано, кондитер и старый друг Амоса, испек по торжественному случаю восхитительный многоэтажный торт на основе безе, столь любимого женихом, а Лука и Джорджио устроили самое настоящее пиротехническое шоу, пока домашние вместе с соседями накрывали столы.

Праздник продлился допоздна. Попрощавшись с последними гостями, молодожены наконец вошли в свой дом, где решили провести первую брачную ночь. Элена была счастлива и, входя в свою новую комнату, настолько растрогана, что даже не могла

подобрать правильные слова, чтобы описать собственную радость, и сказала лишь: «Все – как я мечтала!»

На следующий день они отправились в короткое свадебное путешествие: круиз по Средиземному морю, с остановками в Испании и Тунисе, с последующим возвращением через Палермо и Неаполь и высадкой в Генуе, откуда и начиналась эта поездка. Путешествие было чрезвычайно интересным и волнующим для обоих, ведь ни он, ни она ни разу не плавали на круизном лайнере; кроме того, Амосу очень нравилось открытое море, его бездонность и тайны бесконечного водного пространства, где фантазия летит легко, словно чайка, теряясь в волнах… Ночью он выходил на небольшой балкончик каюты, опирался локтями о борт и стоял так часами, погруженный в размышления. Он полной грудью вдыхал чистый морской воздух, который пьянил его и ввергал в состояние, близкое к трансу.

Когда они причаливали к суше, Амос первым делом отправлялся на поиски телефона, чтобы узнать у родителей, есть ли новости от Микеле, пообещавшего во что бы то ни стало взять его в турне с Дзуккеро. Теперь он мечтал лишь об этом, и только это было его единственным пока не исполнившимся желанием. Но когда он позвонил из Неаполя в надежде получить хорошие новости, знакомый голос одной из секретарш Микеле сообщил, что на данный момент все приостановлено. Дзуккеро решил ограничиться презентацией видеоклипа, снятого на их с Паваротти дуэтную композицию, а не выступать вживую. Девушка попросила Амоса больше не звонить, сказав, что, если будут какие-то новости, она позаботится о том, чтобы сообщить их ему.

Амос почувствовал, как земля уходит у него из-под ног, и погрузился в мрачное молчание, до слез расстроившее Элену, которая не в силах была утешить мужа. Ни к чему не привели и поддержка и оптимизм отца и тестя, приехавших в Геную, чтобы проводить молодоженов до их прекрасного деревенского дома. Все было бесполезно: даже в родных стенах, среди друзей, Амос продолжал оставаться задумчивым и унылым.

Элена уезжала на работу рано утром и возвращалась лишь к ужину. Он оставался в полном одиночестве и иногда даже не ел, играя на фортепиано, занимаясь вокалом и проводя время с Этторе, который каждый день навещал его, чтобы почитать что-нибудь вместе. Этторе казался Амосу абсолютно спокойным, и это поражало его. «Неужели у него нет никаких комментариев по поводу моей ситуации?!» – думал он, не в силах успокоиться.

В таком состоянии он провел почти целый год, занимаясь своими обычными делами. С каждым днем отчаяние все больше уступало место смирению, смирение – спокойствию; и постепенно

это спокойствие вернуло Амосу силы, жажду действия и веру в себя самого и в окружающих.

Наступила зима. Амоса невероятно тревожила необходимость обращаться за деньгами к отцу, чтобы содержать семью. Поэтому стоило лишь Элене выйти за дверь, чтобы отправиться на работу, как он отключал отопление и надевал на себя лишний свитер. Он старался экономить на всем, приучая себя к экономии, как к дисциплине, и это новое жизненное правило делало его более сильным и способным на жертвы, которые раньше давались ему с трудом.

Элена хотела ребенка и все чаще заговаривала об этом. Амос, откровенно говоря, не особо ладил с детьми, но возможность иметь собственного малыша тешила его воображение: но только вот как он мог дать жизнь маленькому человечку, не подготовив сначала все то, что гарантировало бы тому свободное и богатое на возможности существование?! Поэтому он постоянно откладывал решение этого вопроса, стараясь отговорить Элену заводить ребенка. Но со временем это превратилось для нее в очередную идею фикс, как уже было раньше с женитьбой.

Амос проводил в одиночестве целые дни, что позволило ему наконец организовать себе необходимые для оперного исполнителя периоды молчания. Все самые знаменитые вокалисты эпохи практиковали это, и Амос не хотел быть исключением из правил.

Первые попытки проходили очень тяжело, в особенности когда приходилось молчать среди людей, ведь когда он был один, молчание не только не утомляло его, но и успокаивало и улучшало его настроение. Зато невозможность высказать свое мнение и необходимость слушать разговоры других людей, не имея права подать реплику и выразить собственную точку зрения, было для него сущим наказанием. Однако первая жесткая критика в его адрес, первые разочарования и все более ощутимый страх увидеть окончательное крушение своих надежд делали его как никогда сильным и решительным.

Но никто вокруг не понимал его экстравагантных планов; вместо того чтобы помогать, все лишь беззаботно призывали его плюнуть на все. По этой причине он не без удовольствия проводил большую часть времени в полном одиночестве в родных стенах, где голос тишины звучал как прекрасная музыка, услаждая его дух и вселяя уверенность. «Постарайся выложиться полностью, – шептала ему тишина, – будь честным в оценке самого себя и окружающих, слушай свою совесть и иди вперед, не сдаваясь, ведь добрая воля и способность идти на жертвы в конце концов всегда вознаграждаются!»

Амос мерил шагами комнату и улыбался почти детской простоте этой концепции: «Такие же вещи говорила нам наша милая учительница, то же самое советовала мне бабуля, когда я был маленьким, и преподавательница катехизиса тоже…» Но внутренний голос вновь приходил ему на помощь, предостерегая: «В том, что тебе кажется банальностью, больше правды, чем в громогласных напыщенных речах политиков, или бестолковых и абстрактных словах бюрократов, или высокомерных и иллюзорных высказываниях ученых, или – того хуже – в циничных и неуклюжих сентенциях законодателей…»

В письме, адресованном своему учителю по вокалу, Амос написал: «Даже не знаю, как благодарить вас за то, что вы настоятельно советовали мне молчание; вне всяких сомнений, оно благоприятно влияет на голос, но еще больше – на состояние духа. В одиночестве молчание помогает мне лучше узнать самого себя и лучше понимать других, когда они с грохотом обрушивают друг на друга водопады слов. Сколько бесполезных слов, сколько абсурдных глупостей произносится людьми во время обычных разговоров и сколько действительно важных вещей теряется из-за неоправданного равнодушия к мнению собеседника, вызванного страхом не успеть сказать что-нибудь свое или показаться не слишком убедительным! Сколько всего я понял, маэстро, и сколько еще сюрпризов готовит мне музыка молчания!»

Занятия вокалом и развитие собственного голоса доставляли Амосу несказанное удовольствие, некоторым образом компенсировавшее неудовлетворение от того, что ему не удавалось осуществить. Когда кто-нибудь пытался вырвать его из добровольной изоляции и пригласить выйти куда-нибудь, он с улыбкой отвечал, что вполне доволен жизнью, что ему ничего не нужно, а про себя думал: «Ценность артиста обратно пропорциональна его нуждам, требованиям и капризам, ибо истинный артист питается исключительно собственным искусством, которое само по себе является достаточным поводом для счастья и удовлетворения».

С другой стороны, что ему даст богатство? Амос считал, что в своем безумном стремлении к богатству человек сперва получает нечто самое необходимое, затем нечто полезное, а потом и нечто лишнее; но ему все мало, и тогда деньги становятся опасными, а потом даже вредоносными, как для него самого – ведь он не успевает даже толком потратить их, – так и для членов его семьи, в особенности самых юных.

С Божьей помощью миновала и эта зима, показавшаяся Амосу самой длинной и самой холодной в истории. Тем временем, следуя обещаниям, данным самому себе, он разучил знаменитую

«Сонату ре минор» Баха, переложенную Бузони для фортепиано. Результат был потрясающим: Амос исполнял ее самым что ни на есть идеальным образом. В начале весны он решил немного удариться в романтику, разучив наконец «Ноктюрн № 3» Листа, широкой публике больше известный как «Мечты о любви». Он полностью, с радостью и страстью отдался этой мелодии. Быстро выучив ее наизусть, он переключился на отработку самых сложных пассажей.

В один прекрасный день, разучивая одну из каденций, Амос услышал, что звонит телефон. Это было совсем некстати. Он неохотно прервался, встал и поспешил к телефону. Подняв трубку, он не поверил собственным ушам: на том конце провода был Микеле. «У меня для тебя хорошая новость, – сказал он. – На этот раз все в порядке, так что можешь готовиться – в конце мая мы уезжаем в турне по всей

Италии, будем выступать на самых крупных футбольных стадионах страны».

Амос онемел: он не знал, верить ему или не верить?! Скорее не верить! Он все-таки позвонил жене и родителям, плохо скрывая рвущийся наружу восторг.

Но вдруг одна мысль пронзила его, подобно отравленной стреле: как раз в это время пройдет важнейший конкурс вокалистов под руководством известной обладательницы оперного сопрано, которая от всего сердца звала Амоса принять в нем участие. Что же делать? От чего отказаться? Почему судьба таким садистским образом испытывает его на прочность? Ведь для него представились два самых первых шанса, одинаково важных для развития его карьеры, – почему же он теперь вынужден отказываться от одного из них?!

Отчаявшись, Амос решил было спросить совета у Этторе, но потом понял, что слишком хорошо знает его, чтобы не угадать, каким будет ответ. «В таких случаях, – сказал бы Этторе, – лучшим советом будет: не спрашивать ни у кого совета». Тогда он позвал отца и спокойно описал ему ситуацию. Синьор Барди тяжело вздохнул – казалось, и он в растерянности. Немного помолчав, он ответил: «Амос, думаю, ты должен определиться сам, никто не возьмет на себя ответственность советовать тебе что-либо. В решающие моменты каждый человек остается наедине с самим собой». Произнеся эти слова, он потрепал сына по волосам, и этот жест наполнил сердце Амоса нежностью.

Теперь он думал не о себе, а об отце, который готов был на любые жертвы, лишь бы видеть сына счастливым и самореализовавшимся. «Бедный папа!» – подумал он, и ему внезапно захотелось утешить его: «Ну, знаешь, все-таки две

возможности лучше, чем ни одной!» Потом, продолжая рассуждать про себя, Амос подумал: «Но если я не выйду победителем из этой битвы, отцу придется работать до тех пор, пока будут силы. Нет! Это несправедливо! Если и на этот раз все пойдет прахом, я найду себе любое место работы, хоть массажистом, хоть телефонистом, пройду конкурс на вакансию в банке, лишь бы изменить ситуацию раз и навсегда!»

Надо признать, женщинам часто удается быть более практичными и проворными, чем мужчины. Синьора Барди и Элена без всяких колебаний дружно посоветовали ему выбрать предложение Микеле: ведь оно принесет немедленные плоды, в отличие от второго предложения, которое требовало вложения денег и не давало никаких гарантий. Подавленный и расстроенный, он наконец решился набрать номер знаменитой певицы, добрейшей женщины, чтобы сообщить ей о своем решении отправиться в гастрольную поездку, и не стал скрывать от нее причин, подтолкнувших его к этому выбору. Та в ответ немного раздраженным тоном упрекнула его, что он навсегда упускает невиданные возможности, но, поняв, что ей не переубедить его, в конце концов смирилась и весьма сухо распрощалась с ним.

Шли дни, и для Амоса, который ужасно боялся изменения планов Микеле, время тянулось бесконечно. Перед отъездом ему еще предстояло выступить в местном театре, и его вновь терзали опасения, что все пройдет наихудшим образом. Во время генеральной репетиции Амос упал со сцены, сломав стулья, стоявшие в первом ряду, но, к счастью, сам лишь ушибся. А на следующий день он в сопровождении Элены отправился в Бассано Дель Граппа, где впервые должен был спеть дуэтом с Дзуккеро песню, которая считалась главным хитом этого концерта.

Амосу доверили партию, известную широкой публике тем, что ее исполнял прославленный тенор. Как отреагируют почти пятнадцать тысяч зрителей на невыгодную замену в его лице?

Этим вопросом задавался бедный Амос перед тем, как выйти на сцену и сесть за рояль, стоявший на специальной полуподвижной платформе.

Но людям почти всегда нравится что-нибудь новое, поэтому они встретили настоящей овацией первые ноты, которые Амос взял дрожащим от волнения голосом.

Когда песня закончилась, публика буквально сошла с ума. Пятнадцать тысяч голосов соединились в оглушительном крике, заглушая даже звук мощнейших амплификаторов. Днем позже на страницах крупного еженедельника, в рубрике, посвященной шоу-бизнесу, появилась статья, навсегда отпечатавшаяся в памяти

семейства Барди. Ее заголовок гласил: «Амос Барди не разочаровал маэстро Паваротти».

До слез взволнованный Амос понял, что наконец-то выиграл свою первую битву.

XXVIII

В небесах явно что-то происходило: какие-то пласты сдвигались в пользу Амоса. А пока он, ничего не ведая и ничему не доверяя, как обычно, шел своей дорогой – дорогой, сотканной из уже устоявшихся принципов и неразрешимых сомнений, к которым он к тому времени уже успел так привязаться, что нипочем не променял бы их на обманчивую уверенность; дорогой, сотканной равным образом и из надежд – правда, основанных исключительно на его собственной силе воли, способностях и жертвенности.

Совместное турне с Дзуккеро оказалось триумфальным. Каждый вечер Амос покидал сцену, оглушенный аплодисментами, которые наполняли его радостью и пьянили подобно прекрасному вину. В гримерной его ждала Элена, не верившая своему счастью. Меньше чем за месяц они объездили всю Италию, с севера до юга, на автобусе без кондиционера, который лопался от количества музыкантов и их многочисленного багажа. Но Амос, несмотря ни на что, чувствовал себя великолепно – напротив, его удивляло скверное настроение коллег, обессиленных жарой, отнимавшей у них столько нервов. Сам он был словно во сне и все время боялся проснуться дома, в собственной постели, в тисках вечных проблем. Но это был не сон: он в самом деле был здесь, и к тому же ему платили деньги, на которые можно было спокойно жить целый год. Он чувствовал, как в нем бурлила неиссякаемая энергия, поражавшая его самого. Ему постоянно хотелось что-то предпринимать, он налаживал добрые отношения с попутчиками, никогда не хотел спать, а по ночам размышлял о странной связи между собственными прошлым и будушим, пытался задавать вопросы своей судьбе и никак не мог простить себе, что строго судил ее до последнего времени. Хотя он все-таки всегда был терпелив и никогда не терял силы духа и оптимизма. Может быть, именно за это судьба теперь пыталась наградить его?

Лето было очень жарким; иногда он просыпался, вставал с постели и открывал холодильник; но потом, борясь с соблазном, все же закрывал его, довольствовался стаканом воды из-под крана и возвращался к своим ночным размышлениям.

«Какой же я несправедливый! – думал он. – Я был так недоволен жизнью, а ведь она хранила меня от всякой опасности, предостерегала от легких побед, которые не только ничего не дают, но и требуют расплаты. Ну и глупцом же я был!»

Вскоре все очень привязались к Амосу. Сам Дзуккеро неоднократно приглашал его на ужин, а однажды, когда в группе

внезапно заболел клавишник, даже уступил его робким мольбам позволить встать за клавишные на съемках одной из популярнейших телепередач. Конечно, Дзуккеро сперва поразмыслил, но потом согласился и, более того, решил петь в программе именно их с Амосом дуэтную композицию. Так для Амоса впервые распахнулись двери телевидения. Это было то, о чем всегда мечтал его отец, и то, что требовалось Микеле, чтобы понять наконец, насколько Амос телегеничен, проверить, как говорят в телевизионной среде, станет ли он после этого и дальше «мелькать на экране».

И на этот раз успех песни превысил все самые разумные ожидания; это признали все, в особенности когда днем позже пресса опубликовала рейтинг программы, подскочивший до небес именно в момент выступления Дзуккеро и его юного друга.

За несколько дней до окончания гастрольного турне Амос получил известие, которое заставило его буквально подскочить от радости и волнения: в Турине должен был состояться мастер-класс по вокалу, который проводил знаменитый тенор Франко Корелли… Неужели правда? Неужто Корелли собственной персоной предстанет перед учениками и будет преподавать им вокальное мастерство? Он просто не мог поверить, однако родители по телефону заверили его, что это именно так. Участники должны были пройти отбор, который осуществляло экспертное жюри, а затем наступал черед маэстро.

Будучи абсолютно уверенным в успехе, Амос попросил родителей записать его на курс и стал психологически готовиться к преодолению всех преград, которые встанут на его пути к человеку, чей голос однажды и навсегда нашел дорогу к его сердцу и умел больше, чем кто-либо, растрогать его до слез.

Последний день гастролей был для Амоса, наверное, самым волнующим из всех, поскольку выступление проходило на городском стадионе во Флоренции, в его родной Тоскане. Приехали все его друзья, и среди публики было много народу из его краев, пусть даже незнакомого, но все-таки такого дорогого для него люда. Сидя в гримуборной вместе с остальными членами группы, он чувствовал, как сердце бешено колотится в груди. Когда он вышел на сцену, в оглушительном реве голосов ему удалось расслышать и собственное имя, которое зрители выкрикивали во все горло. Многие хотели хоть как-то выразить ему свою любовь и пытались подобраться к нему поближе.

По окончании концерта он смог наконец обнять своих родственников, с которыми не виделся с начала тура, и тем же вечером вернулся домой, хотя и всего на один день. Ему хватило времени лишь на то, чтобы снова упаковать чемодан и уехать в

Турин, на этот раз – впервые с тех пор, как они с Эленой поженились, – без жены, чтобы не тратить слишком много денег на эту поездку.

Он прибыл в Турин поздно вечером, в сопровождении отца, который на следующее утро уехал домой, и тут же отправился в маленький монастырь, где посоветовал ему остановиться один из друзей. Его комнатка была крошечной и почти пустой и разительно отличалась от просторных гостиничных номеров, в которых он жил на гастролях, но Амосу это было совершенно безразлично – он не мог дождаться того момента, когда сможет встретиться с любимым маэстро, и больше его ничто не волновало.

Утром, после отъезда отца, он направился вместе с остальными кандидатами туда, где проходили пробы. Он решил, что в любом случае останется, пусть в качестве простого слушателя: даже если его отсеют, он хотя бы сможет воспользоваться драгоценными советами маэстро Корелли.

Когда подошла его очередь, он вошел в огромный зал; на его лице ясно читалось сильное волнение. Не медля, он сел за рояль и стал исполнять знаменитую арию Федерико из «Арлезианки» Франческо Чилеа.

Закончив петь, он с низко опущенной головой вышел из зала и стал терпеливо ждать результатов первого прослушивания. Из сотни претендентов только двенадцать получат возможность участвовать в мастер-классе; это было настоящее побоище, завершившееся тем же вечером.

Амос испытал несказанную радость, когда председатель жюри произнес его имя среди принятых на курс.

Маэстро Корелли должен был прибыть поездом через несколько дней. Амос и еще один его товарищ по курсу в нетерпении отправились встречать его на вокзал. Маэстро с супругой вышли из вагона одними из самых последних – по крайней мере, так показалось Амосу, который чувствовал себя, словно во сне, пожимая руку своему кумиру. Погрузив вещи маэстро в багажник такси, новоиспеченные студенты вежливо попрощались и бегом припустили в здание, где должен был проводить свой первый урок один из самых прославленных певцов столетия.

Когда маэстро Корелли вошел в зал, заполненный поклонниками, журналистами, фотографами и юными исполнителями, раздались громкие овации, которые не смолкали, пока он не занял свое место на сцене, за роялем. Маэстро стремительно прошел через зал и, опершись о рояль, сказал несколько приветственных слов. Он не стал произносить вводную

речь, и было видно, что он порядком смущен: казалось, ему хотелось быть где угодно, только не здесь, под пристальными взглядами всех этих людей, которые смотрели ему в рот и с нетерпением ждали, когда он заговорит.

«Кто хочет спеть первым?» – сдержанным тоном спросил маэстро.

Повисла долгая тишина. Все стали смотреть на Амоса, зная о его любви и восхищении по отношению к маэстро Корелли, а также о необычной способности подражать ему; но Амос не двинулся с места – напротив, он весь сжался. Тогда одна из девушек, сидевшая в первом ряду, решительно встала и направилась к роялю. Она поздоровалась, объявила, что будет исполнять арию из «Ласточки» Пуччини, затем протянула пианисту ноты и запела. Ее исполнение было слишком неуверенным, голос казался слабеньким и натужным, в особенности на высоких нотах.

Когда она закончила, Корелли выглядел крайне растерянным. «У вас есть учитель по вокалу?» – спросил он. Девушка кивнула. «И небось деньги за это берет?» – добавил Корелли вполголоса, глядя в пол, словно разговаривал сам с собой. Бедная девушка расплакалась и кинулась обратно на свое место, закрыв лицо руками.

Маэстро выглядел заметно расстроенным – похоже, он раскаивался в только что произнесенных словах, но делать было уже нечего. Тогда, чтобы хоть как-то замаскировать свое настроение, он вздохнул и произнес: «А теперь я хотел бы послушать тенора».

Сидевший рядом с Амосом приятель, с которым он перед этим ездил на вокзал, взял его за руку и буквально выпихнул вперед. Амос попытался вырваться, но маэстро Корелли уже заметил его, узнал и позвал на сцену. Он не посмел ослушаться и скоро уже стоял, опершись о крышку рояля. Амос застенчиво сказал, что будет исполнять арию Родольфо из «Богемы» Джакомо Пуччини, и тут же услышал первые ноты этой арии, которые от смущения едва узнал. Словно в сказке, ему предстояло петь своему кумиру, своему идолу, и он с трудом держался на ногах от волнения. Он пел, даже не отдавая себе отчета в том, что делает, а когда закончил, его поразила внезапно наступившая в зале тишина: она вернула его на грешную землю, подобно тому, как громкий крик будит крепко спящего человека. Прошло несколько секунд, но Амосу они показались часами. Маэстро медленно подошел к нему, опустил руку ему на плечо и сказал: «У тебя очень красивый голос… А знаешь, я, пожалуй, смогу дать тебе несколько полезных советов».

Амос не верил собственным ушам, но он уже взял себя в руки и теперь был почти спокоен. Он поблагодарил маэстро дрогнувшим голосом и попросил позволения ненадолго выйти: рубашка его намокла от пота, и ему очень хотелось пить. Он был счастлив, что прошел и это испытание, и чувствовал себя вполне уверенно. Он зашел в ванную комнату, снял с себя рубашку, как следует выжал ее и снова надел; она была чудовищно измята, но что он мог с этим поделать? Он попил воды и со скромным видом вернулся в класс, тихо усевшись на свое место.

Корелли что-то рассказывал, но, увидев Амоса, прервался и подозвал его к себе, попросив заново исполнить ту же арию. Но на этот раз маэстро постоянно прерывал его, рассказывал о вокале, приводил короткие примеры и просил Амоса повторить ту или иную музыкальную фразу в соответствии с теми подсказками по технике исполнения, которые он давал. И так до самого конца занятий. Когда урок подошел к концу, Амос был без сил, но чувствовал себя счастливым.

На выходе его остановила синьора Корелли, которая наговорила ему такое количество комплиментов, что он даже осмелился напроситься в гости к маэстро, чтобы договориться с ним о частных уроках по окончании курса. Таким образом Амос сможет установить с ним личные отношения, что было столь важно для него. Супруга маэстро без колебаний ответила, что он произвел самое благоприятное впечатление на ее мужа и что тот будет рад вести его персонально.

Курс завершился концертом пяти лучших учеников. Амос спел ту же самую арию, качество исполнения которой значительно улучшилось благодаря занятиям с любимым маэстро, а на следующий день в одной из газет вышло интервью Корелли, в котором он делился впечатлениями об уровне студентов своего курса и прочими размышлениями о лирическом вокале. Маэстро сказал, что доволен интересом, проявленным юными учениками, и признался, что его в особенности поразил тенор по имени Амос, от чьего исполнения по телу бегут мурашки, ибо он обладает голосом, полным глубины, нежности и печали, способным растрогать всякого, кто его слышит. Амос не поверил собственным ушам, когда один из товарищей по курсу прочитал ему перед отъездом эту статью. Словно мальчишка, он вырвал у парня газету и прижал ее к груди, поклявшись, что сохранит это драгоценное свидетельство до конца своих дней.

За короткое время его жизнь радикально изменилась. От однообразного существования в полном одиночестве, к которому он уже стал привыкать, как привыкают рабы к своей горькой доле, он внезапно перешел к жизни, полной движения и бесконечных

ярких эмоций. Амос был еще молод и полон сил и энтузиазма, и затянувший его круговорот событий не только не тревожил его, но, напротив, возрождал к жизни, а точнее, помогал сделать явным то, что в прошлом вынужденно оставалось скрытым – и в самоощущении, и в отношениях с окружающими.

Вернувшись домой, он обнаружил сообщение от Микеле, который просил его приехать на следующий день в Милан, чтобы встретиться с людьми из дискографической компании, после успешного турне с Дзуккеро проявившей к творчеству Амоса живой интерес. Речь шла о реальной возможности заключить договор, который позволил бы обеим сторонам осуществить интереснейший проект. Разумеется, Амос не заставил себя ждать: вместе с Эленой и отцом они отправились в Милан, где встретились с президентом компании, которого он тщетно искал в прошлом.

Амоса проводили в офис, показавшийся ему необычайно просторным и светлым. Президент, женщина средних лет, солидная, но раскованная и приветливая, предложила ему сесть и тут же осыпала комплиментами, рассказав, какие ощущения она испытала, впервые услышав его теплый и выразительный голос. Она добавила, что его исполнение ввергло ее в трепет и что она абсолютно убеждена в том, что необходимо попытаться сделать все возможное, чтобы такой голос стал достоянием публики. Она была готова немедленно приступить к работе и даже успела договориться с авторами, с которыми обычно сотрудничала: для Амоса уже была готова песня, с ее точки зрения, потрясающая, и с ней ему следовало выступить на фестивале в Сан-Ремо. Он улыбнулся и закрыл лицо руками, чтобы скрыть волнение: сколько безуспешных попыток, сколько разочарований осталось позади, и вот наконец хоть кто-то решил обратить на него внимание!

Он всегда считал себя оптимистом, но до сих пор не научился верить в такую удивительную удачу. Как бы то ни было, песня ему очень понравилась, и – что самое главное – она подходила под его голос. Вскоре он записал ее в студии, и результат буквально поразил всех вокруг. Микеле тоже был невероятно доволен: наконец-то дискографические боссы прислушались к его мнению, и ему не терпелось доказать всем тем, кто закрывал перед ним двери, что именно он, со своей неподражаемой интуицией, в очередной раз оказался прав. Кроме того, энтузиазм, с которым взялась за дело дискографическая компания, оказался заразительным и для такого бывалого деятеля, как Микеле.

Все решилось быстро. Встретившиеся на пути трудности были

улажены; даже самые опасные подводные камни, касающиеся контракта, удалось удачно обойти, невзирая на то, что, как это обычно бывает, компания навязывала свои правила игры.

Амос со своей стороны, что называется, прогнулся, совершив невероятное усилие, чтобы временно отказаться от своих принципов и всего того, чему он научился за долгие годы лишений и жертв, и решил отнестись к этому приключению как к игре, которую не стоит воспринимать слишком серьезно.

В ноябре того же года Амос, как бы это ни казалось невероятным, оказался среди новых лиц, претендующих на участие в фестивале Сан-Ремо. Вокруг суетились возбужденные люди, а он чувствовал себя не в своей тарелке и большую часть времени проводил в гостиничном номере в компании своей жены Элены, которая не покидала его ни на секунду и старалась дарить ему внимание и нежность.

Он между тем был в постоянном напряжении и как никогда замкнут; больше всего его беспокоили оценки народного жюри, сплошь состоявшего из молодежи. Что подумают эти юноши и девушки, привыкшие к совсем другим музыкальным жанрам – современным и шумным, – о его спокойном и чистом голосе и немного устаревшей манере исполнения? Но в ночной тишине эти страхи странным образом побеждало иррациональное ощущение, что он находится в полной безопасности, что вокруг него – тихое море и попутный ветер несет его к цели.

Кандидаты должны были исполнить уже записанный и опуб ликованный трек. Таким образом, у Амоса не было сомнений, какую песню выбрать: он споет ту, которая принесла ему столько удачи, причем исполнит как партию Дзуккеро, так и свою собственную, известную широкой публике благодаря участию в дуэте маэстро Паваротти. Вне всякого сомнения, этот сюрприз и крайняя пластичность его голоса окажут самое благоприятное впечатление на жюри. Уже во время дневной репетиции все обратили внимание на реакцию присутствующих на выступление Амоса, да и сам он почувствовал себя более спокойным.

Вечером ему пришлось выступать одним из последних. Зрители уже перенасытились музыкой, голосами и новыми лицами, и его выход на сцену прошел почти незамеченным; публика рассеянно выслушала, как популярнейший ведущий представил Амоса, а кто-то даже попытался поднять его на смех, когда тот объявил, что Амос будет исполнять как партию Дзуккеро, так и партию маэстро Паваротти. Потом вступил оркестр, и голос Амоса, сильный и глубокий, легко разлился по залу; тогда все вокруг умолкли и стали слушать с удивлением и любопытством. Исполнитель спел несколько строк, и внезапно его

голос полностью изменился: совершенно другой регистр, совершенно другой тембр. Зал разразился бурными аплодисментами, это был настоящий ураган оваций. Тем временем в специальной комнате в отеле, отведенной под просмотр, Микеле и его коллеги, затаив дыхание, следили за выступлением. У некоторых на глазах заблестели слезы, кто-то пытался сдерживаться, а Стефано, один из самых ярых сторонников Амоса, даже почувствовал себя плохо. В конце песни все до единого зрители поднялись на ноги и буквально заглушили последние оркестровые аккорды аплодисментами и криками восторга. Дело было сделано. Амос понял это и сам – его уже не особо волновал вердикт жюри.

В течение трех месяцев, остававшихся до самого фестиваля, он жил своей обычной жизнью, только теперь был чуть более активен: он понимал, что борется за реальную возможность, а не просто за иллюзорную надежду на успех. Он чувствовал новые силы и непривычную уверенность в себе, благодаря которой ему казалось: за что бы он сейчас ни взялся, все у него получится.

Но чем вызвано это необычное изменение в его жизни? Явных причин, которые могли бы рационально объяснить его, не было – или, по крайней мере, Амос их не находил.

Вскоре он начал работать над своим первым альбомом в одной из звукозаписывающих студий Болоньи. Найти подходящие для его голоса песни было предприятием непростым, но все-таки немного материала набралось. Он отдавал записи все свои силы и очень быстро понял, что этот альбом станет решающим для его будущей карьеры.

Однажды, когда он репетировал за роялем одну из песен, некий промышленник из Реджо Эмилии – друг владельца студии – случайно услышал его голос и остановился как вкопанный, словно под гипнозом: впервые в жизни до его ушей долетали подобные звуки. Он спросил, кто это поет, и ему объяснили, что это молодой певец по имени Амос, который будет участвовать в фестивале Сан-Ремо в категории «Новые имена», и что он записывает здесь свой альбом. Синьор Монти, человек редких способностей к бизнесу, и при этом умный и обладающий интуицией, а к тому же еще и щедрый и разбирающийся в искусстве, мгновенно все понял и, даже не знакомясь с поразившим его артистом, попросил своего друга, чтобы тот уговорил Амоса выступить с концертом в городском театре Реджо Эмилии в сопровождении прекрасного оркестра и талантливого дирижера. Все затраты он брал на себя, а также обещал в мельчайших деталях организовать все мероприятие.

Выступить в традиционном театре в сопровождении

настоящего оркестра – это было то, о чем Амос всегда мечтал и чего жаждал всем сердцем.

Синьору Монти пришлось изрядно попотеть ради своего экстравагантного начинания: в театре его предупредили, что даже знаменитый тенор не соберет трехсот с лишним слушателей, – что уж говорить о каком-то малоизвестном провинциальном певце, который готовится к выступлению на фестивале в Сан-Ремо… Но синьор Монти был не из тех, кто отступает от задуманного; он с уверенной улыбкой объявил, что на концерте зал будет переполнен, и за свой счет созвал всех друзей, знакомых, коллег, сотрудников и работников своих заводов, чтобы они послушали самый прекрасный, по его мнению, голос на свете. Ему удалось выполнить свое обещание: зал действительно оказался полон, свободных мест не было вообще, чего в этом театре не случалось уже давно. Благодаря его удивительной способности убеждать, пришли абсолютно все без исключения. Словом, театр готов был лопнуть от количества собравшегося народа, к вящей радости синьора Монти и недоумению сомневавшихся в благополучном исходе мероприятия.

Все уже было готово, а Амос все еще в панике распевался в своей гримерке – ему казалось, что его голос в этот день не в лучшем состоянии. Руки были ледяные, все тело покрывал холодный пот. Элена не сводила с него сочувственного взгляда, а его мать смотрела широко распахнутыми глазами, выдававшими отчаяние и бессилие. Но тут постучали в дверь, и громогласный голос объявил: «На сцену!» Пока Амос проходил за кулисами, ноги практически не держали его, но потом он начал петь и показал, на что способен, выложившись до предела.

Зрители приняли его выступление с теплотой и симпатией, но его голос пока еще не был подкреплен в достаточной степени ни стальной диафрагмой, ни серьезной техникой, поэтому по окончании концерта, несмотря на аплодисменты и рукопожатия, у Амоса осталось отчетливое впечатление, что все прошло совсем не так, как они с синьором Монти рассчитывали.

XXXIX

Наконец настал февраль. В доме Барди безостановочно готовились к отъезду, и вот в одно прекрасное утро в Поджончино приехала машина, присланная дискографической компанией, чтобы отвезти Амоса и Элену в Рим, где он должен был принять участие в одной важной телепрограмме в преддверии фестиваля. Собрались все члены семьи, как всегда бывало по самым торжественным случаям. Синьор Барди подождал, пока сын спустится вниз с чемоданом и рюкзачком за спиной, затем помог поставить вещи в багажник автомобиля и обнял его с невиданной доселе силой. Этот порыв немало удивил Амоса. Что касается мамы, она, будучи явно растрогана больше мужа, решила на этот раз сыграть роль сильной женщины, которая не дает волю чувствам, что бы ни происходило, и попрощалась с молодыми супругами с наигранной радостью. Амосу такое ее поведение было хорошо знакомо, и он почувствовал к матери внезапную нежность. «Бедная мама! – подумал он. – Представляю, что она испытывает сейчас и как старается держать себя в руках, чтобы подбодрить меня!» Чтобы окончательно не разволноваться, он стремительно сел в машину, захлопнул дверцу и, стараясь отвлечься, принялся налаживать положение сиденья.

В Риме ему уже не хватило времени, чтобы заехать в гостиницу и освежиться, и водитель поехал прямо в телестудию Париоли, проводил супругов Барди до съемочного павильона и удалился. Какая-то девушка привела Амоса с женой в гримерку, принесла воду и кофе и предупредила, что через несколько минут его позовут на грим.

«Почему у вас такое странное выражение лица?» – спросила гримерша. Амос с трудом переносил процесс гримировки, прикосновения к коже своего лица, запах косметики и липкую пудру. А ведь девушку попросили лишь придать легкий румянец его щекам!

«Ничего-ничего! Не беспокойтесь! – с улыбкой ответил Амос. – Я просто не привык к этому и, честно говоря, стесняюсь…»

Наконец занавес поднялся, и ведущий стал представлять гостей. Когда настал черед Амоса, он поднялся и по знаку ведущего запел одну из песен из своего первого альбома. Это была итальянская версия латиноамериканского хита – с очень простой и запоминающейся мелодией, в исполнение которой он вложил весь свой юный пыл и всю страстность своей натуры. Публика разразилась оглушительной овацией еще до того, как он

допел песню до конца.

Сидя в партере на одном из последних рядов, Микеле не верил своим глазам: в этот момент он признался самому себе, что не в силах найти логического объяснения столь громкому успеху.

По окончании съемок Элену и Амоса ждал другой автомобиль, который повез их на вокзал Термини. Водитель, такой полный, что его мучила одышка, отчаянно торопил супругов, пугая их опозданием на поезд. Это был веселый и разговорчивый тип – он всю дорогу расспрашивал молодого певца о его планах и обещал следить за его выступлением в Сан-Ремо по телевизору, сказав, что отныне будет его «болельщиком».

Амос улыбался в ответ, но мысли его были заняты совершенно другим.

Приехав на вокзал, они побежали на перрон, где поезд уже готовился к отправлению. С вещами и билетами в руках, они пытались определить, где же тот купейный вагон, где им предстоит провести ближайшую ночь. Амос хотел спросить у кого-нибудь, куда идти, но платформа была пуста, а здание вокзала уже осталось далеко позади.

Поезд был настолько длинным, что мысль о том, чтобы пройти его до самого конца, просто пугала, и Амоса внезапно охватило странное ощущение, словно он бежит, одинокий и беззащитный, навстречу вагону, как бегут навстречу судьбе.

С Божьей помощью наши растерявшиеся пассажиры все-таки отыскали свои места. Воздух в купе показался им раскаленным до такой степени, что невозможно было дышать. Они спрятали багаж в специально предназначенные для этого места, и Амос тут же забрался на свою полку. Несмотря на то что она была слишком узкой для него, он чувствовал себя таким усталым, что даже эта полка казалась сейчас вполне удобной. Элена легла на нижнюю полку, прямо под ним, и оба замолчали, но вовсе не потому, что им не о чем было поговорить; напротив, они слишком многое хотели бы сказать друг другу, но эмоций было столько, что лучшим и самым эффективным способом навести в них порядок было молчание, которое стоило любых слов, прозвучавших бы банально и неуместно. Тишина была музыкой, и в звучании этой музыки сейчас нуждались оба.

Амос попытался заснуть, но был слишком перевозбужден. Волны воспоминаний захлестывали его. Он слышал голоса из прошлого и настоящего, фразы, которые подбадривали его, обижали и смущали, ловил проявления любви и сочувствия; теперь ему казалось, что он почти добрался до той точки, откуда сможет ответить всем и каждому, – только вот не знал, победителем он будет или побежденным. Самолюбие в нем

отчаянно боролось со здравым смыслом, и он то и дело слышал, как голос Этторе напоминает ему: «Не воспринимай все слишком уж всерьез!»

Тем временем поезд постепенно набирал скорость, колеса монотонно стучали, и вскоре в вагоне вообще перестали разговаривать. Контролер уже проверил билеты, порекомендовав пассажирам запереть купе перед сном, чтобы не обнаружить неприятных сюрпризов по прибытии.

Поезд часто останавливался, и Амос еще не спал, когда вдруг услышал, как в ночной тишине, сквозь звуки холодного зимнего дождя, голос из громкоговорителя объявил о прибытии на вокзал Пизы. «Я мог бы сойти здесь, в моем городе, и самолично решать, куда двинется моя жизнь! Почему же мне кажется, что у меня нет сил сделать это? Почему я улыбаюсь своим мыслям и остаюсь лежать на полке, скрюченный и неподвижный, и даю увезти себя, как кто-то за меня решил?»

Поезд отошел от платформы почти сразу же. Амос перевернулся на другой бок. Внезапная усталость овладела им; он закрыл глаза и уснул.

XXX

Когда поезд остановился на вокзале в Сан-Ремо, Амос с Эленой вышли из вагона первыми. Ярко светило солнце, и мягкий ветерок, долетавший со стороны моря, стер все следы усталости с их лиц. Ночь, холод и мрачное чувство одиночества и дискомфорта остались позади.

Поезд уже трогался, когда к ним подошла приветливо улыбавшаяся моложавая женщина. Это была Дельфина, чьей обязанностью было помогать Амосу в течение всего фестивального периода, организовывая его рабочее и свободное время.

«У тебя есть время только на то, чтобы бросить чемоданы и принять душ, а потом сразу начинаются интервью для радио – их три, по-моему, – а потом еще три встречи с журналистами из печатных изданий», – смеясь, объявила Дельфина, крайне довольная своей работой.

Амос был вне себя от радости. Все происходившее было даром судьбы – побольше бы таких даров! Он чувствовал себя великолепно, был полон сил, и ничто не могло его сейчас остановить. Начиналась репетиция, и все с нетерпением ждали его; его детская мечта должна была вот-вот исполниться! Он полностью отдавал себе в этом отчет, но тем не менее был совершенно спокоен, лишь вдыхал полной грудью солоновато-горький морской воздух и готовился выложиться на все сто. Он не знал, что многие говорили о нем как о потенциальном победителе фестиваля; но при этом никто из специалистов не верил в его дискографический успех. «В зале он, может, и произведет определенный фурор, – говорили они, – но ему не продать ни единого диска». Лишь синьора Катерина искренне верила в его успех и сделала все, чтобы убедить в этом своих сотрудников, зубами и когтями защищая проект со всей страстью и упорством бывшей актрисы. Вместе с Микеле они сделали все возможное, теперь оставалось лишь стучать по дереву и ждать, как все обернется.

Амос тем временем трудился и постепенно проявил себя не только как певец, но и как человек, отдающий делу лучшую часть самого себя – без какого бы то ни было притворства и прятания под маской очевидности и банальности. Ведь он был родом из деревни, и то, что он из себя представлял, являлось плодом простого крестьянского воспитания, еще глубже укоренившегося в нем благодаря Этторе.

Отвечая на вопросы журналистов, он всегда говорил только

то, что в действительности думал, – так было проще и эффективнее. Во время одной из пресс-конференций какой-то тип завладел микрофоном и начал жестко критиковать категорию «Новые имена», говоря, что, с его точки зрения, из нее не вышло ничего действительно нового и оригинального. Он призывал каждого из участников хоть как-то оправдать свое присутствие на этом мероприятии, которое оставалось бесспорно самым крупным событием в мире национального шоу-бизнеса. Вне всякого сомнения, это была провокация, и все отвечали на неудобный вопрос с большим трудом и некоторой неловкостью. Когда настала очередь Амоса говорить, он спокойно произнес: «Честно говоря, я всегда старался следовать за прекрасным, а не растрачиваться на льстивые обещания нового…» Он не успел закончить свою мысль, как его заглушили бурные аплодисменты – так окружающие встретили его оказавшуюся действенной защиту самого себя и других «новеньких».

На следующий день почти все итальянские газеты, отдававшие много места под статьи об этом безусловно значительном событии в мире музыки, привели слова Амоса; одна из них даже вынесла их в заголовок, написав: «Барди отвечает немногословно, и он уже герой».

Известному журналисту, который яро критиковал фестиваль на телевидении, ссылаясь на низкий уровень песен, и упоминал, среди прочих, и Амоса, он ответил: «Кто знает, возможно, вы правы: в любом случае, есть те, кто делает дело, и те, кто критикует. Я предпочитаю делать дело».

Тем временем напряжение все нарастало, им буквально дышало все вокруг. Амос с любопытством пытался понять, почему так происходит, и в то же время оставаться вне этого. Окружающие были либо чрезмерно нервными, либо чрезмерно добрыми и сердечными, либо чрезмерно красноречивыми, либо чрезмерно молчаливыми – короче говоря, всего у них было чересчур. Понятное дело, каждый старался принять важный вид и выглядеть достойным и спокойным, но любой жест или слово выдавали плохо скрываемое волнение. Вокруг все только и делали, что говорили о фестивале, его сплетнях и слухах, – казалось, в мире в эти дни нет ничего важнее закулисья Сан-Ремо. Амос отдавал себе отчет в нелепости такого подхода и даже смеялся над ним, но вскоре помаленьку и сам стал неизбежно втягиваться в общую атмосферу, в этот докрасна раскаленный капкан. Тогда он все чаще стал запираться в гостиничном номере и старался думать о чем-нибудь другом, как ему настоятельно советовал Этторе.

Интересно, как Этторе воспринимает это внезапно

свалившееся на голову его юного друга приключение?! Наверняка продолжает жить своей привычной жизнью в Лайатико, сохраняя невозмутимость и трезвость ума. Амос не слышал его с самого отъезда, и это было хорошим знаком: значит, Этторе верит в него, и ему нечего советовать… Тем не менее Амос частенько представлял себе, что думает о нем Этторе, и это необычное путешествие мысли придавало ему уверенность и спокойствие.

А время шло, и неумолимо приближался день финала – последняя суббота февраля, когда больше двадцати миллионов итальянцев собираются перед телеэкранами и не отрываясь смотрят фестивальную трансляцию от начала до конца. И подумать только, что все они будут слушать его голос, смотреть на него и выносить свои суждения. Всего за какие-то минуты эти двадцать миллионов решат его судьбу: он прекрасно понимал это, но старался думать о чем-нибудь другом.

В пятницу в Сан-Ремо приехали его родители и дяди с тетями; среди них был и тот самый дядюшка, который провожал его на сцену в тот незабываемый день, когда Амос получил свою «Золотую маргаритку». Что же до близких друзей, все они предпочли остаться дома и следить за фестивалем по телевидению. Амос часто задумывался о них, он чувствовал их поддержку на расстоянии и знал, что они переживают за него и надеются на лучшее. Адриано и Верано наверняка усядутся рядышком перед маленьким телевизором, и их сердца будут взволнованно стучать в унисон; да и в его родном Лайатико все тоже будут болеть за него. А в Ла Стерца в одном из промышленных ангаров даже установили огромный телеэкран и поставили сотню стульев.

Амос не знал этого, но у него колотилось сердце при одной мысли о всех тех, кто мысленно был с ним в эти мгновения, о тех, кто переживал за него и дрожал от волнения так же, как и он сам. Все остальные никоим образом не занимали его мысли – ни те, кто смеялся над его устремлениями и многочисленными безуспешными попытками добиться чего-либо, ни те, кто старался превратить в прах его надежды. Таким людям он не посвятил и секунды своего времени, будучи уверенным в том, что в столь значительные моменты жизни нужно думать лишь о хорошем.

Наконец наступила суббота. Амос провел ее в полном одиночестве, запершись в гостиничном номере, и в самом строгом молчании. Когда Дельфина пришла за ним, она с изумлением обнаружила, что его словно никак не затронула общая атмосфера, царившая за стенами его комнаты. Амос даже не включил телевизор, чтобы посмотреть, как проходит фестивальный вечер, начавшийся час назад. Было уже поздно, и

следовало торопиться в театр. Такси ждало их у входа в отель. Он сел сзади вместе с Эленой, а Дельфина устроилась на переднем сиденье и стала быстро давать инструкции водителю.

На дорогах были адские пробки. На тротуарах стояли толпы людей: всем хотелось увидеть артистов вблизи, – и то и дело раздавались безумные крики, когда кому-то казалось, что в очередном роскошном автомобиле мимо проезжает знаменитость.

Выйдя из такси, Амос протиснулся через толпу, которая еще не слишком хорошо знала его в лицо, и поспешил в гримерку. Едва он начал распеваться, как уже настал его черед выходить на сцену. Элена не отходила от него и крепко сжимала его руку. С другой стороны шла синьора Катерина, тоже заметно взволнованная: после всех предпринятых ею попыток протолкнуть этот необычный даже с коммерческой точки зрения проект она тоже внутренне готовилась к грядущим переживаниям и никак не могла успокоиться. Элена хранила молчание и все пыталась сглотнуть застрявший в горле ком, который мешал ей свободно дышать. Когда она услышала имя Амоса и поняла, что ей нужно отпустить его, внезапная мысль пронзила ее: «Я всегда была рядом с тобой, любила тебя и была готова на все! Но сейчас я могу только стоять здесь и переживать за тебя. Теперь все в твоих руках, иди, и будь что будет; иди, любимый!»

Сжавшись в комочек в первом ряду, синьора Барди испытывала такие же чувства, как и ее невестка. В подобных случаях супружеская и материнская любовь очень похожи: обе пронзительны и абсолютно искренни. Синьору Барди тоже охватило ощущение бессилия, когда ее взгляд устремился к сыну, севшему за рояль и мягко опустившему пальцы на клавиши. Ей так хотелось привести ему в порядок прическу, поправить воротничок рубашки, может быть, расстегнуть пуговичку на пиджаке, подсказать ему, чтобы повыше держал голову, вел себя спокойно; и она вдруг стала истово читать про себя короткую молитву. Она сжала кулаки и закусила губу, а затем откинулась на спинку кресла и замерла, словно силы окончательно покинули ее. Только ее большие добрые глаза излучали свет, согревая Амоса лучами надежды, радости, силы, страха, страсти и волнения.

Амос запел, и в его голосе звучали все тот же страстный порыв, тот же дух отождествления, что всегда отличали его. Он пел и думал лишь о том, что нужно выложиться до предела. Первую строчку он спел почти робко, с нежностью, но затем вложил в голос всю его силу и теплоту. И реакция не заставила себя ждать: зал немедленно разразился громкими аплодисментами.

Элена и синьора Катерина стояли за кулисами и следили за выступлением своего героя по специальному монитору. Они не сводили с Амоса глаз, не в силах сдержать рвущиеся наружу эмоции.

Амос, успевший к тому времени успокоиться и полностью овладеть собой, вкладывал в каждое слово песни столько чувства и энергии, что сам поражался, а переход с одного тембра на другой давался ему так легко, что публика в зале была вне себя от восторга: кто-то из зрителей выкрикивал фразы одобрения, другие в экстазе вскакивали со своих мест; в самом конце исполнения встал уже весь зал. Разразившиеся овации и крики оглушали, у многих на глазах блестели слезы, и даже ведущий не мог справиться с ситуацией.

За кулисами Амоса сразу же встретила Элена, которая не сказала ему ни слова, а просто повела обратно в гримерку. Но на лестнице она вдруг остановилась, обеими руками схватила Амоса за лацканы пиджака и, спрятав лицо у него на груди, разрыдалась. Катерина, которая шла позади, увидела это, но не стала останавливаться, чтобы не потревожить редкую по своей романтичности, в особенности в наши дни, семейную сцену, лишь легонько потрепала по волосам своего нового артиста.

Вскоре Амоса вместе с остальными исполнителями проводили на другой этаж, где следовало ждать результатов голосования. Нужно было пройти по узкому коридору, по обеим сторонам которого располагались многочисленные двери, ведущие в комнаты – по одной на каждого исполнителя.

В комнате, предназначенной для него, Амос обнаружил лишь один-единственный стул. Он сел, а Элену посадил к себе на колени. Через тоненькую стенку, отделявшую Амоса от соседей, он вдруг услышал звуки акустической гитары: кто-то бренчал, стараясь обмануть время и справиться с нараставшим с каждой секундой волнением. Впрочем, поделать уже ничего было нельзя, да и говорить особо не о чем. Каждое произнесенное слово казалось бессмысленным и смешным. Периодически из зала доносились одобрительные крики, но это была ложная тревога. Прошло совсем немного времени, но у всех было ощущение, что миновала вечность.

Внезапно в дверь постучали: это была Барбара, помощница Дельфины, которая работала в той же дискографической компании. «Идем, – сказала она, улыбаясь, – нам надо торопиться».

«А что такое?» – немного удивленно и с нетерпением спросил ее Амос.

«Как?! Ты что, не знаешь?» – воскликнула она недоверчиво.

«Нет, – откликнулся Амос, – мне сказали, чтобы я подождал здесь пять – десять минут, но прошло уже гораздо больше…»

Барбара перебила его: «Ты победил, Амос! Ты победил, а тебе до сих пор никто ничего не сообщил?! Надо бежать, меня прислали за тобой!»

На мгновение Амосу показалось, что он спит и видит сон. Его охватило оцепенение, он не мог произнести ни слова, но потом взял себя в руки. «Ну, тогда пойдем», – сказал он спокойно. Их окружали все остальные участники, и ему не хотелось ранить кого бы то ни было лишними проявлениями восторга. Он взял Барбару под руку, и они пошли к лестнице, а Элена следовала за ними. По пути все пожимали ему руки и поздравляли с победой.

Наверху его остановили журналисты трех крупных новостных изданий: «Буквально два слова по горячим следам, Барди: что вы чувствуете в данный момент, о чем думаете?»

«Что чувствую? – ответил Амос. – Даже не знаю, как объяснить, но все мои мысли сейчас – о моих друзьях, тех, кто разделяет со мной эту огромную радость, о тех, кто находится далеко от меня физически, но душевно близок мне, как никто другой…»

Миллионы телезрителей тем временем прилипли к экранам в тревожном ожидании объявления имени победителя. Сквозь невероятный шум до Амоса донесся голос ведущего: «На десятом месте…» Он прислушался, но не сумел разобрать имя занявшего десятое место. Он с трудом пробрался сквозь толпу за кулисы, отодвинул тяжелый занавес и сделал еще несколько шагов вперед. Здесь голос ведущего был слышен вполне отчетливо: «На седьмом месте…» Тут он сделал внушительную паузу, чтобы наэлектризовать зрителей и заставить их поволноваться.

Амос подумал о родителях, которые наверняка еще ничего не знали и безумно переживали, в их душе надежда боролась со страхом, но он не в силах был сделать для них что-либо и только представлял, как они сидят в своих креслах, с каплями пота на лбу и ледяными руками, с пересохшим от волнения горлом и выступающими на глазах слезами… А синьор Барди даже встал и ушел вглубь зала, где прислонился к стене, сложив за спиной руки: так ему удалось спрятаться от людских взглядов, направленных на сцену.

Объявив имя исполнителя, завоевавшего второе место, ведущий, профессионал своего дела, прервался. Вновь повисла длинная драматическая пауза. Потом он позвал ассистентку, которой предложил угадать, кто победил, а тем временем группа техников бегом переносила рояль с одного места на другое – в ту точку, где он стоял во время выступления Амоса. Синьор Барди

заметил все эти передвижения и почувствовал облегчение: после объявления победителя тот должен будет заново спеть свою песню – значит, исходя из этих соображений, победителем является как раз его сын. На мгновение он растерялся, но наконец прозвучало имя Амоса, которое эхом прокатилось по всему залу, сопровождаемое бурными оглушительными овациями. Синьор Барди стал было аплодировать вместе со всеми, но потом вдруг повернулся лицом к стене, словно искал способ остаться наедине с самим собой в этот удивительный момент, в который он и поверить не мог. Но это была правда, абсолютная правда. Сколько борьбы, сколько разочарований, сколько беспокойства о будущем сына, который, по его мнению, был создан для того, чтобы петь, однако долго не мог найти возможность превратить свою большую страсть в способ зарабатывать на жизнь! И как раз когда он окончательно потерял надежду, все сложилось, словно по мановению волшебной палочки! В это мгновение все присутствующие встали, чтобы поприветствовать Амоса в роли победителя фестиваля итальянской песни. Ну как тут не сойти с ума от счастья?! Синьор Барди еще несколько секунд смотрел на стену перед собой, а потом обернулся, чтобы найти глазами жену. Она куда-то исчезла. Тут к нему подошел какой-то человек, который, внимательно посмотрев на него, опустил ему руку на плечо со словами: «А вы – отец, если я правильно понимаю?» Он показал в сторону Амоса, стоявшего у рояля. Синьор Барди смущенно кивнул. «Мои поздравления! Меня зовут Анджело, я парикмахер и причесывал вашего сына перед выступлением. Я уже успел полюбить его, как близкого друга».

Амос поблагодарил всех тех, кто работал вместе с ним, нашел добрые слова для своих менее везучих коллег по фестивалю, снова спел свою песню под всеобщий энтузиазм и стал позировать фотографам. Прошел час с лишним, пока он смог наконец обнять родителей и друзей и провести с ними несколько свободных минут. Затем наспех перекусил и отправился в рейд по радиостанциям, где давал интервью до пяти утра. На следующий день он пару раз появился в телевизионных программах и в конце концов отправился домой, где его ждал самый настоящий сюрприз. Когда машина отца подъехала к мосту через Стерцу, там обнаружился огромный плакат с приветственными словами: «Амос, спасибо, что заставил всех в Сан-Ремо встать!» На другом конце моста собралась невиданная для здешних мест толпа, которая остановила их автомобиль. Все местные объединились, чтобы встретить и обнять своего нового героя. Все прикасались к нему, обнимали, кричали что-то восторженное, а Серджио, его добрый друг детства, крепкий, словно чемпион по греко-римской

борьбе, заслонял его от самых настойчивых. Это было поистине трогательное, незабываемое проявление чувств – его могут понять лишь те, кому выпало счастье родиться в небольших местечках. Амос, естественно, был бесконечно счастлив, но при этом его не покидало отчетливое ощущение, что все только начинается, что ничего особенного на самом деле еще не случилось.

XXXI

Еще какое-то время Амос боялся, что однажды утром он вдруг проснется в своей постели и все случившееся окажется лишь сном и его по-прежнему будут окружать те же самые неразрешимые проблемы, что и всегда. В действительности же очень многое в его жизни поменялось, и довольно быстро. Теперь все вокруг говорили о нем, многие хвастались своей дружбой с ним, в реальности никогда не существовавшей, или рассказывали эпизоды из якобы совместных приключений с Амосом, на самом деле являвшихся лишь плодом их воображения. Амоса это здорово веселило, и он иногда смеялся до слез. Многие проблемы практического порядка, по крайней мере срочные, были буквально сметены этим неожиданным и невероятным событием, из которого он вышел настоящим победителем и главным героем.

Но вот его личная жизнь с каждым днем все больше становилась достоянием публики; скрывавший ее занавес приподнимался, и это заставляло Амоса страдать – впрочем, так же как и поведение соседей и знакомых, которые не сумели сохранить в общении с ним былую естественность. Теперь он чувствовал, что за ним постоянно наблюдают, если не сказать – преследуют. Не то чтобы в окружающих появилась какая-то фальшь, скорее просто не хватало спонтанности, к которой Амос так привык и не мог без нее обходиться. Иногда ему казалось, что нечто непонятное делает его «другим» в глазах людей, и втайне надеялся, что со временем вновь станет «нормальным». Впрочем, новые обязанности все дальше уводили его от дома и от земляков.

Элена сопровождала его почти повсюду, счастливая, но слегка обеспокоенная этим внезапным изменением привычного образа жизни. Амос старался ободрить ее, говорил, что цель брака – дарить покой, что это драгоценность, которую каждый должен защищать всеми силами. Однажды вечером, возвращаясь домой после долгого учебного дня вместе с Карло, он обнаружил, что Элена встречает его на площади перед домом. Июнь был уже в разгаре, и на улице было очень хорошо, но ему все-таки показалась немного странной эта необычная забота. Элена выглядела чрезмерно веселой; она взяла его под руку, проводила в дом и, лишь закрыв дверь, с растерянным выражением человека, который не знает, как начать разговор, призналась мужу, что ждет ребенка. Она была счастлива и вся сияла – он не помнил ее такой радостной. С кухни до Амоса доносился аромат, от которого текли слюнки, а на столе стояла охлажденная бутылка

шампанского, чтобы достойным образом отпраздновать это экстраординарное событие. Амос тоже был по-своему счастлив, но в основном радовался за жену. Честно говоря, он никогда не испытывал особого интереса к малышам, в особенности к новорожденным. Конечно, он будет любить своих детей, но он и представить не мог, каково это, и ему было любопытно пережить этот опыт, который, как ему было хорошо известно, меняет жизнь каждого. Как бы то ни было, радость Элены оказалось заразительной, и Амос с удовольствием принялся строить вместе с ней тысячи маленьких планов: местоположение детской, необходимые покупки, небольшой ремонт в доме для удобства и безопасности новорожденного.

Тем временем Амос готовился к дебюту в роли Макдуфа в «Макбете» Джузеппе Верди. Ему предстояло выступать в местном театре, и этот факт наполнял его гордостью: непонятно почему, но ему казалось, что это знак судьбы и – самое главное – настоящий вызов всем тем скептикам, что неоднократно утверждали с уверенным видом, что слепому никогда не выйти на театральную сцену. Тогда он вспомнил слова Гёте: «Жить в идее – означает считать невозможное возможным». Он старательно разучивал роль, и, когда начались репетиции, все тут же полюбили его за усердие: он всегда первым приходил и последним уходил, прислушивался к советам и делал все, чтобы дирижер и режиссер были довольны, а коллеги не воспринимали его как помеху.

Билеты разлетелись вмиг; вокруг себя он чувствовал атмосферу любви и признательности и от этого – по вполне понятным причинам – ощущал волнение и огромную ответственность. Распеваясь в гримерной, в толстом шерстяном костюме, он еще до начала действия был весь мокрый от пота. Шел сентябрь, и все еще стояла жара. Театр был переполнен. Роль у него была не такая уж большая, но в те моменты она казалась ему невероятно сложной. Он знал, что ему предстоит внимательнейшим образом прислушиваться к вздохам коллег, чтобы не ошибиться, где нужно вступить. Он понимал, что не может позволить себе быть рассеянным: спокойствие и максимальная сосредоточенность были сейчас необходимы, чтобы не упасть лицом в грязь на сцене; он отлично знал это и чувствовал на своих плечах весь груз ответственности за собственный дебют. В одном он был уверен: в его душе есть те необходимые крупицы справедливости, которые помогают ему полностью отождествлять себя со своим героем и правдоподобно сыграть роль человека, в конце концов побеждающего зло. Он бесконечно любил эту роль, и публика немедленно почувствовала

это.

Когда Амос вышел на сцену в окружении трех балерин, олицетворявших грустные воспоминания отца о детях, безжалостно уничтоженных рукой тирана, он вдруг подумал о своем собственном ребенке, который готовился к появлению на свет, и глубоко растрогался. В его голосе звучала вся печаль человека, который страдал и жестоко сражался, и в конце арии, еще до того, как затих его голос, трепещущий от эмоций, зал разразился оглушительной овацией, увенчавшей громкий успех постановки.

А ведь еще несколько месяцев назад Амос играл в музыкальных барах, услаждая слух рассеянных посетителей! Когда он думал об этом, его охватывала огромная благодарность.

Вскоре маэстро Паваротти пригласил его участвовать в качестве гостя в одной из телепрограмм, где они должны были выступить дуэтом. Приглашение поступило среди ночи. Амос уже крепко спал, когда громкий телефонный звонок внезапно заставил его подскочить в постели; голос на том конце провода произнес: «Добрый вечер, это Лучано Паваротти…» Поначалу, еще не проснувшись окончательно, Амос подумал, что его разыгрывают, но потом он все-таки узнал тембр голоса самого великого тенора в мире, который невозможно было спутать ни с каким другим, и ему оставалось лишь поверить в чудо, что происходило с ним в данный момент… Всего каких-то пару лет назад он пытался приблизиться к маэстро после концерта, чтобы пожать ему руку и сказать несколько добрых слов, но у него ничего не получилось – охрана просто не подпустила его.

И вот теперь все стало возможным – но почему, по какой причине?! Он постоянно задавался этим вопросом, а тем временем продолжал двигаться вперед, не обращая внимания ни на усталость, ни на внезапную смену образа жизни, ни на грубый отрыв от того, к чему он привык за целую жизнь.

В начале октября дискографическая компания предоставила ему студию в Болонье, чтобы он смог записать свой новый альбом. Амос искренне беспокоился за выбор песен. Он понимал, что совершенно необходимо найти хотя бы одну композицию, которая бы сразу поразила сердца слушателей, ведь если этот альбом не будет иметь успеха, то все, чего он добился, окажется бессмысленным, и его достижения рассыплются в прах. Но у дискографического бизнеса свои сроки, и их следует соблюдать, так что ему оставалось лишь записывать альбом и терпеливо ждать, надеясь на лучшее.

Как оказалось, сюрпризы на этом не закончились. В середине декабря Амоса пригласили участвовать в рождественском

концерте в Ватикане, в зале Нерви. Для него это было огромной честью и самым настоящим признанием – выступать в таком месте, бок о бок с самыми знаменитыми артистами из разных стран мира. Амос постарался выложиться до предела, и публика в переполненном зале приняла его в высшей степени тепло.

Спустя несколько дней Амос и Элена уехали в Стокгольм, где ему предстояло принять участие в новогоднем концерте. Это был поистине незабываемый опыт. Проблемы начались сразу же на выходе из аэропорта, по причине трудностей с общением: Амос тогда еще неважно владел английским, а те, кто его пригласил, не знали ни слова по-итальянски. Даже самые простые вещи оказались сложными, несмотря на то что все были чрезвычайно любезны и добры. Кроме того, на улице стоял полярный мороз, и Амос переживал за здоровье жены, которая к тому времени была на седьмом месяце беременности. Он думал об Италии, о своих друзьях, вместе праздновавших Новый год, и ему было грустно и одиноко, как никогда раньше, – настолько, что в день концерта он заперся в гримерной и чуть не расплакался; но потом ему стало стыдно за свою слабость, он взял себя в руки и вышел на сцену – правда, в этот момент он больше напоминал приговоренного к смертной казни, нежели многообещающего артиста.

В Италию он вернулся счастливый, словно школяр, и сразу принялся за работу. Приближался фестиваль, и Амосу снова предстояло пройти через этот риск, даже вопреки собственному желанию. Песня, которую он уже записал, была, вне всякого сомнения, интересной, выходящей за рамки традиционных канонов и моды, но при этом, по его мнению, уж чересчур рафинированной, чересчур элегантной; ей явно не хватало взрывной силы, столь необходимой в таких обстоятельствах, где все решается за пять минут. «Эта песня, – говорил он Микеле и Катерине, – была бы хороша для долгоиграющего конкурса, а не для такого короткого…»

«Ничего лучшего у нас нет, – отвечали те. – Композиция действительно прекрасная, ты должен верить в это и защищать ее изо всех сил. И потом, у нас нет возможности сидеть и ждать – мы не можем упускать такую возможность…»

Амосу пришлось смириться. Он решил, что все, вероятно, происходит так, как нужно, и бессмысленно стремиться против течения. Лучше двигаться с попутным ветром и стараться избегать аварий и инцидентов. Так он и сделал.

В Сан-Ремо он отправился дождливым и холодным февральским утром, на специально присланной за ним в Поджончино машине. Все так же, как и в прошлом году, – с той разницей, что на этот раз он поехал без жены. Элена решила

остаться дома, потому что боялась случайно родить в больнице, где она никого не знает. Амосу, конечно, хотелось взять ее с собой: по его расчетам, они успевали съездить и вернуться обратно до радостного события, но он не стал настаивать. Он только попросил жену не рисковать и ни в коем случае не оставаться ни на минуту одной. Потом он уехал.

Пребывание в Сан-Ремо с самого начала оказалось приятным и менее утомительным, чем ожидалось. Рядом были Адриано, Пьерпаоло, молодой музыкант, с которым они очень сдружились, и его родители. Амос выступал вечером 21 февраля. Он очень старался, но явно был не таким сосредоточенным, как раньше; кроме того, песня – и он это прекрасно знал – была не из тех, что мгновенно завоевывают публику. Поэтому в результате голосования она не попала даже в первую десятку. Произошло то, чего Амос так боялся.

Первое место по результатам предварительного голосования заняла одна молодая певица, которую тоже продюсировал Микеле. Амосу были хорошо известны последствия такой ситуации: теперь Микеле бросит все свои силы на новый проект, а его отодвинет в сторону. Это было ужасно. Все могло рухнуть в любой момент, превратиться в ничто, и тогда ему придется начинать все сначала, к вящей радости сплетников, которым временно пришлось прикусить языки после его победы на фестивале в прошлом году. Сколько ужасных вещей будут про него говорить! С улыбкой на губах злопыхатели станут подавать голос: «А я ведь говорил, что у него никогда ничего не выйдет, в прошлый раз ему просто подфартило…» Все эти мысли роились в голове Амоса и лишали его покоя, а Микеле тем временем действительно почти не показывался. Ситуация в самом деле становилась критической; Амос был расстроен, но не опустил руки – бойцовский дух не оставил его. С другой стороны, что он мог поделать, разве только попытаться исправить ситуацию?

Он ушел к себе в номер и попросил, чтобы его не беспокоили ни под каким видом. Ему необходимо было отдохнуть, ни о чем не думая, чтобы заново обрести покой. Что бы ему посоветовал Этторе? Неужели все вернется на круги своя? Почему так невыносимо тяжело проигрывать? Он так и уснул, погруженный в мрачные мысли.

Внезапно его разбудил какой-то шум; он подскочил и услышал голос матери. «Зачем они меня разбудили?» Он был раздражен и даже хотел сказать что-нибудь резкое, но вдруг вновь услышал, как мама говорит ему: «Он родился, родился! Все хорошо!»

Амос вскочил с кровати. «Успокойся, говорю тебе, все в

порядке! Элена чувствует себя хорошо. А ты отдыхай и ни о чем не думай. Прости, я просто должна была сказать тебе сразу». Она поцеловала сына и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Амосу не удавалось снова уснуть. Непрерывный поток мыслей захлестывал его мозг: на свет появился новый человечек, который станет теперь жить у него дома, – каким же будет этот ребенок? Впервые это пробудило в нем любопытство. Он чувствовал, что не в силах ждать окончания фестиваля, чтобы познакомиться со своим сыном; кроме того, он испытывал угрызения совести от того, что его не было рядом с женой в такой важный для супружеской пары момент. Кто знает, как Элене пришлось страдать и как ей не хватало его, а ведь она привыкла, что он все время рядом…

Вдруг он вспомнил про фестиваль, и у него сжалось сердце: его положение в классификации исполнителей было поистине трагическим. Хорошо же он выглядит – теперь, когда ему следовало бы почтить рождение своего первого сына самым лучшим результатом! Его охватила глубокая печаль, и горе тому, кто попробовал бы сказать ему, что он должен быть доволен и что это радостное событие стоит любой победы на фестивале… Ах, как фальшивы подобные разговоры! Отец должен служить примером для своего ребенка, должен бороться и побеждать: в каждом деле следует выкладываться на все сто, быть для своих близких образцом справедливости и морали, – только в этом случае победа одного человека становится общей победой.

Между тем как раз из этих соображений следовало прекратить предаваться ненужным размышлениям и сосредоточить все свои силы на текущих обязанностях. Пытаясь казаться спокойным, Амос подготовился и вышел на сцену, как в первый вечер, исполненным добрых намерений.

К сожалению, это никак не улучшило его положение в классификации исполнителей. Он сидел за столиком в ресторане со своими родителями, когда принесли результаты голосования. У него немедленно пропал аппетит – он больше не мог проглотить ни кусочка. Тогда он обратился к отцу: «Я должен поехать к Элене. У меня два свободных дня, и я не останусь здесь…»

Синьор Барди сразу же понял, что ничто не заставит его сына передумать. Вообще-то, это желание было абсолютно законным, и он вызвался проводить сына в больницу Вольтерры, где рожала Элена и где ей предстояло пробыть еще несколько дней.

За все путешествие Амос не произнес ни слова. Им владело легкое беспокойство, и он не в силах был справиться с ним. Он боялся, что не полюбит своего сына, что останется равнодушным

при первом физическом контакте с этим новорожденным существом, и мучился от мысли, что расстроит этим Элену, к которой испытывал сейчас совершенно новое чувство нежности и благодарности.

Когда он перешагнул порог палаты, где между двух кроватей стояла маленькая люлька, у него громко заколотилось сердце. Он глубоко вздохнул, как делал всегда перед выходом на сцену, и вошел внутрь. Ему было ясно, отчего так сильно бьется сердце, но он не мог справиться с этим.

Он подошел к постели Элены и робко обнял ее, словно боялся сделать больно. Жена вдруг показалась ему невероятно хрупкой. Он спросил, как она себя чувствует, а потом вспомнил о ребенке и, изображая интерес, которого на самом деле не испытывал, подошел к люльке и осторожно нащупал в ней новорожденного. Малыш тихо спал. Страх разбудить его мог послужить Амосу прекрасным предлогом, чтобы отложить первый контакт, но странное любопытство победило все его колебания. Он протянул руки и с осторожностью, на которую даже не считал себя способным, поднял сына и прижал к груди.

Сладковатый запах новорожденного, слабый, но отчетливый, достиг его ноздрей, заполняя все вокруг. Амос глубоко вдохнул этот незнакомый доселе аромат и впервые в жизни почувствовал своеобразное опьянение; он прикоснулся губами к щечкам малыша, а когда наконец решился что-то сказать, вдруг обнаружил, что они с женой остались в маленькой больничной палате вдвоем. Все остальные вышли, чтобы дать ему свободно выразить свои эмоции – ощущения, которые в семейном кругу считаются самыми интимными, самыми глубокими и незабываемыми.

В эти короткие мгновения он понял, что новое чувство, новая форма любви глубоко пустила корни в его сердце. Это произошло ошеломляюще стремительно, и теперь он чувствовал себя другим человеком, вновь завоевавшим в собственных глазах способность делать значительные вещи. Теперь это маленькое и беззащитное существо находилось для Амоса на самой вершине иерархической лестницы, а он был его отцом и без колебаний отдал бы за него жизнь.

Главврач разрешил ему остаться с Эленой на ночь, и Амос был бесконечно благодарен за это одолжение. Он попрощался с отцом и с малышом на груди растянулся на свободной постели, пообещав жене, что уложит сына в люльку, прежде чем уснуть. Но спать не хотелось, да и малыш, казалось, вслушивался в биение его сердца. Новое чувство, глубокое и таинственное, овладело им в эти мгновения, и с каждым движением и криком ребенка оно

становилось все сильнее и сильнее. Рядом спала женщина, которая подарила жизнь его сыну, а он, Амос, теперь стал отцом. Эта мысль вдруг показалась ему чем-то настолько грандиозным и сложным, что с трудом помещалась в голове; между тем это было именно так. Он думал и нежно гладил личико своего ангелочка и маленькое тельце, словно пытаясь навсегда впитать в себя каждую черту крошечного создания. Он нашептывал ему бессмысленные, но полные чувства слова, пока малыш не уснул. Тогда Амос, охваченный волнением, стараясь не двигаться, чтобы не разбудить его, медленно стал складывать в уме стихи, в которых отразились все ощущения и мысли этих незабываемых часов:

Словно великан, гордый и счастливый,
Обнимаю я своего малыша,
И его нежное тельце,
Хрупкое и трепещущее, как птичка,
Прижимается к моей груди.
Он лежит тихо и спокойно,
Он уже почти уснул,
И на мгновение моя судьба
Вдруг кажется мне прекрасным сном.
И тут я вижу себя стариком,
Покорно сидящим у камина
И, будто ребенок, в тревоге ждущим,
Когда настанет вечер
И вернется сын, чтобы подарить мне улыбку.
Словно волшебный дар —
Каждое его слово, нежность и ласка,
И бесконечна радость от его объятий…
Потом виденье это исчезает,
Но я понимаю, что душа моя похищена
Этим новорожденным младенцем,
Чья жизнь для меня бесценна…

На несколько часов Амос напрочь позабыл о фестивале, о проблемах, связанных с карьерой и собственным будущим: необъяснимое чувство благодарности к целому миру и пьянящий восторг полностью поглотили его. Он тихонько поднялся с постели и принялся медленно прогуливаться по палате с малышом на руках.

«Есть на свете человек, которому я обязан всем тем, что знаю и умею, человек, научивший меня, что лучше делать, чем говорить, что лучше сомневаться, чем быть непоколебимо

уверенным в чем-либо, что важнее пытаться быть кем-то, нежели что-то иметь. Я дам своему сыну его имя – Этторе; так я буду всегда помнить о нем, когда его самого уже не будет».

Счастливый, что ему пришла в голову эта идея, которую наверняка поддержит и Элена, он подошел к люльке и опустил туда малыша. Потом лег и постарался уснуть, чтобы отдохнуть в преддверии обратной поездки и грядущих тяжелых дней.

XXXII

Рано утром Амос уехал обратно в Сан-Ремо. Ему было невероятно грустно покидать Элену и сына, но долг превыше всего.

В день финала он чувствовал себя великолепно, был в прекрасной форме и ощущал необходимое спокойствие, чтобы выступить на уровне. Зрители тем временем постепенно оценили его песню. Его выступление приняли очень тепло, так что и положение Амоса в классификации значительно улучшилось, однако выше четвертого места он все равно не поднялся. Он был жестоко разочарован: фактически это можно было рассматривать как знак неуклонного падения. Но что тут поделаешь? Необходимо было взять себя в руки и по-прежнему отдавать делу всего себя. Теперь ему предстояло растить ребенка, который со временем наверняка последует примеру своего отца, поэтому ему нужно было удвоить собственные усилия.

Таким образом, не забывая и об учебе, Амос посвятил себя продвижению своего нового альбома, отправившись вместе с Карло в нескончаемое турне по Европе, во время которого у него не было ни минуты отдыха. Ему приходилось бороться с постоянной усталостью и скукой от вечных ожиданий в аэропортах и гримерках теле– и радиостудий. Элена с ребенком ждали его дома, и она, казалось, понимала всю необходимость этих разъездов, несмотря на то что из-за них она оставалась совсем одна.

В октябре они вместе отправились в длительные гастроли по Бельгии, Голландии, Германии, Франции и Испании. Концерты проходили весьма необычно: большой оркестр сначала играл симфонические произведения, а затем аккомпанировал исполнителям, выступающим в разнообразных музыкальных жанрах. Публике в этих странах очень нравились такие концерты, и каждый вечер их ждали переполненные залы.

Дискографической компании Амоса каким-то образом удалось включить его в этот удивительный проект, и – к удивлению Амоса – после первых же концертов его альбом стал разлетаться с бешеным успехом во всех странах, где проходили его гастроли.

Так в жизни Амоса начался период тяжелейшей работы, когда он был вынужден проводить в разъездах около трехсот дней в году. Правда, результаты этих усилий оказались просто невероятными; мы бы, конечно, не осмелились приводить их здесь, если бы речь не шла об абсолютно правдивой истории, на

изложение которой потратили целые реки чернил журналисты всего мира.

Вскоре альбом Амоса стали буквально сметать с прилавков. В Германии производители компакт-дисков однажды были вынуждены работать все выходные, чтобы удовлетворить нескончаемые запросы покупателей – по их утверждению, доселе беспрецедентные. То же самое произошло во Франции спустя два месяца, а потом и в Америке, где до этого момента барьер, возведенный перед неанглоязычными исполнителями, казался практически непреодолимым.

Что же случилось? Этим вопросом задавались все вокруг, включая Микеле, который, не теряя времени, вновь с головой погрузился в проект Амоса. На сей раз он отдал ему все свои силы, забросив все, чем занимался до этого, и полностью сосредоточившись на карьере певца, с каждым днем все больше похожей на прекрасную сказку. Амос взлетел на самые вершины хит-парадов всего мира, причем как в популярной, так и в классической музыке. Теперь его буквально разрывали на части: дискография настойчиво призывала его к продвижению своего альбома, а концертные залы и театры неустанно требовали выступлений, предлагая космические гонорары, отказываться от которых было все сложнее, тем более Амосу, до последнего времени считавшему себя простым деревенским парнем, едва сводящим концы с концами, чтобы содержать семью…

И все же, невзирая на атмосферу окружающей эйфории, оглушительного успеха и внезапно изменившихся финансовых обстоятельств, он пытался не слишком меняться сам и по возможности не менять свой образ жизни. В его сердце по-прежнему главенствовали родные и друзья, а также все его земляки – те, кто ждал его возвращения с фестиваля с огромным плакатом: «Амос, спасибо за то, что заставил всех встать в Сан-Ремо!» Этого ему никогда не забыть.

Путешествуя по всему миру, он старался повсюду демонстрировать скромность, естественность, сдержанность и несгибаемость характера, свойственные истинным жителям Тосканы. Возможно, именно эти качества делали его привлекательным в глазах Отца Небесного. Так же как и в глазах президента США, который лично пригласил его выступить перед ним. Кто знает? Амос сам частенько задавался этим вопросом, но не мог найти ответ, который бы отличался от того ироничного и в то же время благочестивого ответа, который он давал журналистам: «Будь что будет, на все воля Божья».

Время летело стремительно, и события – одно невероятнее другого – сменяли друг друга с бешеной скоростью. События эти

были настолько поразительными, что описывать их и рассчитывать на то, что читатель безоговорочно в них поверит, практически невозможно. Как бы то ни было, резко изменившийся образ жизни и растущее количество дел привели к тому, что Амосу пришлось призадуматься о переезде в более удобное для его передвижений место. Покупка нового, первого по-настоящему принадлежащего ему дома решала также проблему инвестиций его первых заработков. После длительных и непростых поисков он решил купить красивую виллу на границе с Версилией, в двух шагах от моря, в окружении Апуанских Альп – этого неподражаемого природного шедевра. Помимо всего прочего, там он мог наконец спастись от аллергии, преследовавшей его с времен ранней юности.

В этот же период Элена забеременела во второй раз. Родился мальчик, которого назвали Андреа. На этот раз Амосу удалось быть рядом с женой в радостный момент рождения сына, и этот новый опыт – такой болезненный поначалу и радостный в конце – сделал его очень счастливым. Газеты соревновались между собой в распространении этой новости, обогащенной самыми невероятными деталями, как правдивыми, так и вымышленными. Знаменитый артист был не слишком этим доволен, но он, увы, уже привык к тому, что его личная жизнь теперь принадлежала всем и каждому.

Как бы то ни было, это был один из самых лучших периодов в жизни Амоса, невзирая на вечную усталость, физическую и психологическую, и некоторые проблемы со здоровьем у его близких. Он чувствовал, что чудесный попутный ветер продолжает раздувать его паруса, сжимал кулаки и благодарил судьбу за то, что существует, и за все то, что она дарит ему, а главное, его родителям, которые столько сделали для него, которые когда-то переживали, что он не сможет самореализоваться и найти достойное занятие в жизни.

Честно говоря, одна мысль не давала ему покоя: он находился в постоянном конфликте с собственным голосом, который не только не хотел покоряться его требованиям, но и каждый день вел себя по-разному, каждый день доставлял все новые проблемы, быстрое решение которых не отыскали бы даже самые искусные маэстро. Кроме всего прочего, ему предстояло решить крайне острый и одновременно крайне важный вопрос, связанный с высокими нотами, которые у Амоса не всегда получались. «С твоими средними нотами можно очень хорошо петь, зато с высокими можно делать хорошие деньги!» – как-то сказала в шутку известная преподавательница вокала, чтобы стимулировать его. Амос очень расстраивался по этому поводу:

он не сможет до бесконечности исполнять лишь композиции, где мало высоких нот. Скоро критики все пронюхают и разбомбят его… Это заставляло его день и ночь с маниакальной навязчивостью думать о собственном голосе. Иногда он вставал среди ночи, пока вся семья спокойно спала, чтобы испробовать очередной высокий звук. Впрочем, когда его мучили сомнения по поводу своих вокальных способностей, он вообще не мог уснуть, пока не проведет эксперимент. Элена просыпалась и начинала сердиться, хотя и понимала, хорошо зная мужа, что тут не помогут никакие упреки и обиды. Амос всегда был готов извиниться, и ему действительно было неловко, но он осознавал, что не может пообещать, что такое не повторится следующей же ночью.

Однако со временем, благодаря его упорству и везению, у Амоса стали получаться и высокие ноты; поначалу они, конечно, были не слишком длинные и плохо поставленные, но все же. С каждым днем они становились все лучше и лучше, пока не стали наконец самой сильной частью его вокального диапазона.

Следом появилась проблема сочетания различных регистров, но работа над этим вопросом оказалась несравнимо более легкой, чем предыдущая.

Он шел вперед, его путь был тернист и полон трудностей, но вдалеке Амос видел свет, который давал ему силу и мужество. И потом, нельзя было опускать руки в тот самый момент, когда после стольких безуспешных попыток его карьера наконец пошла вверх…

Однажды его пригласили принять участие в концерте в Бремене, по случаю столетнего юбилея одной из самых крупных и престижных немецких дискографических компаний, «Дойче Граммофон»; и Амос, благодарный за то, что его почтили подобной честью, согласился. Стороны быстро подписали контракт. Он позвонил Этторе, чтобы попросить друга сопровождать его в Германию. Они давно не виделись, и Амосу очень хотелось хоть немного побыть с ним, узнать его мнение о некоторых событиях, происходящих вокруг, которые ему самому были непонятны; и потом, их встреча помогла бы ему понять, насколько успех все-таки изменил его самого и его образ жизни. Этторе – как обычно, строгому и справедливому – понравился бы своеобразный экзамен для совести, которому подвергал себя Амос, чтобы быть спокойнее и находиться в мире с самим собой. Возможно, причина была в том, что в глубине души он не чувствовал себя счастливым: ведь все эти деньги, в короткий срок заставившие его резко изменить свои привычки; конфликты, частенько довольно бурные, с коллегами, агентами и

дискографическими боссами; нападки прессы и критиков – все это утомляло и расстраивало Амоса. Он хотел поговорить со своим добрым другом – тот наверняка мог бы помочь ему.

Этторе немедленно откликнулся на приглашение. Он любил путешествовать и был рад вновь повидать Амоса «живьем», а не по телевизору. Он приехал в аэропорт, одетый, как всегда, в привычные джинсы, футболку и кеды. Подвижный и ловкий, словно мужчина в самом расцвете сил, Этторе на зависть прекрасно выглядел в свои семьдесят шесть; но все же Амос обнаружил в нем некоторые перемены, которые встревожили его. Ему казалось, что в какие-то моменты Этторе вдруг словно отдаляется, становится рассеянным, как если бы мысли внезапно уносили его далеко от реальности. Тогда Амос, заметно взволнованный этим, впервые задумался о старости Этторе: как же вынесет этот уверенный в себе и непобедимый человек, здоровый и сильный, будто вековой дуб, грядущие болезни и докторов, к которым он не обращался ни разу в жизни? Что, если он вдруг попадет в больницу?! Что сам Этторе думает обо всем этом? Неужели он постепенно теряет интерес к происходящему в мире? Амос попытался прогнать от себя эти странные мысли; светило яркое солнце, стояла чудесная теплая погода, и это дарило ему хорошее настроение.

Во время путешествия Этторе стал таким, как прежде, – давал полезные советы и даже пару раз по-отечески упрекнул своего воспитанника, за что тот был ему искренне благодарен.

В самолете одна из стюардесс деликатно прикоснулась к плечу Амоса, привлекая его внимание: «Простите, мистер Барди, можно попросить у вас автограф?» Он опустил столик, взял из рук стюардессы открытку и ручку, написал: «От всего сердца» – и расписался. Девушка, сияя, положила сувенир в карман, взяла Амоса за руку и горячо сжала ее:

– О, это так мило с вашей стороны! Знаете, вас любит вся моя семья!

– Спасибо, мне очень приятно! – ответил Амос, которого она все еще продолжала держать за руку.

Этторе тем временем развернул газету и погрузился в чтение. Когда стюардесса отошла, он обратился к Амосу по-английски в шутливом тоне:

– Эй, граф Вронский, ты что, думаешь, это Анна Каренина?! Не забудь – у тебя семья и двое детей…

– Что ты такое говоришь? – откликнулся Амос.

– Ничего-ничего, просто я тебя слишком хорошо знаю! – по-английски же продолжал Этторе. Он первым познакомил Амоса с этим языком, и теперь ему было интересно проверить, насколько

прогрессировали знания его ученика.

– Не беспокойся, – смеясь, уверил его молодой человек.

В Бремене Этторе впервые присутствовал на выступлении своего друга. По окончании концерта он пришел за кулисы, чтобы горячо пожать ему руку и поздравить с успехом. Амос отдал бы все на свете, чтобы узнать, что в действительности почувствовал этот пожилой Ричард Львиное Сердце, когда сидел среди публики в партере и смотрел, как Амос выходит на сцену вместе с прославленным дирижером, чтобы спеть для всех этих людей, которые по-настоящему любят и знают музыку, которые живут для нее и имеют возможность сравнивать и выносить строгие суждения… Интересно, нашел ли Этторе время, чтобы последить за выражением их внимательных лиц и проанализировать происходящее, или же он полностью отдавался музыке, взволнованный и растроганный до глубины души? Этого Амос никогда не узнает.

XXXIII

В день сорокалетия у Амоса, окруженного самыми любимыми друзьями, была масса причин праздновать и чувствовать себя счастливым: всего за несколько лет он достиг невероятных высот, о которых раньше и мечтать не смел.

Он покорял вершины хит-парадов во всем мире, причем как в популярной, так и в классической музыке; десятки его альбомов стали платиновыми; он повсеместно получал премии и признание публики, а театры и концертные залы на его выступлениях были переполнены, к вящей радости недоверчивого Микеле, который просто глазам своим не верил, когда распечатывал конверты с приглашениями из разных стран, приходящие к нему в офис.

Несмотря ни на что, Амос оставался простым парнем, которому нравилось разделять свою радость с близкими: Адриано, Верано, Карло, Лукой, Джулиано, стариком Монти (так он прозвал человека, влюбившегося в его голос с первых нот и рискнувшего всем, чтобы обеспечить ему дебют в театре Валли в городе Реджо Эмилия)… Был там и Серджио, тренер по теннису, к которому Амос искренне привязался в последнее время, ведь их объединяли общие взгляды на мир, из которых родилась дружба, чистая и прозрачная, как богемский хрусталь.

Все друзья приняли приглашение Амоса на день рождения, и праздник по случаю его сорокалетия стал одним из самых веселых в его жизни. Банкет был организован Верано, а синьор Барди обеспечил всех своим великолепным вином: казалось, в этот вечер о диете не думает никто.

Анекдоты, песни и веселые истории сменяли друг друга до двух часов ночи, пока гости, почувствовавшие усталость, не начали потихоньку расходиться по домам. Перед тем как его отец собрался уходить, Амос подошел к нему и сказал: «Мой двоюродный брат Джованни много раз приглашал меня пойти с ним на его лодке в море, а у меня все никак не получалось, завтра я свободен, да и погода обещает быть неплохой, так что скажешь о морской прогулке?»

«Позвони мне часиков в девять, и тогда решим», – ответил отец, быстро взглянув на часы. Потом ушел.

Как только прозвенел будильник, Амос вскочил и быстро оделся. Элена тоже встала, несмотря на то что ей очень хотелось спать, и отправилась на кухню, чтобы согреть детям молока. Маленький Этторе еще крепко спал на широкой родительской постели, и ничто не в силах было его разбудить.

Амос тем временем с нетерпением ждал назначенного часа,

чтобы позвонить родителям и отправиться вместе с ними на морскую прогулку на лодке кузена. Когда время подошло, Амос набрал их номер и стал ждать. В трубке раздавались длинные гудки, но почему-то никто не подходил к телефону.

После пяти или шести звонков мама наконец взяла трубку, и по ее голосу Амос сразу понял, что что-то случилось. «Ну что, вы готовы? – спросил он энергично. – Или еще спите?» После длинной паузы синьора Барди тяжело вздохнула и неуверенным тоном ответила: «Амос, я не думаю, что ты захочешь сегодня ехать на прогулку, к превеликому сожалению!»

«Это еще почему?» – спросил Амос, разволновавшись. Он хорошо знал свою мать и по одному звучанию голоса мог определить ее настроение. Ее тон и это неуклюжее утверждение напугали Амоса – он тут же с ужасом подумал, что с его близкими случилось что-то страшное. Но вот только с кем? К счастью, дети были рядом, под его чутким присмотром, Элена – внизу, на кухне. Тогда он подумал об отце, о брате, но мама прервала течение его тревожных мыслей: «Вчера, во второй половине дня, Этторе упал с велосипеда и разбил голову об асфальт». Потом она остановилась, словно не находила подходящих слов, чтобы продолжить фразу.

Амос почувствовал, как его лицо вспыхнуло огнем, а ноги настолько ослабели, что ему пришлось сесть на край постели, рядом с просыпающимся сыном. «И что?!» – закричал Амос в трубку. «К сожалению, все плохо!» – сказала мама решительно, осознавая, какую боль доставляет сыну.

Несколько секунд они молчали. Амос был в шоке; ему казалось, что все вокруг него вращается, как на карусели, и он чувствовал себя совершенно потерянным. Внезапно разум вернулся к нему, и ему стало ясно: Этторе мертв. Они больше никогда не встретятся, никогда не поговорят друг с другом. Этторе ушел в мир иной и больше никогда не даст ему совета, не подбодрит добрым словом. Все кончено…

Не говоря ни слова, Амос в истерике с силой швырнул трубку на рычаг, вскочил и, рыча, словно раненый зверь, бросился к лестнице с криком: «Элена! Элена! Этторе умер!» Охваченный отчаянием, бедный Амос кричал, даже не задумываясь о том, какую панику вызовет в душе жены это совпадение имен.

Она тем временем разливала на кухне теплое молоко по разноцветным чашкам детей. Услышав голос мужа, она быстро поставила кувшин, чтобы разобрать, что он кричит, и тут вопли Амоса буквально свалили ее с ног. Ее сердце сжалось, она почувствовала сильнейшую боль в животе, на глазах выступили горячие слезы. Жестокое отчаяние охватило молодую женщину, и

она чуть не упала. Собравшись с последними силами, она бросилась к лестнице, стремительно взлетела по ступенькам, пробежала по коридору и ворвалась в комнату. Там она, рыдая, бросилась на постель рядом с малышом Этторе, который испуганно смотрел на нее широко распахнутыми глазами. «Этторе! Этторе!» – в ужасе кричала бедная Элена, пока наконец не поняла, что сын жив и здоров. Она крепко обняла его, прижимая к груди, словно обезумевшая. Потом, дрожа, Элена повернулась к мужу, который стоял на коленях у постели, закрыв лицо руками. «Что ты наделал? Ты что, хочешь, чтобы я умерла?» – воскликнула она в слезах.

«Почему ты плачешь, мамочка? – тихо спросил Этторе, заметно растерянный. – Кто это умер? Что такое папа говорит?»

Тогда Амос встал и бросился к сыну, который тем временем освободился от материнских объятий и теперь сидел на кровати, ошеломленно глядя на родителей. Бедный Амос взял ребенка на руки и тихо и нежно объяснил: «Ты помнишь синьора Этторе? Это тот добрый дядя, которого звали так же, как тебя. Так вот, его больше нет».

«Папочка, а что значит „его больше нет“?» – спросил Этторе, который как раз находился в том возрасте, когда дети постоянно задают вопросы.

«Нет! Я неправильно сказал! – ответил растроганный Амос. – Он есть и всегда будет, просто мы не сможем его больше видеть; но он всегда будет жив в нашей памяти и наших сердцах! Хорошо?»

«Хорошо, папочка! Хорошо, только я не совсем понял!» – сказал малыш и убежал.

А Амос закрылся в своем кабинете, сел за письменный стол, облокотился на него локтями и задумался, пытаясь обрести хоть немного покоя: смерть Этторе была для него абсолютно невообразимой вещью. Как могло такое банальное происшествие отнять жизнь у столь сильного и стойкого человека?!

До этого Амос ни разу не думал, что Этторе может умереть. В его глазах этот человек был непобедимым, идеальным, вечным, как сама мысль. Но вот он ушел, сделав все, что должен был сделать, и в своем последнем путешествии в Бремен с Амосом он преподал ему свои последние советы: своего рода моральное завещание, которое Амосу не забыть никогда.

XXXIV

Амос приехал на площадь перед церковью в смятенном состоянии духа. Его отчаяние с каждой минутой становилось все более невыносимым. Он сжал зубы и кулаки и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы не разрыдаться. Элена молча шагала рядом с мужем, стараясь не смотреть на него. По другую сторону от Амоса шел его брат Альберто; сзади следовали Адриано, Верано, Карло и Джулиано – словом, все верные друзья, которые никогда не покидали его в сложные моменты жизни.

Когда Амос вошел в церковь Лайатико, храм, с которым у него были связаны самые светлые и радостные воспоминания, был заполнен людьми, пришедшими проститься с Этторе. Гроб уже стоял у подножия алтаря, и в нем покоилось тело усопшего. По спине Амоса побежали ледяные мурашки, а желудок сжался от ужаса и боли.

Духота, всепроникающий запах ладана, смешанный с ароматом цветов, скорбные лица и печальные голоса собравшихся привели Амоса в такое отчаяние, что он чуть не потерял сознание. Он нашел свободное место на скамье и сел.

Отпевание началось, но Амосу никак не удавалось сосредоточиться. С низко опущенной головой, закрыв лицо руками, он следовал за своими мыслями, уносившими его в прошлое; он пришел в себя лишь тогда, когда священник заговорил о покойном, – тогда Амос встряхнулся и стал внимательно слушать. Святой отец рассказывал о жизни Этторе, его христианском пути, но все, что он говорил, было так далеко от истины, что показалось Амосу чуть ли не оскорбительным.

«Да что он такое говорит? О чем рассказывает этот священник? – спрашивал он самого себя. – Неужели это он об Этторе? Он что, так плохо его знал? Или просто не может простить ему, что тот так редко показывался на воскресных службах? Но ведь дон Карло всегда находит добрые слова для всех!..»

Сердце Амоса наполняла горячая досада; он подумал о том, чтобы взять слово самому, пока не кончилась похоронная церемония, и попрощаться с Этторе с подобающей любовью, теми словами, которые действительно следует произносить в таких случаях.

«Я буду говорить у подножия алтаря, – подумал он, – встану рядом с гробом и расскажу об Этторе всем этим людям, которые любили его, как и я, и так же, как и я, получили от него что-то в дар, и дар этот незабываем, будь то совет, помощь или просто

доброе слово!» Он вновь перестал слушать и погрузился в мысли о том, какой будет его речь.

«Дорогие друзья, – скажет он, – надеюсь, вы простите мою настойчивость, но мне совершенно необходимо сказать несколько слов об этом человеке, прощание с которым объединило нас сегодня. Все мы сейчас как никогда едины в своей любви и благодарности к нему. Религиозные аспекты были в полной мере затронуты нашим священником; я же, как мирянин, ощущаю необходимость обратиться к удивительным человеческим, моральным и интеллектуальным качествам этого человека, чтобы никто не забывал его и ничто, даже самая малость, связанная с ним, не была утеряна. Сегодня в этом храме, в глубоком волнении, от которого наполняются слезами глаза и прерывается голос, мы прощаемся с человеком, отправляющимся в дальний путь; но разве же есть причины оплакивать как мертвеца того, кто просто уезжает?! Те, кто шагал рядом с Этторе по прямому пути справедливости и честности, скромности, доброй воли и любви к ближнему – пути, столь близкому к тому, чему учил нас воскресший Спаситель, – не могут и не должны думать об Этторе как о человеке, который оставил нас навсегда. Нет, он продолжает оставаться нашим спутником, продолжает поддерживать нас силой своей мысли и теплом добрых слов, которые всегда находились у него для всех нас. Возможно, это покажется богохульством, но я прошу вас восстать против самой нездоровой идеи смерти! Я буквально умоляю вас забыть об этом злосчастном дне с того момента, как бренные останки нашего брата исчезнут под могильной плитой, припечатанные неловкой эпитафией. Забудьте этот день и помните лишь о самом Этторе, продолжайте жить так, словно он по-прежнему среди нас, в наших домах, в наших разговорах, как вы наверняка уже делали неоднократно, когда он был далеко от вас, в одном из своих многочисленных путешествий по всему миру. Что, собственно, произошло? Что-то в Этторе испортилось, сломалось, упало его тело… Ну и что?! Такое случается, волосы тоже выпадают, и ломаются ногти, за сорок лет всякая человеческая наружность претерпевает изменения и становится совершенно другой, неузнаваемой. Ведь никто от этого не впадает в отчаяние? Нет! Конечно нет! Зачем же тогда отчаиваться сегодня, когда ничего, в сущности, не случилось? Всему в этом мире суждено погибнуть, умирает и тело. Оно ничего не стоит: как говорил известный поэт, „красота – лишь тень цветка“, а мощь – „лишь эхо трубы, что теряется в долине“. Нет! Нет! Единственное, что важно: остается нетронутой сама идея того, что было, каким он был, что от него сохраняется в нас. Ничто, ничто не потеряно! Потому что лишь

идея способна „убежать от времени и победить варварское молчание“…»

Сердце Амоса переполняли чувства, охватывающие человека, который бесстрашно рвется в бой, не задумываясь о чудовищном риске. Тем не менее внезапное решение обратиться к собравшимся в церкви верным друзьям покойного и некоторым образом вырвать Этторе из лап смерти, объяснив тем, кто любил, уважал и считал его образцом для подражания, как важно хранить память о нем, подарило ему внезапное успокоение, передышку во мраке отчаяния. Он уже собирался встать и пройти к алтарю, как услышал григорианское пение, заставившее его вздрогнуть: то были печальные, торжественные звуки, которые обычно сопровождают усопших в последний путь: *In paradisum deducant te angeli…* И как раз в этот самый момент четверо сильных парней из деревни пронесли мимо него гроб, а все вокруг поднялись со скамеек и печально выстроились в траурную процессию.

Тогда его глаза наполнились слезами; большие горячие капли покатились по щекам, и он разрыдался в голос. Он не успел сказать ничего из того, что хотел, а теперь уже было поздно. Он шагал в толпе, словно чужак, а похоронная процессия медленно продвигалась к маленькому кладбищу, находившемуся в нескольких сотнях метров от деревни, среди зеленых кипарисов его любимой Тосканы.

XXXV

Спустя несколько дней Амос уехал в Соединенные Штаты, где ему предстояло дать серию концертов. С ним поехали Карло, Микеле и Кристина, его верная секретарша, которую Амос любил за бесконечное терпение и усердие в работе.

Американцы буквально обожали Амоса и ждали его с распростертыми объятиями. Билеты расхватали в самый первый день предварительных продаж, и их было не найти ни в одной кассе…

Здесь рассказ Амоса подходит к концу, потому как все остальное уже является достоянием публики, благодаря вниманию к этой истории средств массовой информации. Остается лишь привести отрывки из его дневников, чтобы дать самому Амосу возможность завершить свое повествование.

1 октября 1998 года

Я уезжаю со смертью в сердце, но все же уезжаю, полон жизни и надежды. Еду один, без семьи, и мне безумно ее не хватает. Но со мной Этторе, он всегда будет среди людей, которых я встречу, с кем буду говорить или просто пожимать руку, – и это будет очень помогать мне…

5 октября 1998 года

Американцы любят меня. Публика на концертах просто фантастическая и принимает меня с такой теплотой, что не описать словами. Если бы они знали, с каким страхом я каждый раз выхожу на сцену, если бы представляли себе все мои тревоги, мое молчание, мое одиночество…

7 октября 1998 года

Меня не оставляет неприятное ощущение, что я превратился в машину для делания денег, и все меня таковой и считают. Я постоянно нахожусь в центре огромного настойчивого интереса к моей персоне. Мне страшно, и стыдно за то, что страшно: ведь человек, который отдает всего себя делу, не должен ничего бояться – даже ошибок…

9 октября 1998 года

Я обнаружил, что невольно стал предметом яростной борьбы за меня двух мощнейших организаций, а также целью для их нападок, но надеюсь, что святые помогут мне выйти невредимым, иначе я сам умою руки; впрочем, мне уже и так повезло: у меня

есть все, что нужно для жизни, и я по-прежнему умею довольствоваться малым.

12 октября 1998 года

Сегодня я испытал большое волнение: приехав в Бостон, я обнаружил, что в аэропорту меня встречает огромная толпа, а городские власти объявили этот день «Днем Барди», праздником по случаю моего концерта; за что мне такая любовь?!

15 октября 1998 года

Даже поверить до сих пор не могу: сегодня утром я был на приеме у мэра Нью-Йорка, который подарил мне большое хрустальное яблоко, символ этого города. Он искренний поклонник оперы и очень хвалил в приветственной речи мой голос. Потом настала моя очередь говорить, и я на своем хромающем английском сказал: «Жизнь все-таки прекрасная тайна, я в этом все больше убеждаюсь. Моя сегодняшняя встреча с вами, господин мэр, и с большим количеством людей, живущих в этой стране, лишь утвердила меня в этой мысли. Как итальянец, могу пообещать, что буду и впредь делать все зависящее от меня, чтобы заслужить это признание, воздавая должное моей стране и всем тем, кто был вынужден покинуть ее».

В общем, как бы я ни пытался, не могу объяснить причины такого чудесного отношения ко мне.

Кто знает, может быть, однажды я напишу книжку, которая расскажет историю моей жизни, чтобы о ней узнали мои дети и внуки. Я буду писать ее, чтобы обмануть время, которое так медленно тянется в бесконечных гримерках теат ров или телевизионных студий, а возможно, чтобы постфактум понять те тайные механизмы, что управляли жизнью слепого ребенка, родившегося и выросшего в богом забытой деревеньке возле Мареммы, и вели его к амбициозным целям, которые простирались далеко за границы самых невероятных фантазий.

20 октября 1998 года

Сегодня вечером я тоже выступаю, так что мне придется провести целый день взаперти в этом безликом гостиничном номере, да еще и в полном безмолвии, чтобы мой голос не потерял своей гармонии. Но вообще-то это даже хорошо, потому что я устал: устал от бесконечных разъездов, хит-парадов, борьбы, контрактов; устал от газет, которые пишут про меня что угодно, не задумываясь о том, какое зло могут мне принести; устал от критиков, которые безжалостно держат под прицелом мой успех и мою популярность. Они вцепились мертвой хваткой в собственные

принципы, но при этом забывают о том, что никто не является носителем абсолютной истины; они не обращают внимания на факты – а между тем принципы терпят крах, а факты остаются фактами. Я думаю о своем, и никто и представить себе не может, как дорога мне музыка тишины в одиночестве этой комнаты.

XXXVI

Десять лет спустя…

Мы оставили Амоса в круговороте событий, связанных с его артистической жизнью, и теперь вновь находим его там же, где впервые встретились с ним в самом начале этого рассказа: в ожидании выхода на сцену он терпеливо сидит в кресле в маленькой гримерке, а на коленях у него компьютер.

Сколько же всего произошло за это время, пролетевшее, словно молния! Сколько всего достигнуто, сколько испытаний и болезненных потерь позади, сколько драгоценных воспоминаний, отпечатавшихся в памяти этого человека, который, подобно перелетной птице, всякий раз доверчиво устремляется к поставленной цели, выкладываясь полностью, отдавая буквально все свои силы, чтобы оставить о себе добрую память.

Его волосы, которые больше не закрывают воротничок рубашки, поседели, но улыбка и выражение лица остались прежними. Они, как и раньше, выдают его внутренний покой и несгибаемый оптимизм. А между тем в тот момент, когда мы прервали свой рассказ, в дни сказочного успеха и неуклонного подъема, над Амосом начали сгущаться зловещие черные тучи, которые не предвещали ничего хорошего.

Синьор Сандро, любимый отец Амоса, пораженный неизлечимой болезнью, стал чувствовать себя все хуже. Вернувшись с торжественного концерта по случаю Пасхи, который транслировало немецкое телевидение, Амос обнаружил, что отец в больнице и силы покидают его. Он обнял его и попытался сказать хоть какие-то слова, способные порадовать отца: «Пап, все зрители приветствовали меня стоя, и маэстро Мазель был очень доволен». Больной слабо улыбнулся и поднял руку, чтобы погладить сына по голове, но ничего не ответил. У Амоса сжалось сердце; ему хотелось расплакаться, словно слезы могли смыть с тела отца пожиравшую его болезнь, но слезы здесь были ни к чему, ведь тот, кто страдает, больше всего нуждается в улыбке, надежде и мужестве.

«Пап, хочешь, я останусь здесь, с тобой?» – спросил он, когда настало время уходить. И в ответ услышал голос, такой родной и такой слабый: «Нет, что ты! Тебе надо идти, я так рад… – Тут отец прервался, а потом добавил: – Просто звони мне, чтобы рассказать, как ты…»

Амос крепко обнял его и поцеловал в лоб, и вдруг он

отчетливо ощутил, что это – самый последний раз, самое последнее объятие и прикосновение, самое последнее драгоценное воспоминание об отце. Он почувствовал, как рука Серджио легла на его плечо и мягко потянула его: «Идем, Амос, идем!»

Серджио тоже был печален, ведь страдания близких людей очень заразительны. Амос с невероятным усилием заставил себя оторваться от отца и медленно вышел из больничной палаты, куда ему уже не суждено было вернуться. Ноги его внезапно сделались тяжелыми, и он ощутил, будто теряет волю, пока жестокая судьба уводила его от постели отца, от его угасающей жизни.

Воспоминания, нежные детские воспоминания, нахлынули на него: он вспоминал ласковые прикосновения отцовских рук, его строгие упреки, страстные разъяснения; ценности и идеалы, которые тот прививал сыну; зимние вечера у потрескивающего дровами камина, летние ночи, когда они вместе ловили ящериц на деревенских дорогах или на только что вспаханных полях…

Он вспоминал, а сам тем временем, будто робот, шел к ожидавшему его автомобилю или самолету, который готовился унести его в небо… Он вспоминал и давал самому себе клятву: «Я повсюду буду с твоим именем на устах; а ты будешь смотреть, как я мчусь, сражаюсь, падаю, и будешь гордиться мной. Каждый вечер я стану рассказывать тебе о своих поездках, о своих концертах, как делал всегда, и твоя улыбка будет дарить мне силы, чтобы идти вперед».

Он постоянно чувствовал поддержку друзей и страдание матери, героически оставшейся дома, рядом с мужчиной, которого она любила всю свою жизнь.

Спустя несколько дней, как он и ожидал, зазвонил телефон, и его брат Альберто сообщил, что отца не стало. В этот момент Амос был в Риме. Было 30 апреля 2000 года. Амос готовился к выступлению, которое должно было состояться днем позже: речь шла о большом концерте в сопровождении Оркестра Святой Сесилии, в присутствии папы Римского. Но он не медля вызвал машину, погрузил в нее свои вещи и помчался домой.

Всю ночь он провел возле гроба. Там лежал его отец, которого больше не было. Он гладил холодный лоб и не мог поверить, что это тело принадлежало человеку, который растил его, любил и поддерживал. Внезапно его пронзило острое ощущение, что отец находится где-то в другом месте, далеко от собственного тела, которое теперь казалось Амосу чужим, похожим на восковую или глиняную статую.

Мать приходила и уходила и все разговаривала с бедным

усопшим, словно он еще был жив. Амос был в ужасе, кровь стыла у него в жилах. Она должна была искать его в другом месте! Не здесь! Говорить с ним про себя, но не вслух! Только не это. Только не так. К утру он чувствовал себя окончательно истощенным, но не хотел ложиться спать.

Вдруг зазвонил телефон, и кто-то взял трубку. Через несколько минут пришла мать и сказала, что в Риме все ждут его и что пропустить концерт невозможно, за ним пришлют полицейский вертолет, и он успеет к началу.

Амос был растерян и не знал, что делать. Как же так – выступать после такой ночи, такой боли?! Разве он сможет? И как вообще можно требовать от него такого?

Но мама и Альберто подбадривали его: «Папа был бы доволен… Папа будет рядом с тобой…» Он понял, что судьба вновь ведет его своей собственной тропой. Судьба – водоворот, которому нет смысла сопротивляться; судьба – безжалостный ветер, а мы – лишь травинки, гнущиеся на ветру.

Амос собрался с силами и отправился в Рим вместе с Альберто и Адриано, который тоже не хотел оставлять друга в беде. Он едва успел переодеться, как его уже позвали на огромную сцену, построенную специально по случаю концерта, и он предстал перед колоссальной толпой, среди которой был сам папа Римский Иоанн Павел II. Несколько раз ему казалось, что горло у него предательски сжимается и пропадает голос, но он заставил себя успокоиться, убедил себя не думать ни о чем, кроме мелодии, попросил свое сердце стать холодным, а душу – отдалиться от того, что тревожило ее, и каким-то невероятным образом ему это удалось.

Тучи в небесах над Амосом, подгоняемые ураганным ветром, все сгущались и сгущались; гроза началась, первые страшные порывы бури оставили свои разрушительные следы, но, как он и ожидал, это было только начало.

Однажды к нему в дом вдруг ворвалась финансовая полиция – целых две бригады. Девять вооруженных офицеров на него одного. За несколько часов они разгромили все: содержимое каждого шкафа было выпотрошено и осмотрено, каждый ящик открыт и опустошен, а каждый компьютерный файл – досконально изучен…

Амос, поначалу слегка растерянный и рассерженный, быстро взял себя в руки и даже оживился – ему было любопытно, чем закончится эта странная сцена, казавшаяся ему ирреальной. Вызванный им Серджио обнаружил своего друга мило беседующим с капитаном. «Я могу идти? – вежливо осведомился Амос. – У меня срочное дело, а дом как никогда в надежных

руках!»

Капитан так же любезно ответил, что присутствие Амоса необходимо и уйти он не может, по крайней мере сейчас. Тогда Амос с улыбкой парировал: «Ах, так я под домашним арестом?!» Все весело засмеялись, и атмосфера сделалась чуть менее напряженной. Затем офицеры удалились, направившись в офис эксперта по налоговым вопросам Мартинелли, и Амос долгое время их не видел. Тем не менее этот опыт, случившийся с ним впервые, немало взволновал его.

В эти дни Элена с детьми отдыхала в горах, и отъезд ее произошел не в самой теплой атмосфере. С некоторого времени отношения между супругами оставляли желать лучшего. Элена стала довольно нетерпимо относиться к карьере мужа, его постоянному отсутствию и частым визитам коллег и сотрудников. Ведь они познакомились в маленьком провинциальном кафе, и она ждала чего угодно, кроме такого существования, беспокойного и полного забот и ответственности. Элена мечтала о простой и спокойной жизни, о том, чтобы муж был всегда рядом, а вовсе не о том, чтобы видеть себя на первых страницах газет и журналов и быть в постоянной осаде журналистов и фотографов. Все это не соответствовало ее характеру, было слишком утомительно. Постепенно она отдалялась от мужа, от его общественной и частной жизни, от его друзей, от его привычек, с каждым днем становившихся для нее все более невыносимыми.

Часто достижение одной мечты разбивает на мелкие кусочки другую: Амос реализовал то, о чем мечтал, и даже значительно больше, но теперь жизнь предъявила ему счет. Амос не замечал происходящего, а может быть, просто недооценивал проблему; поэтому он был до крайности поражен, когда однажды его позвала испуганная и встревоженная домработница: приходил судебный пристав и вручил ей какой-то, как ей показалось, очень важный документ. Все стало ясно через несколько секунд: Элена требовала развода. В течение нескольких дней Амос должен был освободить этот дом, дом, в который было столько вложено, который хранил множество нежных воспоминаний о первых шагах, сделанных его детьми, о первых произнесенных ими словах… Закон, несправедливый и устаревший закон, гнал его прочь из этих стен. Впредь между ним и его малышами будет воздвигнут тяжелый железный забор. Оскорбительное предписание предполагало смену замков и противоестественный запрет видеться с детьми в любое время, кроме того, что установит судья.

Для чего же тогда ему успех, слава, завоеванная такой

дорогой ценой, ценой огромных жертв, лишений, усталости и бесконечных испытаний?! Все это внезапно стало бессмысленным. Амос испытывал ярость, отчаяние и доселе невиданное ощущение бессилия и неуверенности в себе. Он не плакал, не притворялся, не сходил с ума, но улыбка словно навсегда стерлась с его губ, и былой энтузиазм, восторг перед жизнью, перед музыкой, перед пением впервые покинули его. Он стал молчаливым, задумчивым и печальным.

Он купил небольшую квартиру неподалеку от дома своей семьи и поселился там. Любящая мать тут же бросилась приобретать для него все необходимое: кровать, стол, диван. В эту квартиру пришли навестить его и дети, потерянные, ничего не понимающие; тогда он попытался извлечь из глубин своей души остатки жизненной энергии: словно изгнанник, сосланный далеко от родины, он смиренно старался обустроить новую жизнь, но это было непросто.

Тем не менее присущие Амосу оптимизм и инстинкт самосохранения, просыпающийся в самые сложные жизненные моменты, а также любовь, любовь ко всему прекрасному, что есть вокруг и что составляет саму тайну нашего существования, день за днем, месяц за месяцем возрождали к жизни его умирающую от боли душу.

Прекрасным майским утром Амос проснулся от тепла солнечных лучей, скользивших по лицу, и внезапно почувствовал себя лучше. Один из лучей коснулся его руки, и это было словно нежное ободряющее рукопожатие. Он схватил ноутбук, включил его и стремительно написал:

В минуты самой глубокой печали
Вдруг всходят ростки из брошенного зернышка счастья,
И умирают тревога и мука.
Не стоит отчаиваться, ведь однажды
Небо над тобой вновь станет ясным.

Этим он будто говорил самому себе: «Ну уж нет! Хватит! Так быть не должно! Все не может закончиться таким образом! Ради моих собственных детей, ради мамы, бедной мамы, которая боролась за меня, надеялась, страдала, и вот плоды ее бесконечных лишений! Я обязан снова полюбить жизнь с прежней страстью, снова найти в себе непреодолимое желание познавать, жить и любить!»

Он решительно поднялся с постели, привел себя в порядок старательнее, чем обычно, и вышел из дома. Это было не просто началом нового дня: речь шла скорее о начале новой жизни.

XXXVII

Спустя несколько дней Амосу позвонил его менеджер. Он бросился к телефону и сразу узнал голос Микеле, который, как всегда возбужденно, говорил: «Прыгай в машину и быстро приезжай сюда, неподалеку от Феррары. Сегодня вечером здесь пройдет важнейшее собрание, такую встречу нельзя пропустить: будут политики, деятели шоу-бизнеса, промышленники… Остальное увидишь сам, но давай быстрее, потому что я обещал, что ты приедешь и что-нибудь споешь. Естественно, ничего особенного, просто какой-нибудь отрывок; пусть Карло аккомпанирует тебе на рояле. А потом будет праздник, да еще какой! В общем, доверься мне!» Амос попытался отговориться, причем довольно-таки решительно, но тщетно.

За окном шел дождь, вернее, самый настоящий ливень, а ему предстояло в такую ужасную погоду ехать на какой-то скучный и дурацкий праздник местных буржуа. Амосу все это казалось совершенно бессмысленным; вероятно, это нужно было одному Микеле для каких-то его персональных махинаций.

Он стал придумывать, как бы не поехать, принялся искать предлоги, но потом решил: к черту предлоги – просто не поеду, и все, останусь здесь, дома, в тепле. Но, с другой стороны, разве он сам не решил бороться с собственными апатией и ленью, чтобы возродиться к новой жизни? Разве он не поклялся самому себе, что вновь начнет активно жить, ради блага окружающих? Может быть, стоит все-таки поехать, вопреки лени, плохой погоде и нелюбви к светской жизни? Так он и сделал. Он попросил своего друга Серджио проводить его; вместе они заехали за Карло и отправились в Феррару.

На протяжении всей дороги лил дождь. В Валь Падане их ждал еще и густой туман, но они не теряли присутствия духа. Автомобиль ехал по какой-то деревне, когда металлический голос спутникового навигатора вдруг прервал их разговор: «Вы достигли места назначения». Серджио, сидевший за рулем, свернул на грязную боковую дорожку, которая привела путешественников к великолепной вилле девятнадцатого века, ухоженной и прекрасно обставленной.

Амоса провели в зал на первом этаже, где на специально оборудованных подмостках уже стоял рояль. Настройщик только что закончил работу; он вежливо поздоровался с вновь прибывшими и попросил Амоса проверить состояние инструмента. Карло подошел, сел за рояль и принялся играть. «Все идеально, спасибо», – сказал он вскоре, и настройщик,

попрощавшись, удалился.

Трое друзей остались одни. Амос немного пораспевался, а потом стал болтать с Серджио. Он спросил друга, что тот думает о предстоящем вечере, когда его вдруг перебил Лучано, звукоинженер, работавший с ним уже много лет. Микеле предусмотрительно вызвал и его: конечно, записывать ничего не надо было, но кто знает; и потом, Лучано – симпатичный и веселый парень, почему бы и ему не съездить в гости?!

«Привет, Амос! – сказал звукоинженер. – Как твои дела? Как прошла поездка в такую погоду?… Послушай, – продолжил он, – я хочу познакомить тебя с потрясающей девушкой!» И он, как обычно, весело рассмеялся.

Девушка шагнула навстречу певцу и протянула руку:

– Очень приятно с вами познакомиться, маэстро! Меня зовут Ванесса.

Амос крепко пожал ей руку:

– Мне тоже очень приятно. Только не надо называть меня на «вы», ведь мы, кажется, примерно одного возраста! – сказал он, смеясь, потому что понимал, что на самом деле вдвое старше ее, потом спросил: – А ты откуда?

– Из Анконы, – с готовностью ответила девушка.

– О, из родного города одного из самых великих лирических исполнителей!

Ванесса на мгновение задумалась и почти автоматически сказала:

– Беньямино Джильи, да?

– Нет, Франко Корелли.

– Ну конечно же Франко Корелли! – тут же исправилась Ванесса. – А Джильи из Реканати! Какая я же я глупая…

Амос слушал ее нежный и чувственный голос, этот юный голосок, который говорил с ним впервые, а казалось, что так было всегда. Внезапно ему показалось, что она собирается распрощаться. Инстинктивно он взял ее руку и сжал в своих ладонях, потом погладил ее по обнаженному плечу и отошел.

Вскоре к нему подошла молодая журналистка, которая вежливо представилась и попросила о небольшом интервью. Амос рассеянно согласился.

Между тем приглашенные постепенно заполняли зал, чтобы послушать выступление знаменитого певца. Когда все было готово, к Амосу подошел Карло и спросил: «С чего ты хочешь начать?» Тот подумал и с улыбкой ответил: «Сегодня вечером я бы начал с „Глаз феи“», – и вместе они направились к роялю.

«О, прекрасные глаза феи, прекрасные глаза, чей взгляд так странен и глубок!» Амос пел с чувством, как никогда; длинная

дорога, казалось, не утомила, а, напротив, взбодрила его, нескончаемый дождливый весенний день дал ему силы. Публика буквально онемела от восторга, когда он на высокой ноте страстно и эмоционально завершил последнюю строку: «Так подари же мне любовь!»

Ванесса тем временем стояла в глубине зала, прислонившись к стене. Амос не знал этого; невдомек ему было и то, что чувствовала девушка в тот момент, какие бури тревожили ее сердце. А она не знала, что стала музой и вдохновительницей для артиста, которому впервые пожала руку в этот вечер. Она слушала его выступление, улыбаясь самой жизни, своей юной жизни, в которую верила со всем пылом молодости. Она слушала пение Амоса и, будто в колыбели, качалась на волнах нежных мелодий, которые так часто напевал ей отец, а в конце короткого концерта растворилась в толпе и исчезла.

Амосу было весело. После стольких печалей, стольких злоключений этот вечер принес ему неожиданное облегчение. Он сел за столик в гостиной, отведенной специально для него и его друзей, и задумался об этом странном уходящем дне. Внезапно он вспомнил о Ванессе. Решительным жестом отодвинув от себя столовый прибор, он повернулся к Серджио и, склонившись к его уху, шепнул: «А куда делась та девушка из Анконы, с которой нас познакомил Лучано? Может, посмотришь, где она, и позовешь ее к нам?» Серджио понял все с лету и с улыбкой отправился на поиски Ванессы.

Найти ее оказалось делом непростым; вокруг царила суматоха, ходили взад-вперед люди с тарелками и бокалами, кто-то ухаживал за соседкой по столику, кто-то искал новоиспеченного политика, стремившегося охмурить очередного богатого промышленника. Но Серджио не отчаивался, и в конце концов его усилия были вознаграждены. Он увидел Ванессу, когда та выходила в соседний зал, и окликнул ее. Она удивленно остановилась. «Амос просил пригласить тебя за наш столик!» Амос? Какой Амос? Ванесса собралась было спросить, но вдруг вспомнила. Девушка улыбнулась: она чуть было не оконфузилась. «Просил? Меня? – переспросила она немного удивленно. – Ну хорошо, сейчас приду», – добавила она, не дожидаясь последующих объяснений. Ванесса спустилась на первый этаж и села рядом с Амосом, который немедленно постарался сделать все, чтобы она чувствовала себя непринужденно. Он самым естественным образом беседовал с ней на разные темы, как человек, давно привыкший к подобным ситуациям, но не мог отвлечь девушку от любопытных взглядов окружающих, которые, как он прекрасно понимал, вгоняли ее в краску.

В какой-то момент, поправляя салфетку на коленях, он случайно коснулся руки Ванессы и тут же взял ее в свою ладонь. Какой же прохладной, нежной, прекрасной и мягкой была эта рука!

Амос всегда питал особый интерес к рукам; и сколько же их довелось ему пожать за свою жизнь! Он не слишком верил в то, что в линиях ладони скрыто будущее человека, однако считал, что рука многое способна рассказать о своем владельце: рука – это зеркало души. Амос был глубоко убежден в этом и неизменно искал в протянутой руке закодированные послания. Внезапно его захлестнула волна страсти и нежности; ему захотелось оказаться с Ванессой наедине и сказать ей все то, что подсказывало ему сердце, но язык сердца так сложен, его не выразить словами, душа напрямую говорит с душой, и им не нужны посредники. И потом, здесь, в этом зале, они, увы, были не одни.

Тогда Амос отпустил руку Ванессы, попытался справиться с овладевшими им чувствами и как можно более естественно спросил:

– Ты сегодня должна вернуться домой?

– Нет, – ответила она, – я останусь здесь до завтра, а послезавтра у меня экзамен в университете.

– Ну, в таком случае можешь остановиться у меня, а завтра я провожу тебя на вокзал, – перебил он девушку.

Ванесса на секунду задумалась, а потом робко ответила:

– Если я не помешаю…

– Наоборот, составишь компанию на время обратной дороги, а то нам было так скучно, пока мы ехали сюда.

Амос и Ванесса разговаривали, то и дело прикасаясь друг к другу, словно хотели, чтобы их души слились воедино, а тем временем судьба, самый восхитительный, самый нелогичный, самый необъяснимый и божественный художник, писала для них невероятное полотно, содержание которого они и представить себе не могли. Ванесса приняла приглашение, так что следовало как можно быстрее уезжать, ведь причин оставаться здесь больше не было, наоборот, существовал определенный риск, что она вдруг передумает…

Амос быстро докончил ужин, попрощался со всеми и вышел. Снаружи все еще шел дождь. Он сел впереди, рядом с Серджио, который, как обычно, вел машину, а Карло с Ванессой устроились рядом на заднем сиденье.

Они отпустили несколько замечаний по поводу присутствовавших на вечеринке, а потом разговор постепенно перешел на литературу, точнее, на поэзию. Амос был поражен, как много успела прочитать Ванесса: может, она не так юна, как

кажется?…

Наконец заговорили о музыке, и Амос со смехом нажал кнопку перед собой, спросив: «Узнаешь этот голос?» Он повернулся к Ванессе: «Это голос одного твоего земляка. Знаешь, он был моим учителем, и – кто знает – возможно, если бы я не услышал его голос еще в детстве, то сегодня не был бы певцом, и мы бы с тобой не встретились!» Она все поняла и, вспомнив об их самом первом разговоре, улыбнулась. На этот раз она ничего не перепутает.

Теперь все в машине слушали молча. Как и много лет назад, голос Франко Корелли заставлял сердце Амоса колотиться. С присущим ему великолепием Корелли исполнял «Внезапность» из «Андре Шенье»: «Вы в самое сердце меня поразили…»

Чудесный голос и мелодия во много раз усиливали чувства Амоса и, возможно, Ванессы – тоже. К его изумлению, она тихонько подпевала. Значит, она знала эту оперу? Вот уж действительно необычная девушка. Он задумался, а потом вдруг спросил: «Прости за любопытство, а сколько тебе лет?»

«Двадцать один», – просто ответила она.

«Двадцать один… – подумал Амос. – Двадцать один… Это так мало… Она младше меня больше чем вполовину… Еще совсем девочка, хоть и зрелая, как взрослая женщина. Наверное, я сделал глупость: вероятно, не стоило ее приглашать».

Но всякий задним умом крепок. Что сделано, то сделано – к тому времени они уже миновали Эмилию Романью. Автострада, непривычно свободная в такое время, петляла в направлении Тосканы через Апеннины; вдали, в низине, уже виднелась Флоренция, а Корелли все пел и пел: «Как прекрасный майский день, как поцелуй ветра и ласковое прикосновение луча…» Амос улыбнулся: наверное, судьба, в роли великого церемониймейстера, позаботилась и об этой детали. В самом деле, на дворе стоял месяц май: Шенье записал своей кровью на манжетах рубашки последние в его юной жизни стихотворные строки; Амос же, слушая эти восхитительные стихи, чувствовал, что проживает первый день своей новой жизни. Это было в самом деле недалеко от правды. В его душе, прошедшей через столько страданий, боль этих слов волшебным образом превращалась в счастье.

Они приехали домой, полные радости жизни, которая перечеркивает усталость, проблемы, печали и зажигает мечты, надежды и страсти, делает красноречивыми и в то же время жадными до слов, до этих мелких, ничего не значащих фраз, произносимых лишь для того, чтобы заполнить неловкую тишину. Когда они уснули, побежденные навалившейся усталостью,

солнце уже высоко светило в небе, освещая великолепные Апуанские горы.

Любовь и радость идут по жизни рука об руку. Встреча Амоса и Ванессы была встречей двух родственных душ. С тех пор они не расставались ни на секунду, проводя друг с другом двадцать четыре часа в сутки. Вместе ездили по миру, вместе переживали боль и трудности любого рода, вместе строили планы, спорили, пели и играли, словно двое подростков, радующихся жизни. Ведь любовь способна и на такие чудеса.

Заключение

Необходимо дать некоторые разъяснения специально для терпеливых читателей, добравшихся до этого места. Они наверняка поняли, что все это было написано мною с единственной целью: запечатлеть, хотя бы приблизительно, себя самого и муки собственной совести, а также свое понимание жизни, не говоря уже о том, чтобы просто рассказать интересующимся миром шоу-бизнеса, каков он за кулисами, в гримерках и коридорах радио– и телестудий.

Я назвал себя другим именем и изменил имена прочих героев своих воспоминаний, чтобы рассказать некоторые эпизоды этой истории с соблюдением самой строгой исторической правды, с одной стороны, а с другой – проявить уважение к личной жизни тех, кто упомянут здесь вопреки их желанию. Так я сумел рассказать о грехах, не призывая к ответу грешников.

Но некоторым известным личностям я оставил их настоящие имена, будучи уверенным в том, что им не в чем меня упрекнуть.

После всего вышесказанного мне остается лишь удалиться, извинившись и искренне поблагодарив читателей – уж простите мне мое тщеславие – за то, что позволили мне немного скрасить ваше время.

Андреа Бочелли

Дорогие родители,
дорогая Вероника!

Надеюсь, вы благосклонно примете это странное произведение, которое я посвящаю вам от всего сердца и которое является свидетельством моей глубокой благодарности за любовь и понимание, которыми вы всегда окружали меня, и за вашу веру в меня. На этих страницах вы легко узнаете эпизоды и аспекты вашей жизни, которые я решился описать: мне хотелось, чтобы корни этого повествования уходили глубоко в правдивую почву, пусть лишь частично, поскольку правда эта – моя, но она является плодом ума, который я старался полностью освободить от предвзятости и предубеждений, скомпрометировавших бы то немногое, что есть в нем хорошего. Ибо насколько это посвящено вам, настолько же и обращено к моим малышам, главному смыслу моего существования; обращено вместо многочисленных и бессмысленных отеческих наставлений, от которых я, увы, все-таки не смогу удержаться через некоторое время.

Сколько усилий я предпринял и продолжаю предпринимать ежедневно, чтобы выманить у мира, у общества, в котором мы живем, такого сложного и противоречивого, какую-нибудь тайную формулу, волшебный секрет, которые можно было бы передать моим детям, какое-нибудь действенное лекарство от трудностей и жизненных проблем, таких частых и таких неизбежных. Но нет! Ничто мне не помогает в этом. Я не в силах найти ничего стопроцентно надежного и правильного. Разве что какие-нибудь короткие мысли, наивные размышления, из которых в свое время родились самые простые и элементарные убеждения, позволившие мне жить спокойной жизнью, целью которой было прежде всего обретение внутреннего покоя, не покидающего меня почти никогда, даже в конфликтных ситуациях.

Разве может быть шанс лучше этого, чтобы дать своим детям совет, идущий из самой глубины сердца: никогда не теряйте способность смотреть в будущее с оптимизмом, развивать в себе веру в самих себя и, главное, доверие к ближнему, от чего будет зависеть все лучшее, что подарит вам жизнь! Они прочитают эти страницы, когда подрастут, и, возможно, в их глазах я буду выглядеть ностальгирующим стариком, неспособным понять их проблемы, скрывшимся под панцирем воспоминаний и далеким от реальности, как старый лотерейный билет.

Вот почему я решил написать это повествование и попытаться рассказать в нем о радостях и удачах человека, который в течение всей жизни привык жестоко сражаться за собственные идеалы, но понимал, впрочем, что не является носителем абсолютной истины, и был всегда вооружен сомнениями по любому поводу.

С течением времени, чем больше укреплялась во мне привычка думать, прежде чем выносить суждение, и рассуждать по совести, прежде чем верить чему-либо, тем больше рассыпалась в прах моя уверенность, уступая место сомнениям. Сомнение – это весталка, хранящая священный огонь человеческого разума, и я принимаю его, невзирая на то что оно логически влечет за собой невозможность считать сами собой разумеющимися те идеи, в которые я верю и которые порой пытаюсь выразить с таким трудом.

Ум человека, подобный дрожащему пламени свечи, освещает в густой тьме лишь краткий отрезок нашего пути; впереди и вокруг нас все погружено во мрак и неизвестность. Тогда мы начинаем медленно и осторожно продвигаться по освещенному участку, нащупывая ногой твердую почву, – способность, которая заставляет нас считать себя хозяевами своей судьбы.

Внимательно смотреть, куда ставить ногу, и выбирать надежную опору, безусловно, дело полезное, но этого отнюдь не

достаточно для того, чтобы в значительной мере повлиять на свою судьбу.

Каждый из нас с самого рождения следует определенной дорогой. В этом направлении он делает первые робкие шаги и при тусклом свете пробивает себе путь, преодолевает препятствия, продвигаясь вперед так быстро, как только может.

Человечество видится мне как некая неорганизованная толпа, хаотично бредущая к своей цели, далекой и неизвестной, желанной и непонятной, и пытающаяся победить тьму светом бесчисленных дрожащих искр…

Иными словами, жизнь и судьба каждого из нас плывут на хрупких корабликах, которые несет течением реки в море. Стоя за штурвалом, все мы стараемся избежать столкновений и кораблекрушений, и ничто не заставит нас вернуться обратно или остановиться хоть на миг, чтобы передохнуть…

Если неизбежность определенных событий, знаменующих фундаментальные этапы человеческой жизни, является для меня непреложным фактом – и понял я это благодаря блистательным литературным произведениям, – то так же верно и то, что и мелкие, незначительные эпизоды, имевшие место в моей жизни, навели меня на такие размышления, что я просто не мог не поделиться ими, дабы кто-нибудь извлек из них пользу, положив начало собственному росту и развитию.

Судьба человечества и каждого отдельного индивидуума, на мой взгляд, «разумно предрешена»; иначе говоря, это «путь, управляемый разумной волей», которую – какой бы мы ни считали ее, какой бы ни воображали, ни идеализировали, ни любили или ненавидели, как бы ни молились и ни проклинали – нам не понять рационально и не упростить до понятия «случайности»; а следовательно, и не получится ее игнорировать.

Капли дождя в самом деле падают с неба беспорядочно, случайно, и от них намокают крыши домов, листья деревьев, дороги, поля; так же и снежинки, непохожие одна на другую, ложатся на землю в чисто случайном порядке и образуют белоснежный ковер, который остается нетронутым, пока его не растопят без следа солнечные лучи; так и по окончании боя мертвые тела остаются разбросанными на земле тут и там. Но сами капли дождя, снежинки, лучи солнца, тела мертвых и раненых – не плод случайности, этого абстрактного понятия, за которым частенько прячется человек, когда не может объяснить что-либо посредством знакомых ему правил и законов.

Когда он ведет себя таким образом, это акт интеллектуальной самонадеянности, в результате которого он падает там, где так просто устоять на ногах, сопровождаемый

смиренными улыбками тех, кто выбирает иной путь, чтобы обойти древо добра и зла. Ведь людей смиренных это древо совсем не интересует – они заняты тем, что стараются вновь создать на планете рай земной, из которого однажды человек был изгнан как раз за свою спесь.

КОНЕЦ

notes

Примечания

1

«Было бы желание, а способ найдется». – *Примеч. ред.*

2

Игра слов: Амос перепутал итальянские слова «страстно увлеченный» и «пассионист», член монашеского ордена Страстей Господних. – *Примеч. перев.*

3

«Незнание законов не освобождает от ответственности». – *Примеч. перев.*

4

В Италии «докторами» называют всех, кто получил высшее образование. – *Примеч. перев.*

5

Паста с грудинкой, чесноком и сливочным соусом. – *Примеч. перев.*

6

Блюдо итальянской кухни: лепешки с чесноком, оливковым маслом и ветчиной. – *Примеч. перев.*